

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО СРЕДСТВАМ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КБР
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

2. 2014 МАРТ - АПРЕЛЬ

ЧЕРКЕССКИЙ МЕДЖЛИС

После капитуляции Мухаммед Амина в ноябре 1859 г. адыгское общество вернулось к собственным принципам организации конфедеративного государства во главе с коллегиальным руководством – меджлисом.

«Действия русских войск, – писал Р. А. Фадеев, – убедили непокорных горцев, что приближается последний час их независимости. Но черкесы не потеряли головы и не упали сердцем; напротив, они решились отстаивать самостоятельность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абадзехов, то убыхи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости... Для ограждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили: учредить чрезвычайный союз и не отставать от оногo с тем, чтобы сохранить порядок внутренних, а отступающих от него наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек, которому дано название великого и свободного заседания».

Меджлис, или правительство Черкесии, был создан 12(25) июня 1861 г. представителями абадзехов, шапсугов и убыхов на съезде в долине р. Сочи. Возглавил черкесское правительство Хаджи Керендук Берзек. В состав меджлиса вошел Карабатыр Заноко, сын признанного черкесского лидера Сефербея Заноко, умершего в 1859 г.

Сразу после своего возникновения меджлис Черкесии попытался вступить в переговоры с правительством Российской империи. Но ни Александр II, ни его окружение не собирались останавливать военные действия и меры, направленные на аннексию черкесских земель. Депутация меджлиса в составе абадзеха Хасана Бидж, убыха Хаджи Берзека и шапсуга Ислама Тхауш посетила Тифлис, где вручила официальное послание для российского императора, выдержанное в совершенно миролюбивых тонах.

Военный министр Д. А. Милютин писал царю 29 августа 1861 г.: «Из представляемого при сем отношения кн. Орбелиани Ваше Императорское Величество изволите усмотреть, что союз, образовавшийся в недавнее время из трех народов Западного Кавказа, остающихся доселе непокорными: шапсугов, убыхов и абадзехов, прислал депутацию в Тифлис для переговоров и что депутация эта желает представиться и Вашему Величеству во время путешествия Вашего по Кубанской области... Долговременный опыт уже достаточно научил нас, как мало существенного значения могут иметь всякие переговоры

и договоры с горскими народами и как отличаются их понятия о заключении с нами *мира* от наших требований принесения *покорности*. В этом отношении племена Западного Кавказа еще менее чем другие, могут подчиниться каким-либо договорам. Если бы даже и в самом деле составилась между ними союз, то и в таком случае племена эти слишком привыкли к независимости и разрозненности, слишком мало знакомы с гражданским устройством и властью, чтобы можно было полагаться на действительную с их стороны покорность. (Отказывая черкесам в элементарной способности дорожить мирной жизнью, Милютин обходит умолчанием факт того, что абадзехи уже в декабре 1859 г. признали *покорность* российскому царю и на момент написания этой записки уже более 20 месяцев свято соблюдали условия покорности, совершенно не участвуя в военных действиях на стороне шапсугов и убухов. – С. Х.) Следовательно, по моему убеждению, прибытие теперь депутации от так называемых Черкесских племен не может иметь никаких результатов. Факт этот имеет одно лишь то значение, что явно обнаруживает безвыходное положение, в которое поставлены ныне племена Западного Кавказа ввиду грозного наступления на них наших казачьих поселений. Горцы видят близкий и неминуемый конец вековой борьбы; они чувствуют, что вскоре могущественное казачье население совсем задавит их. Они делают последнее усилие соединиться против нас и, прежде чем поднять еще раз оружие, делают попытку приостановить напор наш... Переговоры в настоящее время не могут иметь другой цели, как только задержать ход нашего завоевания. Быть может, даже есть при этом тайный расчет протянуть борьбу до новой Европейской войны, ожидаемой с нетерпением нашими врагами, внешними и внутренними. По всем этим соображениям, смею думать, что прибытие черкесской депутации и миролюбивые ее заверения не должны иметь ни малейшего влияния на исполнение нашего плана действий в Западном Кавказе. Мы должны настойчиво продолжать заселение края казаками, ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что, только вытеснив туземцев из гор и заняв их места казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нем спокойствие и не опасаться уже потерять Кавказ при первом разрыве с морскими державами».

Визит Александра II в Кубанскую область в сентябре 1861 г. не остановил войну, но, напротив, подстегнул военные действия. Самодержец углубился в горы Абадзехии по русской военной дороге, построенной с участием абадзехов, принесших ему покорность в 1859 г., и заявил тем самым старшинам, которых ранее так ласково принимал в Петербурге, что они – абадзехи – в полном составе должны освободить занимаемую ими территорию и переселиться на Кубанскую равнину. Какое именно место на Кубани отводилось для абадзехов и всех остальных адыгов, покорность которых принималась теперь только совместно с их добровольной самодепортацией, непонятно, поскольку свободных земель на Кубани не было еще до появления России на Кавказе и тем паче таковых не оставалось после массированного заселения в регион казаков и других российских подданных.

В марте 1862 г. огромный экспедиционный отряд под командованием Евдокимова вторгся в Абадзехию для исполнения царского приказа очистить Черкесию от черкесов.

В июле 1862 г. Н. П. Колюбакин, генерал-губернатор Кутаисской губернии, возглавил десантную экспедицию в Сочи, целью которой было уничтожение административного центра черкесского государства.

Участник экспедиции С. Смоленский отмечал, что корабли на рассвете подошли к устью р. Псахе, и высаженный десант, снабженный специальными спичками, способными гореть на ветру, зажег три деревянных здания под драничными крышами, которые составляли присутственные места меджлиса – «зал парламента», «кунакская» и мечеть.

«Местность эта, – писал Смоленский, – была густо заселена горцами до крутых подъемов подходящих сюда горных отрогов; горцы занимали также котловины ущелий, выходящих из гор, и долины речек. Тут был центр населения убыхского племени, где и избрано место для постройки помещений народных собраний. Отсюда имелись прямые сообщения с землями абадзехов и натухайцев, и вели также ближайшие пути в соседние общества ахчипсхоу и айгба». Потери десанта составили порядка 70 человек убитых и раненых: «Хотя наша потеря превышала убыль горцев в деле у Псахе, зато нравственный перевес был на нашей стороне. Мы явились там, где они нас не ожидали, и напали совершенно врасплох, как говорится. Узнай они днем раньше, во время рекогносцировки, о месте предполагавшейся высадки, то из трех рот едва ли кто бы возвратился на суда».

Весьма показательно, что сам Н. П. Колюбакин в своих мемуарах дал высокую оценку деятельности черкесского правительства и той дисциплине, которая установилась среди черкесов на завершающей фазе войны: «Все эти племена имеют, так сказать, естественные им начала гражданственности, начала, конечно, неполные и не хорошо обдуманые, но могущие служить основою мудрого управления и благих преобразований».

Десант в Псахе не прекратил деятельности черкесского правительства. В 1862 г. меджлис организовал поездку в Стамбул делегации во главе с Измаилом Дзиаш. Черкесы представили великому визирю петицию, содержащую просьбу о покровительстве и оказании военной помощи.

Вслед за этим черкесский комитет Стамбула организовал поездку в Лондон депутации меджлиса во главе с шапсугом Хушт-хаджи Хасаном, сподвижником Сефербея Заноко. Лесли Бланш в своей монографии «Сабли Рая» приводит любопытный эпизод: во время выступления Хушта на специально созванном митинге в Гайд-парке стало известно о рождении принцессы Беатрис – Хушт принялась разбрасывать в толпу золотые монеты; англичане же кричали «Браво, Черкесия! Вот настоящие союзники!». Послы черкесского меджлиса изображены на странице «Иллюстрированных лондонских новостей».

В. В. Дегоев, автор ряда фундаментальных работ по

внешнеполитической истории Черкесии, отмечает, что в Лондоне представители черкесского правительства «передали королеве Виктории петицию, в которой они приносили извинения за свою пассивность в годы Крымской войны, оправдывая ее недостатком единства и предприимчивости среди вождей народа. С тех пор, говорилось далее, произошли перемены к лучшему: «желая вступить в семью конституционных наций», черкесы избрали «парламент» и «правительство», учредили законы, гарантирующие безопасность личности и неприкосновенность собственности». Сообщая об этом, представители черкесского правительства ставили вопрос о британской помощи. «Лондонский кабинет умудрился очень ловко выйти из весьма щекотливой ситуации: формально он ответил отказом (ибо откликнуться на петицию означало нарушить Парижский договор 1856 г., оставивший Черкесию за Россией), однако фактически его поведение скорее поощряло у посланцев надежды, чем обескураживало. Симпатии и повышенный интерес британской публики к гостям, кампании по сбору средств для поддержки черкесов усиливали чувство оптимизма. В такой атмосфере правительству Англии удалось решить две, казалось бы, несовместимые задачи – воодушевить горцев и не скомпрометировать себя перед Россией».

Практического успеха черкесское посольство не имело. Правящие круги Запада не желали развязывания крупномасштабного военного конфликта с Россией. В то же время, разыгрывание черкесской карты было выгодно в негласном противодействии российской экспансии на Кавказе. Идея вооруженной поддержки Черкесии всякий раз подхватывалась британской оппозицией в целях дискредитации собственного правительства.

В этом же ключе развивались события и в 1862 г. Лондонский черкесский комитет, возглавляемый адвокатом Э. Билзом, обратился с официальным запросом в кабинет министров, требуя отправить торговый флот к берегам Черкесии. Лорд Пальмерстон проигнорировал это обращение. Тем не менее, черкесский комитет снарядил пароход «Чезапик», на борту которого новая партия польских легионеров отправилась в Черкесию. Эта экспедиция высадилась в Ордане в Убыхии. Черкесы, все еще надеявшиеся получить масштабную военную помощь, были откровенно разочарованы прибытием горстки поляков.

Еще одна группа поляков с некоторым вкраплением французов под командой полковника Пржевлочкого и капитана Маньяна на двух английских пароходах «Чезапик» и «Самсон» высадилась в Черкесии в сентябре 1863 г. и действовала здесь по март 1864 г. Многочисленные дипломатические и военные акции польских эмигрантов, призванные обратить внимание западных держав на нужды борющейся Черкесии, так и не привели к практическому результату. Более того, Запад не смог оказать сколько-нибудь значимой помощи самим полякам во время восстания за независимость 1863 г. Правящие круги Англии и Франции интересовались и черкесами, и поляками лишь как одним из факторов в общей политике сдерживания России.

Классику мировой литературы Омеру Сейфеддину (Хатко) – 130 лет

ЯЗВИТЕЛЬНАЯ НАСМЕШКА ВЕЛИКОГО ПРОЗАИКА

Литературная деятельность Омера Сейфеддина (Хатко) началась в период реакционного правления султана Абдул-Хамида II, который, пытаясь подавить национально-освободительное движение угнетенных народов и пресечь деятельность младотурков, представлявших интересы развивающейся буржуазии, принял крутые меры не только в области политики, но и ввел жесточайшие ограничения в культурной жизни общества.

Литературное наследие О. Сейфеддина разнообразно. Он писал стихи, занимался литературными переводами, но в основном все-таки был прозаиком. Его перу принадлежит ряд повестей, он начал работу над романом, однако его больше увлекали такие литературные произведения, в которых можно коротко, сжато и выразительно откликнуться на злободневную тему. Любимым литературным жанром О. Сейфеддина был рассказ, которому он был верен на протяжении всей своей короткой писательской жизни.

О. Сейфеддин в подавляющем большинстве рассказов занимает активную социальную позицию. Он стремится внушить читателю определенную идею, убедить его, направить на совершение патриотического поступка. Персонажи ряда произведений Омера Сейфеддина становятся для него объектом резкой критики, жертвой язвительной насмешки.

Творчество Омера Сейфеддина несло на себе печать его сложного и противоречивого мировоззрения. Писатель соединял в себе безусловно разносторонне талантливого художника и глубокого мыслителя с человеком, придерживающимся одностороннего понимания и однобокой трактовки национально-освободительных движений в Османской империи.

Творчество О. Сейфеддина хорошо известно нашему читателю. Переводы его рассказов публиковались отдельными изданиями, включались в сборники турецких рассказов, появлялись на страницах литературных журналов и всегда вызывали живой интерес.

*Игорь Печенев,
писатель*

Твердый и последовательный, проявлявшийся не только в содержании его произведений, но и в их форме – в манере, характере изображения, в отборе лексики

Немногое время отпущено было ему для творчества, – всего около восьми лет отдал писатель литературному труду. Надо удивляться тому, насколько интенсивным и плодотворным был этот труд, удивляться, если

знать и учитывать сложность жизни самого писателя: отроческие годы, проведенные в военном учебном заведении, служба в армии, война, плен, болезнь... А он написал более ста тридцати рассказов, несколько повестей, пьесу. Наиболее «урожайными» – в смысле публикации произведений – оказались те годы, когда Омер Сейфеддин осел в Стамбуле и работал в лицее, когда его существование хотя бы внешне обрело более спокойное течение. Но удивление должно в несколько раз возрасти, если учесть невероятную напряженность, драматическую насыщенность того времени, на какое пришлось творчество Омера Сейфеддина.

С новой Турцией, республиканской, в муках рождавшейся во втором десятилетии XX века, Омера Сейфеддина связывает, прежде всего, его демократизм. Убежденный, твердый и последовательный, проявлявшийся не только в содержании его произведений, но и в их форме, а именно: в манере, характере изображения, в отборе лексики.

Всем гражданским качествам человека, какой бы эпохе он ни принадлежал, Омер Сейфеддин предпочитал самоотверженность, готовность выступать в защиту справедливости, нравственное бескорыстие. Именно такие сюжеты искал он в истории, в народных легендах. Необычайно тепло и, я бы сказала, обаятельно раскрыта эта тема в основанном на народном предании рассказе «Яльныз Эфе». Своеобразие этой вариации «благородного разбойника» состоит в том, что героиней здесь выступает молодая девушка, защитница справедливости, борющаяся в одиночку – и весьма успешно! – против носителей социального зла.

Но особенно велика его заслуга в том, что в турецкой литературе последующих десятилетий, в творчестве лучших ее художников, возрастал углубленный интерес к духовной и социальной жизни народа, к жизни городской бедноты и крестьянства, к просветлению ее перспектив.

*Людмила Лебедева,
Москва, 1975 г.*

Черкесы не согласны с «философией» Эфруз-бея *Отрывок из фантастической повести*

Во второй половине дня на подступах к отелю «Сахавет» творилось что-то невообразимое. Правда, столпотворение это не было таким беспорядочным, как вчера. Толпа разделилась на группы по классовым и национальным признакам. Учащиеся стояли отдельно; далее шли представители религий: софты, попы, муллы. Здесь были курды из Тахтакале, армяне, евреи, албанцы – торговцы бузой и молочным киселем, болгары – ремесленники и садоводы, черкесы в лохматых папахах, с серебряными кинжалами на поясе – все без исключения благородного происхождения, все беки.

Толпа ждала Эфруз-бея, который должен был произнести на площади султана Ахмеда «речь свободы».

Наконец, часов через пять-шесть, появился Эфруз-бей, окруженный двадцатью приближенными и сотней адъютантов. У ворот его ждал

экипаж на высоких резиновых шинах, но без лошадей. Не успел Эфруз-бей подняться в него, как началась страшная драка. Приближенные и адъютанты бросились в толпу, чтобы разузнать, в чем дело. Эфруз-бей недоумевал, зачем свободные братья кинулись врукопашную. Наконец выяснилось, что черкесы затеяли драку с арабами, албанцами, греками, болгарами и курдами, не желая уступить им чести впрячься в экипаж героя.

– Эфруз-бей – наш соплеменник! Поэтому право тащить экипаж принадлежит нам! – И черкесы схватились за кинжалы.

Эфруз-бей решил, что ему, подобно многим великим людям, не следует быть слишком многословным.

– Ладно! – сказал он. – Сейчас я буду говорить сверху...

И в сопровождении нескольких верных приближенных, имена которых ему были известны, он вернулся в отель.

Через две минуты Эфруз-бей появился в окне третьего этажа, внизу грянули аплодисменты. Упершись, по обыкновению, одной рукой в бок и держа монокль в другой, он молча взирал на толпу. Усики его были лихо закручены.

Когда шум несколько стих, Эфруз-бей заговорил:

– Друзья! Некоторые невежды считают меня черкесом! Неверно! Я не черкес. У меня нет национальности. Я свободный Эфруз-бей! Я равен каждому из вас. Но вы еще не поняли, что такое свобода! Свобода – это конституция! А конституция предполагает «равенство рас и религий»! А вам известно, что это значит?

Толпа зашумела:

– Нет! Нет!

– Не знаем!

– Ладно. Я объясню. Это означает, что отныне не существует никаких рас, никаких религий!

Воцарилась мертвая тишина. Воспользовавшись минутным замешательством толпы, Эфруз-бей во всю силу своих легких принялся популярно излагать философию свободы:

– Обретя свободу, люди становятся равными! Обретя равенство, они становятся братьями. Религиозная и национальная разница исчезает, ибо нет ничего более нелепого, чем национальность. Все люди свободны! Все люди равны! Есть ли после этого необходимость размежевываться? Если вы говорите на разных языках, изучайте эсперанто. Объединяйтесь. Любите друг друга. Кто не идет под мое знамя «равенства рас и религий», тот деспот и тиран! У нас всех одна раса, одна вера: человечество!.. Ну, целуйтесь же! Оставьте дикарям и людоедам никчемные мысли, предрассудки и суеверия. Будьте цивилизованными!..

Речь вождя несколько затянулась.

Многочисленными фактами Эфруз-бей доказал устарелость и косность таких социальных статусов, как брак, семья, национальность, право и так далее. Он настолько убедил в этом толпу, что коренные стамбульцы кинулись обнимать греков, арабов, албанцев, евреев, курдов, болгар и армян... Воздух задрожал от сотен тысяч поцелуев.

Не смог Эфруз-бей убедить лишь благородных черкесов, родство с

которыми он только что отверг. Они не снизились до поцелуев с греками, болгарами, евреями и представителями прочих национальностей. Среди них послышался ропот:

– Тот, кто отрицает свою нацию, хуже цыгана!

Ворча, черкесы двинулись к своим кофейням в Топхане, по дороге хвастаясь своей храбростью и отвагой, своими каракулевыми папахами, скакунами своей родины, седлами и серебряными кинжалами...

Перевод Игоря Печенева

В борьбе за чистоту турецкого языка

Младотурецкая революция 1908 года привела к изменению социально-политической обстановки. Значительно оживилась культурная жизнь; намечается подъем и в литературе. Выдвигается целая группа молодых прозаиков – Омер Сейфеддин, Халиде Эдип Адывар (1883-1964), Якуб Кадри Караосманоглу (1889-1975), Рефик Халид Карай (1888-1965), Решад Нури Гюнтекин (1889-1956) и др. Эти писатели под влиянием новых социальных условий начинают больше внимания уделять общественным проблемам. Развивается жанр социальной новеллы, расширяется тематика новелл. Видное место среди этих прозаиков занимает классик мировой литературы Омер Сейфеддин. За свою короткую жизнь он создал много ярких произведений, принял активное участие в борьбе за чистоту турецкого литературного языка. Имя этого писателя связывают с дальнейшим укреплением и развитием реалистического направления в литературе Турции, с появлением самобытной турецкой новеллы, обращенной к социальной проблематике.

*Нелли Яковлева,
Ленинград, 1974 г.*

Омер СЕЙФЕДДИН (ХАТКО)

Скребница

Играя возле конюшни, мы слушали грустное журчание речушки, скрытой от людских глаз развесистыми ветвями серебристых ив. Дом, где мы жили, не был виден за высокими каштановыми деревьями. Мать уехала в Стамбул, поэтому мы с братом Хасаном – он был на год моложе меня – ни на минуту не расставались с Дадарухом, нашим старым конюхом. Мы так любили лошадей, что утром спозаранку уже бежали в конюшню. Водить их в сопровождении Дадаруха на водопой, взбираться на их гладкие спины – ах, какое это наслаждение! Хасан боялся садиться верхом один, и Дадарух сажал его впереди себя. Больше всех игр и развлечений мы любили наполнять овсом кормушки, подбрасывать в ясли траву, подметать конюшню, убирать навоз. Но приятнее всего – это чистить лошадь. Когда

Дадарух брал в руки скребницу и принимался водить ею по бокам и спине животного, в конюшне раздавался звук, похожий на тиканье часов: «тыкы-тык... тыкы-тык...».

Я не мог сдержаться и начинал упрашивать Дадаруха:

– Я тоже хочу! Позволь и мне!..

Дадарух сжал меня на спину Крепыша, давал в руки скребницу и говорил:

– На, скреби!..

Я водил железным скребком по спине лошади, но того ласкающего слух звука, который получался у конюха, извлечь никак не мог.

– А Крепыш машет хвостом? – спрашивал я.

– Машет.

– А ну, я посмотрю...

И я вытягивался, наклонялся, но увидеть, сидя на крупе, хвост лошади мне не удавалось.

Каждое утро, входя в конюшню, я сразу же начинал умолять конюха:

– Дадарух, я буду чистить лошадей!

– Не сумеешь, – отвечал старик.

– Почему?

– Ты еще маленький.

– Сумею.

– Погоди, вот вырастешь...

– Когда?

Последний вопрос Дадарух обычно оставлял без ответа. Работая на конюшне, ухаживая за лошадьми, мне не удавалось, однако, чистить и скрести их; я был такой маленький, что не доставал даже до живота лошади. И все-таки самым приятным, самым замечательным было именно это. Казалось, Крепышу тоже нравилось слушать равномерное шарканье скребницы, он прядал ушами, помахивал хвостом, словно огромной кисточкой, а под самый конец процедуры начинал озорничать. Тогда Дадарух успокаивал его, звонко хлопая рукой по крупу, и принимался за других лошадей.

Однажды я остался в конюшне один. Хасан и Дадарух спустились к речке. Мне, по обыкновению, очень захотелось поскрести лошадь. Я принялся искать скребницу, но не мог найти. В углу конюшни у Дадаруха была крошечная комнатушка без окон. Я вошел туда. Обшарил все полки. Осмотрел угол, где лежали седла, уздечки и сбруи. Нет и нет! Под кроватью стоял деревянный сундучок, выкрашенный зеленой краской. Я открыл его и чуть не закричал от радости. Среди подарков, которые неделю назад прислала из Стамбула моя мать, ярко поблескивала металлическая скребница. Я схватил ее, бросился к Крепышу и хотел было поскрести ему живот, но лошадь сердито заплясала на месте. «Наверное, ему больно», – подумал я и взглянул на зубья этой красивой скребницы, поблескивающей так, будто она была из чистого серебра. Зубья были острые, точно иголки. Чтобы хоть немного загупить их, я принялся царапать скребницей каменные стены конюшни. Когда зубья загупились, я снова кинулся к лошадям. Но ни одна из них по-прежнему не хотела стоять спокойно. Тогда я рассердился

и решил сорвать свою злобу на скребнице. Метрах в десяти от конюшни был колодец. Я подбежал к нему, положил скребницу на каменную колоду, из которой пили лошади, поднял с земли камень и принялся изо всей силы колотить им по скребнице. Прекрасная стамбульская скребница, которую Дадарух жалел, наверно, даже пускать в дело, была смята и раздавлена. После этого я бросил ее в колоду.

Каждое утро, уходя из дому, отец обязательно заглядывал на конюшню. Вот и на следующий день он зашел туда. В конюшне, кроме меня, никого не было; Хасан остался дома со служанкой Первин. Проходя по двору, отец увидел на дне колоды расплюснутую скребницу.

– Дадарух, подойди сюда! – крикнул он.

У меня перехватило дыхание. Не знаю почему, но я очень испугался. Сломанную скребницу извлекли из колоды. Дадарух был растерян и удивлен.

– Кто это сделал? – спросил отец.

– Не знаю, – ответил Дадарух.

Отец посмотрел на меня, но спросить ничего не успел.

– Это Хасан... – поспешил сказать я.

– Хасан?

– Да. Вчера, когда Дадарух спал, он зашел к нему в комнату, взял из сундука скребницу и расплюснул камнем на колоде.

– Почему ты не сказал об этом Дадаруху?

– Он спал.

– А ну, позови этого негодника!

Я выскочил с конюшенного двора, обнесенного плетнем, и тенистой аллеей побежал к дому. Позвал Хасана. Бедняжка, ничего даже не подозревая, прискакал за мной к конюшне. Отец наш был очень строг, от одного его взгляда у нас тряслись поджилки.

– Если солжешь, избыю! – пригрозил он Хасану.

– Не солгу.

– Тогда скажи, зачем ты сломал эту скребницу?

Хасан удивленно посмотрел на обезображенную вещь, которую держал в руках Дадарух, и покачал своей белокурой головой:

– Я ничего не ломал!

– Не лги, предупреждаю.

– Я не ломал.

– Скажи правду! – настаивал отец. – Тогда я не накажу тебя. Знай, что ложь – самый большой порок.

Но Хасан продолжал настаивать на своей невиновности. Отец вскипел и вплотную подошел к брату.

– Бессовестный лгун! – И он ударил Хасана по щеке, затем приказал Дадаруху: – Отведи мальчишку домой и смотри не вздумай его больше пускать сюда! Пусть сидит с Первин!

Дадарух взял на руки плачущего брата и понес его к дому.

Теперь на конюшенном дворе я играл всегда один, Хасан был под домашним арестом. Приехала мать и тоже не простила его. При всяком удобном случае она называла его лгунишкой. А Хасан часто вспоминал

полученную от отца оплеуху и принимался горько плакать. Унять его было трудно. Моей бедной маме и в голову не приходило, что я оклеветал брата. Порой, правда, она предполагала, что скребницу, возможно, раздавили лошади по вине глупого Дадаруха.

Летом следующего года мать снова уехала в Стамбул. Мы опять остались одни. Хасану по-прежнему было запрещено появляться возле конюшни. По вечерам, когда мы ложились спать, он расспрашивал меня про лошадей, интересовался, подросли ли жеребята.

Вдруг Хасан заболел. Приехавший из города доктор осмотрел больного и сказал:

– Дифтерит!

Дом наполнился крестьянками; они приносили живых перепелок, их резали и прикладывали к горлу Хасана. Отец ни на минуту не отходил от постели больного. Дадарух был очень опечален. Первин рыдала навзрыд.

– Ты почему плачешь? – спросил я ее.

– Твой брат тяжело болен...

– Поправится.

– Нет, не поправится.

– А что же будет?

– Умрет твой братишка!

– Умрет?... – И я сам залился слезами.

Из-за болезни Хасана меня уложили в комнате Первин. В эту ночь я никак не мог заснуть. Едва я начинал забываться, как передо мной возникал Хасан, который плакал, приговаривая: «Клеветник! Клеветник!»

Наконец я разбудил Первин и сказал:

– Я пойду к Хасану.

– Зачем? – удивилась служанка.

– Мне надо что-то сказать папе.

– Что?

– Скажу, что я сломал скребницу.

– Какую скребницу?

– В прошлом году!.. За которую папа рассердился на Хасана...

Я не сумел договорить и захлебнулся в плаче. Потом, обливаясь слезами, рассказал Первин, как было дело. Мне хотелось пойти и покаяться отцу в надежде, что Хасан услышит меня и, может быть, простит.

– Завтра скажешь, – посоветовала Первин.

– Нет, сейчас!

– Сейчас твой папа спит. Утром все расскажешь. И Хасан услышит. Поцелуешь его, поплачешь, он и простит тебя.

– Ну хорошо!

Однако уснуть в эту ночь я так и не смог. Едва рассвело, я разбудил Первин. Мы встали. Я торопился поскорей облегчить свою душу признанием, спастись от угрызений совести. В передней мы увидели деревенского имама и Дадаруха, которые ожидали отца. Оба плакали.

Мой бедный славный брат умер этой ночьюю.

Андрей ХАКУШЕВ,
доктор филологических наук,
профессор КБГУ

ПИСЬМА А. П. КЕШОКОВА Х. И. ТЕУНОВУ

В текущем году Кабардино-Балкария широко и торжественно отмечает столетний юбилей выдающегося кабардинского поэта, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий РСФСР и КБР, народного поэта Кабардино-Балкарской республики Алима Пшемаховича Кешокова. Талантливый ученик основоположника кабардин-

ской литературы А. А. Шогенцукова, он в военные и послевоенные годы поднял на новую ступень развития свою национальную литературу, его плодотворные и новаторские поиски привели ее к ускоренному становлению. Работая во всех жанрах литературы, кабардинский поэт создал такие высокохудожественные произведения, которые явились значительным вкладом в общеадыгскую литературу, новой вехой в истории национальной литературы.

Творческая деятельность «поэта со своею посадкой в седле», естественно, всегда вызывала пристальное внимание не только известных переводчиков, но как критиков, так и литературоведов, о его творчестве написано на кабардинском и русском языках значительное количество критических и литературоведческих работ, по его произведениям защищено множество кандидатских и докторских диссертаций. Творческий путь поэта конкретно исследован в монографиях М. Г. Сокурова «Лирика Алима Кешокова» (1969) и В. Дементьева «Со временем в ладу» (1985). Похвально и то, что эти исследования вышли на русском языке, знакомят русскоязычных читателей с творчеством одного из выдающихся северокавказских поэтов, но вызывает недоумение тот поразительный факт, что до сих пор нет монографического исследования о его творчестве на кабардинском языке. Исправить свою ошибку историки национальной литературы не спешат, нет надежды, что и к столетнему юбилею поэта появится такая работа.

Среди исследователей национальной литературы одним из первых на творчество талантливого поэта обратил внимание Хачим Теунов. Еще в декабре 1944 года на собрании писателей Кабарды он, характеризуя его поэзию, говорил: «Несмотря на трудности фронтовой жизни, поэты Алим Кешоков, Адам Щогенцуков продолжали писать. Из-под пера Кешокова за это время вышли более 50 военных стихов из цикла «По дорогам войны», поэма «Отец», большое количество маленьких рассказов. Надо сказать, что

за годы войны Алим значительно окреп как писатель. Оставаясь лириком, Кешоков в своих стихах отобразил геройство, мужество советских воинов и в дни временных поражений, и в дни величайших побед нашей Красной Армии. Особого внимания заслуживают в творчестве Кешокова фронтовые юмористические рассказы. Некоторые из них печатались в местной печати, читались по радио». И впоследствии он постоянно и внимательно следил за творческой работой А. Кешокова, защищал его произведения от незаслуженных нападков. Так, в январе 1949 года на 19-й областной партконференции Х. Теунов потребовал от руководителей Министерства культуры незамедлительной постановки первой пьесы А. Кешокова «Альхо», занявшей призовое место в конкурсе. В своем выступлении он отметил: «В кабардинском драматическом театре более года лежит пьеса «Альхо» Кешокова, получившая высокое признание, пьеса, о которой в докладе Сафронова о драматургии на 12 пленуме ССП СССР говорилось как об удачном и интересном произведении, появившемся после постановления ЦК ВКП (б) о репертуаре драматических театров».

В начале 50-х годов Х. Теунов на страницах республиканских газет на кабардинском и русском языках опубликовал несколько аналитических статей, а которых рассматривались проблемы становления кабардинской поэзии в послевоенные годы. В его статьях «Послевоенная кабардинская поэзия», «Между двумя съездами» (Къэбэрдей пэж), «Становление» (Кабардинская правда) значительное место занимает поэзия А. Кешокова, в них определено все то новое, что он привнес в национальную лирику, те значительные изменения, которые он произвел в поэтике национального стиха. Наряду с этим он рецензировал и отдельные сборники и произведения А. Кешокова. В архиве писателя сохранились так называемые внутренние рецензии на сборник поэта «Дары народов» (1952) и его первый роман «Чудесное мгновение» (1959), в которых он высоко оценил новые стихотворения, вошедшие в этот сборник, и первое прозаическое произведение поэта – роман «Чудесное мгновение». Эта предварительная работа позволила Х. Теунову написать первый очерк о кабардинском поэте «Жизнь и поэзия», включенный затем в книгу «Литература и писатели Кабарды», неоднократно издававшуюся на кабардинском и русском языках. Творческая интеллигенция республики тепло встретила выход этой книги, впервые воссоздавшей историю кабардинской литературы, она получила высокую оценку и в центральной печати. Одним из первых ее по достоинству оценил критик В. Гоффеншефер. По его мнению, «Книга Хачима Теунова «Литература и писатели Кабарды» не претендует на систематическое изложение истории кабардинской литературы. Она лишь намечает контуры такой истории и в ряде случаев содержит наблюдения и характеристики, помогающие ее созданию».

Это сборник историко-литературных и критических очерков писателя, любящего родную литературу, горячо интересующегося ее судьбами и рассказывающего читателю о ее роли в жизни народа и о людях, которыми она создавалась и создается».

В своей рецензии на эту книгу, написанной чуть раньше, он обратил внимание на то, что очерк, посвященный А. Кешокову, отличается от дру-

гих литературных портретов, включенных в нее. По мнению критика, «Четвертый очерк – о Кешокове – несколько отличается по жанру от предыдущих, приближаясь к критической статье (...). Но при всем своем жанровом отличии от других очерков, очерк «Жизнь и поэзия» является необходимым дополнением к предыдущим, так как характеризует судьбу и творчество представителя поколения кабардинской литературы, целиком сформировавшегося уже в послереволюционные годы».

И в последующие годы Х. Теунов внимательно следил за творческими поисками кабардинского поэта, не только знакомился с его новыми произведениями, но в своих многочисленных записях, сохранившихся в его архиве, выражал свое отношение к каждому из них. В нем мы нашли общую тетрадь, в которой приводится тщательный анализ множества стихотворений, поэм и прозаических произведений.

В архиве Х. Теунова недавно нами обнаружено и шесть писем А. Кешокова, адресованных писателю в 1944–45 годах. Они достоверно свидетельствуют, что творческие связи двух кабардинских писателей начались не в послевоенные годы, а в последние дни Отечественной войны. Письма, полученные Х. Теуновым в этот период не только от А. Кешокова, но и от других кабардинских поэтов и прозаиков-фронтовиков, в какой-то степени приоткрывают доселе неизвестные историкам национальной литературы новые страницы истории кабардинской литературы. Они наглядно подтверждают, что, во-первых, возрождение национальной литературы началось в последние дни войны, во-вторых, в нем активное участие принимали не только оставшиеся в республике поэты и писатели (в Союзе писателей тогда состояло всего 5 человек), но и те, которые непосредственно принимали участие в военных действиях, и, в-третьих, инициатором этого крайне важного для национальной литературы мероприятия был Хачим Теунов.

Несмотря на невероятные потери как в период культа личности, так и в годы Отечественной войны, судьба смилоствилась над кабардинской литературой уж тем, что и.о. председателя правления Союза писателей КАССР в октябре 1944 года был назначен кабардинский прозаик Х. Теунов.

Неординарный человек, всей душой болеющий за восстановление и развитие родной литературы, он сразу же осознал, что для вывода ее из состояния упадка и застоя необходимо предпринять чрезвычайные меры. Выходов было не так и много, но новый председатель правления верно определил то главное звено, с помощью которого можно было бы вывести родную словесность из этого трудного положения. Он упросил руководство республики объявить конкурс на лучшее литературное произведение, хотя сделать это в те трагические дни было не так просто. На эти цели правительство отпустило 100000 рублей, а в местной печати было опубликовано постановление о проведении конкурса для премирования лучших прозаических, драматургических и поэтических произведений. Вслед за ним 19 ноября 1944 года на страницах «Кабардинской правды» появилась статья Х. Теунова «Создадим произведения, достойные нашей эпохи», с подзаголовком – «К конкурсу на лучшее литературное произведение». По свидетельству ее автора, «Конкурс на лучшее литературное произведение, объявленный по инициативе обкома ВКП (б) и Совнаркома республики,

внес некоторое оживление в литературную жизнь. За последнее время в Союзе писателей обсуждались пьесы Аксирова «Даханага», «Созрыко» Алоева. Хорошие стихи и рассказы написали писатель-фронтовик орденоносец Алим Кешоков, писатель-боец Адам Шогенцуков. Начинающие молодые поэты работают над стихами об Отечественной войне».

Для активного участия в конкурсе приглашались не только члены Союза писателей, но и начинающие писать молодые поэты и прозаики. Что более интересно – приглашения получили поэты и писатели, находившиеся далеко за пределами республики – участники Отечественной войны. От имени Союза писателей республики такие письма получили, по нашим сведениям, А. Кешоков, А. Шортанов, А. Шогенцуков, М. Киреев, Х. Мидов. Трудно сейчас себе представить, как Х. Теунов добился этого, но всем приглашаемым фронтовикам предоставлялся творческий отпуск и командировка в родную республику, хотя никто из них не воспользовался этим. Письма фронтовиков, адресованные Х. Теунову 70 лет тому назад, сохранились в его архиве, они до сих пор не известны даже историкам национальной литературы и имеют, на наш взгляд, большое значение для истории национальной литературы. Переписка, начатая в конце войны, длилась около года, более интенсивной она была между Х. Теуновым и тремя кабардинскими писателями – А. Кешоковым, А. Шортановым и А. Шогенцуковым. Письма, отправленные Х. Теуновым к кабардинским писателям-фронтовикам, к сожалению, не сохранились, сделать это в условиях войны было не так просто.

Письма А. Кешокова, сохранившиеся каким-то чудом, – небольшие, создается впечатление, что они написаны в спешке, в полевых условиях. Зная о существовании жесткой военной цензуры, поэт в них почти ничего не говорит ни о месте своего нахождения, ни о действиях советских войск. Вместе с тем найденные нами письма поэта подтверждают мысль, высказанную В. Гоффеншефером в одной из послевоенных статей о том, что корреспондент А. Кешоков днями собирал необходимый для армейской газеты материал, готовил свои зарисовки, очерки и сатирические рассказы на русском языке, а все увиденное затем становилось основой поэтических произведений, создаваемых поэтом ночами на родном языке.

В первом же своем письме, написанном в октябре 1944 года, поэт, поддерживая дельную инициативу Союза писателей республики, сообщает о своем решении принять участие в конкурсе, не рассчитывая на что-то материальное, «а ради того, чтобы помочь соплеменникам в этом деле». В то же время он с сожалением констатирует крайне тяжелое положение национальной литературы. Как он с болью отмечает, «благословенная Кабарда бедна и очень бедна писателями. Вернее, писателей у нас хватает, но нет литературы». Продолжая эту же мысль, в одном из последующих писем он пишет: «Мне очень приятно, что вы так горячо взялись за литературу. В самом деле, пора создавать что-то важное. Халтурить уже нельзя и преступно перед историей... Нам надо проталкиваться выше, а то нашу литературу совсем забыли. Нигде ничего не пишут, и не говорят, и не переводят». И решить эту проблему, по его мнению, нельзя без более ответственного отношения к своей профессии, без повышения своего ху-

дожественного мастерства. Письма подтверждают, что он за годы войны стал более требовательным к себе, осознал силу слова. Поэтому, посылая цикл своих стихотворений Х. Теунову, в одном из писем он просил его напечатать их без доработки и исправлений, так как он «...обдумал каждую строку... пережил ее».

Следует обратить внимание и на следующий интересный факт. Оказывается, находясь в действующей армии, в Европе, поэт установил творческие контакты с Союзом писателей СССР и переслал туда подстрочные переводы своих стихотворений на имя работника правления Ерусалимчика. В другом письме он сообщает, что «более десятка ... подстрочных переводов (стихотворений) находятся у Деева... а некоторые из них, в частности «Два друга» и «Лермонтовский лад (!!)» переведены Бродским (поэт не называет его инициалы, поэтому сейчас трудно установить личность переводчика), кроме этого ему обещали напечатать «последние вещи... в каком-то журнале». К сожалению, в свое время они не были опубликованы, и молодой поэт в то время не смог осуществить свою мечту.

Много нового и интересного раскрывают письма А. Кешокова и относительно творческой истории его третьего эпического произведения. В первом же своем письме, датированном 13 октября 1944 года, он писал: «Я хочу написать что-то стихотворное в роде поэмы». Без сомнения, здесь речь идет о поэме «Отец», посвященной героической борьбе горцев Кавказа в годы его временной оккупации. Несмотря на чрезвычайную занятость, он продолжает интенсивно работать над ней. И уже в следующем письме он сообщает Х. Теунову: «Поэму я буду писать и думаю закончить ее в апреле». К намеченному сроку он завершил работу над поэмой. В письме, отправленном Х. Теунову 12 мая 1945 года, он пишет: «Я очень рад, что сдержал свое слово и написал поэму. Скоро я ее пришлю тебе». Поэт хотел поработать над ней еще, хотя «в таком виде...» он считает ее законченной. Отдавая ее на суд Х. Теунову, он просил его отпечатать ее, подготовить к публикации и высказать свое мнение о ней. Третью просьбу поэта Х. Теунов по какой-то причине не выполнил, поэтому в последующем письме он прямо выразил свое недоумение: «Ты мне ничего не писал о моей поэме. Должно быть, она не произвела впечатления».

Одним из первых Х. Теунов познакомился с поэмой «Отец», и, по всей вероятности, она ему не понравилась. Однако, не желая огорчить автора, он проигнорировал его просьбу, сразу не высказал ему свои замечания. Может быть, они написаны чуть позже, но в архиве Теунова сохранились записи, в которых отмечены недостатки этого произведения. По мнению писателя, в поэме «образ отца только намечен... не завершен... Карней... сам говорит о себе», в те дни ему не могли дать самолет, чтобы полететь домой.

Все произведения, написанные А. Кешоковым в военные годы, были сосредоточены у Теунова, и он, предположительно, должен был подготовить к изданию его новый поэтический сборник. Однако известная книга Алима Кешокова «Путь всадника» вышла в свет в 1946 году под редакцией не Х. Теунова, а Х. П. Камбиева.

Теплые дружеские и творческие связи двух известных кабардинских писателей Х. Теунова и А. Кешокова продолжались и в последующие годы.

Об этом свидетельствует последнее письмо кабардинского поэта, адресованное Х. Теунову 7 января 1970 года.

Очень надеемся, что читатели журнала «Литературная Кабардино-Балкария» с интересом познакомятся с письмами военных лет прославленного поэта А. Кешокова, а историки национальной литературы воспользуются ими для более полного восстановления творческого пути поэта.

Дорогой Хачим!

Весьма благодарен за письмо, которое я получил сегодня. Рад твоему здоровью и благополучию. Жив и я. В моей жизни ничего нового не произошло. Сейчас у нас горячие дни, скоро должны прийти до какой-нибудь точки.

По-существу: (так часто говорят на собраниях). Я сделаю все, чтобы принять участие в конкурсе. Буду работать не потому, что это конкурс и можно рассчитывать на что-то материальное, а ради того, чтобы помочь моим соплеменникам в этом деле. Для этой цели я готов на все.

Очень обидно, что у нас нет людей, которые могли бы сделать что-то существенное. Моя благословенная Кабарда бедна и очень бедна писателями. Вернее, писателей у нас хватает, но нет литературы.

Так как я для себя не считаю участие в конкурсе обязательным, мне отпуска не надо. Если бы я просил отпуск, то мне кажется, что Вы не смогли бы удовлетворить мою просьбу. Я хочу написать что-то стихотворное, вроде поэмы. Правда, времени очень мало. Да поможет Аллах! – так говорили в старину. Меня вдохновит то, что мои соотечественники по-прежнему для блага родины обрабатывают землю нартов. Прошу передать искреннюю благодарность и привет тем, кто меня добром вспоминает.

Твой Алим. 13 октября 1944 г.

Дорогой Хачим!

По мере возможности я выполнил твою просьбу – переписал 16 стихотворений. Мог бы и больше, но завтра уезжаю надолго. Обычно две трети всего времени я нахожусь среди солдат, оттуда посылаю к себе необходимый материал. Вот поэтому я прекратил переписывание. Если скоро вернусь, то постараюсь еще кое-что переписать.

В свою очередь, я очень прошу тебя о следующем:

– Не допустить исправлений. Поверь, я обдумал каждую строку и пережил ее. Поэтому если будут «подправлять», мне будет очень неприятно. В этом случае лучше совсем не печатать. Стихи, в которых по мнению кого бы то ни было надо исправлять строчки, прошу передать Надежде Федоровне¹. Она их сохранит.

– После того, как стихи будут перепечатаны, прошу сверить с подлинником, или сам, или через кого-нибудь.

¹ Надежда Федоровна – супруга Алима Кешокова.

– Один экземпляр перепечатанного материала оставить. Многие стихи в процессе переписывания переделывались мною, и, таким образом, второго экземпляра у меня нет.

Поэму я буду писать и думаю закончить ее в апреле.

Крепко жму твою руку и заранее благодарю в надежде, что все мои просьбы ты исполнишь.

Твой Алим. 3 марта 1945 г.

Р. С. Подстрочные переводы большей части этих стихотворений – в Москве, в ССП у Ерусулимчика.

Дорогой Хачим!

Я очень рад, что сдержал свое слово и написал поэму. Скоро я ее пришлю тебе. Только меня пугает то, что стихи, которые я выслал более месяца назад, до сих пор ты не получил. Если и поэма так же пропадет, то это будет больше, чем печально. Я сейчас переписываю свою поэму и попутно подправляю, а местами почти заново переделываю. Таким образом, рукопись получается только в одном экземпляре. Я не знаю, как лучше будет переслать ее вам.

Что нового в хлебосольной Кабарде? Да будь она благословенна. Я радуюсь, когда читаю что-нибудь хорошее о моих соплеменниках. С большим удовлетворением я читал заметку в литгазете о работе нашей писательской организации. Рад от души успехам моих коллег по оружию. Дай бог им здоровья и успеха.

Война уже кончилась. Я не поздравил тебя с победой потому, что мое письмо ты получишь много дней спустя. Все же от всей души поздравляю тебя и крепко-крепко жму твою руку. Дай бог, чтобы мы по-настоящему отметили нашу победу.

Кстати, если бы вы снова предприняли новую попытку в отношении меня, то она, по-моему, должна увенчаться успехом. Потом будет так же трудно, как и раньше. Сейчас есть шансы.

Живу я по-прежнему. Жив и здоров. Немцы на нашем участке сложили оружие, и повсюду непривычная нам тишина. Пленных очень много – и генералов, и офицеров, и рядовых.

Вот и все, кажется.

Привет еще раз и самые лучшие пожелания.

Алим Кешоков. 12 мая 1945 г.

Полевая почта 34501 – И.

Дорогой Хачим!

Шлю тебе самые добрые пожелания. Наконец, я закончил свою поэму. Теперь я ее отдаю тебе на суд.

Если бы у меня было время, конечно, еще бы поработал над ней, хотя и в таком виде поэму я считаю законченной.

Я очень жалею, что те 18 стихотворений ты еще не получил.

Теперь у меня будет просьба. Если перепечатаете на машинке, приш-

ли мне один экземпляр. Пока суть да дело, я этот экземпляр окончательно выправлю и подготовлю к печати. Желательно было бы прислать и свою оценку.

Крепко жму твою руку и желаю всех благ.

С приветом, твой Алим Кешоков.

17 мая 1945 года.

Дорогой Хачим!

На днях послал тебе свою поэму. Не знаю, что раньше дойдет – письмо или поэма. Я очень рад, что смог выполнить твою просьбу в отношении участия в конкурсе этого года. Недавно с большим опозданием (более двух месяцев) получил твоё письмо и условия конкурса на следующий год.

Не знаю, смогу ли я что-нибудь написать к 25-летию Кабарды. В отношении моей занятости никаких улучшений нет. Дело в том, что сейчас официальным материалом, которым наполовину, а то и больше, заполнялась газетная площадь, исчезла. Теперь газетчики работают изо всех сил. Я как раз в числе этих газетчиков и пишу много. Главное – раньше делали отбор, а теперь что ни пиши, все идет. Туго стало нашему брату. С этим согласятся и наши товарищи из «Кабардинской правды».

О дальнейшей перспективе я ничего не знаю. Полная неизвестность.

Пожалуй, я не скоро увижу хлебосольную Кабарду.

Мне очень приятно, что вы так горячо взялись за литературу. В самом деле, пора создавать что-то веское. Халтурить уже нельзя и преступно перед собственной историей.

Как ты живешь и трудишься? Мне Надя писала о твоей предстоявшей тогда поездке в Москву. Это хорошо. Нам надо проталкиваться выше, а то про нашу литературу совсем забыли. Нигде ничего не пишут, не говорят и не переводят.

Бродский перевел мое стихотворение «Два друга» и «Лермонтовский лад». Этим дело закончилось. Других переводов они не сделали. Более десятка моих подстрочных переводов (стихотворений) находится у Деева. Оттуда мне писали, что последние вещи будут в каком-то журнале, но до сих пор ничего не вижу.

Что нового в Нальчике? Пиши обо всем. Скажи Наде, чтобы она продолжала высылать газеты. Я их давно не получаю.

С приветом, искренне твой – *Алим Кешоков.*

2 июня 1945 г.

Дорогой Хачим!

Давно получил твоё письмо, но до сих пор не мог ответить. Все ждал чего-то. Теперь, пожалуй, не дождусь. В моей жизни без перемен. Занятые боевой учебой. Дни здесь очень длинные, а ночи короткие и светлые, почти белые. В любой час ночи можно читать газету. Вот поэтому никогда не высыпаемся. Ложимся поздно, и рано светлеет, и приходится вставать. Да, на

днях мне приснился такой сон. Между прочим, довольно интересный. Не буду писать о сказочных обстоятельствах, расскажу только суть.

Ты через Магомета обратился к богу с просьбой пустить меня в рай. А тот, в свою очередь, спрашивает мнение у моего Аллаха, что, дескать, можно ли ему отвести местечко в раю. Аллах посмотрел на меня и говорит, что он не возражает. Тогда бог сказал, что, коль так, он может сам решить этот вопрос, и ушел в облака. Я кричал ему вослед и просил, чтобы скорее сказал мне свое решение, но он так и исчез, и я проснулся от собственного крика. Точно так же и Мола Нассредин закрыл глаза, в надежде, что продолжение сна последует, но, увы, нет продолжения. Так я и не попал в рай и не знаю, попаду ли я. Ну это дело Аллаха, а мы, земные, не вмешиваемся в их дела.

Моя литературная работа ничем не знаменательна, т. е. ничего хорошего не написал. Правда, есть кое-какие стихи. Время от времени сижу и черкаю, стараясь сделать из них что-нибудь путное.

Ты мне ничего не писал о моей поэме. Должно быть, она не произвела впечатления. Я бы хотел издать ее отдельно вместе со стихотворениями. Для этого дела я бы еще прислал тебе с десятков новых вещиц. Около тридцати стихотворений и поэма – получится книжица. Как твоё мнение? Можно ли это сделать? Я не знаю, какие там возможности. Альманахи и сборники я не люблю, если что-нибудь в этом роде выходит, я бы был против того, чтобы мои стихи включались туда.

Что нового и хорошего в Нальчике? Жена посылала мне газеты, а теперь уже не шлет. Здесь со мной несколько земляков. Когда я получаю газеты, они переходят из рук в руки и читаем до дыр.

Пиши чаще. С искренним приветом – твой *Алим Кешиков*.

12 июля 1945 г.

Дорогой Хачимовский!

Ты не думай, что я забыл о твоей просьбе. Я говорил с Баруздиным, который мне ответил: «Я сам хочу издаться в этой серии, но меня не включают. Если Хачим обратится к нам, то мы ему ответим».

Тут я не понял: то ли он хотел, чтобы ты сам непосредственно обратился к нему, то ли это – отказ. Сам думай и поступай, как считаешь нужным.

Как дела, и что нового в нашем родном городе, и как чувствует себя Пэщхъан¹? Передай ей привет от меня. Мы готовим съезд, хотя не знаем, когда он состоится и состоится ли вообще. Хотим добиться того, чтобы он состоялся где-то в середине февраля.

Над чем трудишься, как твоё настроение? Напиши.

Жму твою руку.

Алим. 7 января 1970 г.

1 Пашахан – супруга Х. Теунова

Тазал МАШУКОВ,
*публицист, заслуженный работник
культуры РФ,
кандидат исторических наук*

АЛИМ КЕШОКОВ – ПУБЛИЦИСТ

Публицистика Алима Кешокова – недостаточно исследованный пласт его творческого наследия. В монографических и коллективных работах по истории, теории и практике кабардинской литературы

[1] ничего не говорится о его публицистике. Только в статьях «Кабардинская литература в период Великой Отечественной войны» З. Налоева и «Творчество А. Кешокова» М. Сокурова, вошедших в книгу «Очерки истории кабардинской литературы» [2] вскользь упоминается о его публицистике периода войны, при этом упускается из виду поэтическая публицистика. Это в какой-то степени и объяснимо: исследователи творчества поэта не ставили перед собой такой цели.

На факт неизученной публицистики А. Кешокова в разное время обращали внимание исследователей: известный литературный критик Вадим Деменьтьев, литературовед Марьяна Шакова. В книге «Со временем в ладу», посвященной творческому пути Алима Кешокова, Деменьтьев пишет: «Публицистика Алима Кешокова совершенно не проанализирована. А между тем только одни зарубежные очерки составили бы интересную во всех смыслах познавательную книгу. Толчком к написанию каждого очеркового материала для Кешокова служит не только поездка, не калейдоскоп зарубежных впечатлений, которыми нас, читателей, часто потчуют литераторы, бывающие за границей, а какой-то случай, связанный с тем или иным путешествием или потребность сказать свое слово о современной жизни той или иной страны. То есть очерки Алима Кешокова вполне литературны, отмечены его писательским даром» [3]. Эта мысль была высказана в 1935 году. Спустя семнадцать лет, то есть в 2002 году, М. Шакова возвращается к этой же проблеме: «Кешоков зарекомендовал себя и как своеобразный публицист, смело борющийся за общественный прогресс. Публицистика Кешокова практически еще не изучена, хотя она так не художественна, как и его романы [4].

Представляемая статья является попыткой рассмотреть публицистику А. Кешокова в контексте изучения ее автором истории кабардинской публицистики, начиная с 1920-х годов до ее современного состояния. При этом автор ни в коей мере не претендует на детальное рассмотрение всех сторон публицистического наследия А. Кешокова. Такая обстоятельная и фундаментальная работа ждет еще своих исследователей. Ставится более скромная цель: основываясь на некоторых конкретных материалах, наметить основные направления и контуры дальнейшего изучения и анализа его публицистики.

История свидетельствует, что наибольшего подъема публицистика достигает в переломные, судьбоносные моменты развития общества. Таким

моментом в истории нашей страны, бесспорно, стала Великая Отечественная война.

«22 июня 1941 года... Оставляю свои тетрадки, наброски, намерения и планы мирных дней и в качестве спецкорреспондента, а еще точнее сказать – в качестве именно писателя (была такая штатная должность в системе военной печати. – Т. М.) отправляюсь на Юго-Западный фронт в редакцию газеты «Красная Армия» [5], вспоминал А. Твардовский. Так случилось в это время со многими поэтами, писателями, публицистами: «к штыку приравняли перо».

Должность писателя на войне оказалась насущно необходимой, поэтому судьба А. Твардовского повторилась в судьбах сотен и сотен других писателей, в том числе и кабардинских.

Ушел на фронт защищать Родину с оружием в руках и молодой поэт Алим Кешоков.

Лишь Алим Кешокову из кабардинских литераторов довелось работать непосредственно в армейской газете.

В 1942 году военное командование направило его для прохождения дальнейшей службы в армейскую газету «Сын Отечества», где он становится военным корреспондентом. Попадает в хорошую творческую среду. В редакции газеты работал известный литературный критик В. Гоффеншефер, к ним позже прислали талантливого очеркиста В. Овечкина и земляка, поэта К. Кулиева.

Писательский хлеб на войне был далеко не из легких. «Писатель на войне делал все, за исключением своего писательского дела, – вспоминал В. Ряховский, работавший в годы войны в газете «Красный черноморец», – составлял газету, правил материалы, ходил или ездил за информацией в три строки, дежурил ночи в типографии, до потемнения в глазах читал гранки и полосы, ходил на кораблях в походы, летал на боевых самолетах, сутками выдерживал огневые и воздушные налеты врага, притаясь вместе с бойцами в окопе или полуобсыпавшемся блиндаже. Свои газетные – надо подчеркнуть – газетные, то есть глубоко оперативные рассказы, очерки, стихи и заметки он писал на коленке, в переездах, перелетах под пождем и снегом... Писал, твердо зная, что каждая его строка завтра будет читаться бойцами, будет заряжать волей к победе, будет звать их вперед» [6].

Такой образ жизни вел во время работы в армейской газете «Сын Отечества» и А. Кешоков в 1942-1944 гг. Стихи и публицистические статьи А. Кешокова, опубликованные в «Сыне Отечества», звали людей на подвиг во имя победы. Разнообразны они по жанру – есть среди них очерки и рассказы, лирические стихи, сатирические миниатюры в стиле анекдотов о Молле Насреддине. Молодые журналисты «Сына Отечества» иногда подписывали сатирические произведения коллективным псевдонимом «Али Бомба-бей, Штык-оглы, Шрапн-эль Саади». Они поднимали настроение и боевой дух солдат, вселяли уверенность в победу над врагом – осмеянным по заслугам за злодеяния.

Публицистических выступлений с глубоким анализом общественных процессов и явлений с целью оперативного воздействия на них почти нет в кабардино-балкарской прессе периода войны, и причин тому немало, возможно культивируемое в те годы исключительное единомыслие в творческой среде не позволяло журналистам иметь свой взгляд и свое мнение на те или иные

факты, события и явления и интерпретировать их по-своему? Возможно, и сами журналисты не доросли в творческом развитии до умения глубоко и профессионально разбираться в многосложной жизни? Скорее всего, имели место и первый, и второй, и другие моменты.

Потому военная публицистика А. Кешокова, как и лирика, пропитанная элементами публицистики, – самая яркая страница в истории кабардинской литературы периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

Значительная часть публицистических произведений, написанных А. Кешоковым в годы войны, была опубликована лишь в послевоенные годы и, в основном, на страницах альманаха «Къэбэрдей» на кабардинском языке.

Публицистическим откликом на гибель своего старшего соратника и учителя, поэта Али Шогенцукова стало стихотворение Алима Кешокова «Стихами ты врагов сжигал», написанное в 1942 году. Оно опубликовано в первом номере альманаха.

Особое значение для становления альманаха «Къэбэрдей» имело сотрудничество в нем Алима Кешокова, пожалуй, самого популярного и талантливого кабардинского поэта, писателя и публициста военных и послевоенных лет. В первом же номере альманаха были опубликованы поэма «Отец» и около двух десятков стихотворений поэта-фронтовика.

Мужайтесь, верные мои сыны!
Отчизна милая в огне войны.
Кто горе горькое земле несет,
Кто кровь безвинную рекою льет,
Кто темен разумом, душой нечист –
Того, проклятого, зовут фашист.
Коль ты уйти ему живому дашь,
Ты – враг, ты – выродок – не наш, не наш!
Непокоримые, идите в бой.
Чтоб вольной Родине не быть рабой!.. [7]

Эти остро публицистические строки из стихотворения «Слово Родины» (1941 г.).

В другом стихотворении, «Клятва» (1942 г.), поэт-публицист обращается к одинокой девочке, которую встретил в разрушенном фашистами городе:

Клянусь, – сказал я, – мы найдем
Твой дом, твой родимый дом.
Лишь там расстанусь я с тобой!
И вновь пойду в священный бой.
Клянусь, я отомщу в бою
За горькую беду твою.
И боль отца и долг бойца.
Зовут бороться до конца [9].

Еще несколько строк из стихотворения военных лет «Перед атакой»:

Друг мой, на заре начнется бой.
 Я хочу поговорить с тобой,
 Мы должны пойти – и мы дойдем
 До высот, что заняты врагом.
 Пусть за всех за нас, мои друзья,
 В том бою погибну только я.
 Лучше пусть одна рыдает мать.
 Чтоб другим не повелось рыдать [9].

Взволнованность, стремление сделать братьев по оружию, сыновей Отчечства, всех, к нему обращены стихотворные строки, активными участниками событий – характерные определяющие черты публицистики А. Кешокова военных лет. Неумемное делание активного воздействия на читательскую аудиторию приводит поэта-публициста к широкому использованию стихотворного жанра – одного из жанров наиболее оперативного влияния на читателя, в стихах поэт часто использует также диалог со своим героем, ибо он ведет с ним конкретный разговор, призывая к конкретному действию. Благодаря этому публицист достигает поставленной цели.

Послевоенную публицистику А. Кешокова можно с определенной долей условности сгруппировать по трем основным направлениям: литературная публицистика, или публицистика по проблемам развития литературы; публицистика на внутрисоюзные темы и международная публицистика.

К первой группе публицистических произведений относится цикл статей под общим названием «Созвездие литератур», ко второй – статьи цикла «По родной стране», и к третьей – серия статей, объединенная общим названием «Шаги по континентам» [10].

Особый интерес для научного исследования представляет автобиографическая повесть «Вид с белой горы» – произведение, насыщенное всеми элементами публицистики, близкое по логике изложения фактического материала, образности и богатству языковых приемов к публицистическому произведению. Многие проблемы, затронутые в этой повести, остаются актуальными и в наши дни и требуют пристального анализа и решения, но это, повторяю, тема другого, отдельного исследования.

Публицистическая статья «Восхождение» – первая в цикле «Созвездие литератур». Произведение это – о дружбе горцев с Россией, ее бескорыстной помощи, благодаря которой всего лишь за десятилетия кавказцы прошли путь от сохи до тракторных агрегатов, от водяных мельниц в два жернова до промышленных гигантов, от сакли с окном в квадратный аршин до многоэтажных домов со всеми удобствами, от школы-медресе до государственных университетов, в которых обучаются тысячи студентов и работают сотни кандидатов и докторов наук. Так вкратце охарактеризовал достижения народов кавказских республик публицист. Здесь каждое слово весомо и объемно, точно и убедительно передает суть произошедших в жизни горцев социально-экономических изменений и культурного развития.

Только человек, глубоко осознающий великую силу слова, пропитанный ею, мог выбрать своей неизменной профессией и судьбой на всю жизнь профессию литератора. Таким был А. Кешоков. В зените литературной славы,

будучи общепризнанным мастером поэтического и прозаического слова, ему пришлось вступить в поединок с руководством нашей республики, искаженно толковавшим эпизоды Великой Отечественной войны, Речь идет о попытках очернения писателя за роман «Сломанная подкова». К неблагоприятной кампании по экзекуции писателя и его правдивого произведения были привлечены люди с большими регалиями, но далекие от литературного творчества и его законов.

Прежде чем задумать «Сломанную подкову», писатель-публицист взвесил все на весах своей совести.

«В художественном творчестве есть свой неумолимый и беспощадный ОТК, – размышляет писатель, который, несмотря на авторитеты, выбрасывает за борт корабля все, что не отвечает его интересам. Это время. Оно – руки и сердце современника [11]. Развивая эту мысль, добавляет: «Каждый из нас по своему художественному вкусу и настрою выбирает тему. И в этом он свободен. Но не свободен он от обязанности говорить правду» [12].

«Поэтическое слово у горцев приравнивалось к хлебу и оружию, – замечает А. Кешоков в «Восхождении». – Песня была высшей наградой и высшей мерой наказания. О достойном человеке слагалась песня. Иногда род обнаженными кинжалами решал спор, если песня высмеивала и обличала пороки какого-нибудь представителя этого рода.

Любой поэт мог стать жертвой своего острословия, когда он вступал в поединок с правителем аула, хотя народ и был на стороне поэта [13]. Автор «Сломанной подковы» совершенно сознательно вступил в поединок не с правителем аула, а с политическим альянсом людей, искажающих исторические факты времен Великой Отечественной войны, задевающие честь и достоинство тысяч воинов-освободителей – живых и мертвых.

Одному из выдающихся поэтов современности – Кайсыну Кулиеву – посвятил А. Кешоков публицистическую статью «Утро поэта». Яркие образные сравнения, свежесть мышления, тонкий юмор отличают ее. Только глубоко талантливому публицисту могут принадлежать такие запоминающиеся фразы: «Маленькие горцы-чабаны учились, как теперь сказали бы, «без отрыва от стада» [14]. Кулиев уже подготовил к печати книгу стихов «Здравствуй, утро!». Это было шумное утро всей горской поэзии [15].

Тонко подмечает публицист особенности своего времени, в котором живет, его нюансы, незаметные рядовому человеку: «Читателей почти не было, за исключением нескольких десятков учителей родного языка и учащихся старших классов, а из-под пера поэтов и писателей уже выходили первые книги. *Авторы книг и их читатели рождались одновременно*» [16].

В «Созвездии литературы» А. Кешоков коротко, но ёмко характеризует творчество и личность Мирзо Турсун-заде – выдающегося таджикского прозаика, Аскера Евтых – адыгейского писателя, украинского писателя Ивана Григурко...

Статьи А. Кешокова, посвященные вышеперечисленным деятелям литературы, не педантичный и узкопрофессиональный разбор литературных произведений, они не сводятся к регистрации их достоинств и недостатков, некоему критиканству или комплиментарному перечню. Каждый истинный талант получает глубокую оценку индивидуальных особенностей, ведущего

начала в творчестве. Он рассматривает литературные произведения широко, в контексте времени, как документ общественного сознания, борьбы, показывает отношение каждого произведения к жизни, к важнейшим идеям современности. А. Кешоков заранее планирует и пишет эти статьи не как узкий специалист-литератор, поэт или прозаик, а в первую очередь – как публицист. Это просматривается во всех литературно-критических статьях, где он, как правило, поднимает вопросы политики, философии, этики, истории, социологии. Раскрывая суть и смысл какого-нибудь литературного явления, А. Кешоков попутно высказывает мысли, далеко выходящие за рамки этого явления. Они чрезвычайно интересны, злободневны и много дают для нравственного воспитания личности читателя, тем самым сохраняя произведения и для нас, высоко ценящих все общечеловеческое и глубоко озабоченных морально-нравственным совершенствованием людей.

А. Кешоков мастерски владеет всеми жанрами публицистики и стилями речи, разнообразными смысловыми оттенками слов, различными пластами лексики. Все это в совокупности дает ему возможность писать легко, логично и вместе с тем страстно и эмоционально.

«Созвездие литератур» – самая острая и обстоятельная публицистическая статья А. Кешокова о месте литературы и писателя в обществе. На взгляд публициста, для настоящего талантливого художника слова, каковыми во все времена являлись поэты и писатели, вовсе недостаточно только одного простого отражения в художественном произведении быстро меняющейся действительности, хотя и это крайне важно, намного серьезнее опережать события, своевременно предугадывая их ход и последствия. Чтобы быть статистом, по мнению публициста, не надо большого ума. «Сказать своим произведением, что я, мол, указал на недостатки, в причинах же разбирайтесь сами, – мало» [17], – пишет А. Кешоков.

Он, будучи крупным общественно-политическим деятелем в масштабах огромной страны – бывшего СССР и России, – пользуется заслуженным авторитетом и уважением не только в литературной среде; к его слову, выводам и предложениям, выносимым на суд широкой общественности через страницы центральных газет и журналов, прислушиваются руководители целых отраслей материальной сферы производства, а также государственных структур. А. Кешоков – публицист российского и союзного масштабов. И яркое, убедительное доказательство тому – цикл его очерков «По родной стране». Публицист обладает не только литературными, но и политическими полномочиями оценивать состояние художественного творчества в стране, ставить задачи перед его деятелями. Статья «Думная гора» – это своеобразный публицистический отчет о поездке группы известных писателей по городам Сибири.

Но рамки простого журналистского отчета тесны для талантливого публициста, ибо он озабочен не только проблемами отдельного города, региона, его беспокоят проблемы всей страны. Здесь размышления о судьбах России, языке ее народа, сложных и противоречивых процессах образования и упрочения национальных литератур. «Я слышал, – замечает публицист А. Кешоков, – наука и техника уже располагают возможностями, чтобы многоводные сибирские реки, текущие на север, повернуть на юг, преградив им

путь гигантскими плотинами. Но нет и никогда не будет таких средств, чтобы поток многонациональной советской литературы повернуть вспять» [18].

Любознательный публицист А. Кешоков глубоко вникает в суть очень далеких от его профессиональных интересов сфер деятельности. Для чего ему нужно детально изучать в городе Нижневартовска (статья «За глубиной глубь») все существующие методы добычи нефти и газа – канадский, бразильский, бакинский, татарский, башкирский? Чтобы затем рассказать о них через прессу – выбирайте тот метод, который вам лучше подходит из тех, что есть!

Он умело находит актуальные темы для своих газетных и журнальных выступлений, что свидетельствует о глубокой внутренней аналитической работе.

«Тот, кто несет людям живое слово, выражающее думы и чаяния народа, кто помогает современнику найти свое место в борьбе за прогресс, вдохновляет его своим мужественным предвидением, – тот и есть, как говорят моряки, «впередсмотрящий» [19] такова позиция публициста. Опираясь фактами, рассуждая публично, делая обобщения, высказывая свою точку зрения и подходы к тем или иным проблемам, он делает читателя соучастником своего мыслительного процесса, оставляя при этом право выбора за ним, и такова специфика деятельности настоящего публициста.

В публицистическом наследии А. Кешокова большое место занимают путевые очерки. Они составили цикл «Шаги по континентам». Подавляющее большинство их посвящено жизни и проблемам развивающихся стран, или, как еще их называют, стран «третьего мира». Они особенно близки публицисту, возможно, по той причине, что и его малая родина – Кабардино-Балкария – всего несколько десятилетий назад переживала все трудности и невзгоды, над преодолением которых упорно работают народы, населяющие «третий мир». Алим Кешоков был не только очевидцем того, как его в недалеком прошлом отсталый народ строил современную, цивилизованную жизнь, но принимал самое активное участие в этом процессе, занимая различные ответственные должности в руководящих властных структурах республики. Публицисту есть что вспомнить и что сравнивать, несмотря на то, что Кабардино-Балкария находится на Кавказе, а страны, о которых он пишет, расположены иногда на других материках. Есть у всех народов, вставших на путь цивилизации, что-то общее, как неизбежны и национальные, исторические, географические и иные специфические особенности, влияющие на судьбы народа каждой страны.

Это общее и особенное в жизни народа каждой страны, в которой побывал публицист, и становятся предметом его анализа и размышлений, темой публичного выступления в прессе. Для каждой страны, для каждого народа, а зачастую и для отдельно взятого конкретного человека А. Кешоков находит особые слова для их характеристики, передачи их нравов, обычаев, традиций, характера. Делает он это, никогда не повторяясь, что под силу только талантливому публицисту, мастеру филигранного использования «оборотов кабардинской изысканной речи» (В. Дементьев).

В том, что публицистические статьи, очерки и репортажи А. Кешокова литературны и отмечены его писательским даром, можно легко убедиться, ознакомившись с любыми из них.

Широкая эрудиция, чувство прекрасного, интеллигентность сквозят в каждой статье А. Кешокова. Нестандартные сопоставления фактов, богатство

сравнений в статьях помогают оттенить главное. У него не встречаются избитые, плоские и трафаретные выражения. Сочен и неповторим язык очерков: «Дикие слоны в стадах помахивают ушами, похожими на огромные веера» [20]. Это из путевых очерков о Нигерии «Черный свет». Или другие примеры из рассказа о той же стране: «...Подали кофе в маленьких чашечках, похожих на фарфоровые изоляторы на телеграфных столбах» [21]. «Ибаданский университет – гордость Нигерии, ее брови, как сказали бы кабардинцы, украшение мужественного лика страны» [22]. Только Алим Кешоков – публицист-кабардинец – мог использовать как «единицу измерения гордости» страны брови. И только кабардинцы, пожалуй, поймут глубину и значимость этого сравнения и «измерения».

О языке и стиле публицистических произведений А. Кешокова можно написать кандидатскую и докторскую диссертации, насколько они оригинальны и уникальны.

В очерке «Борунда» об Индии едва ли не каждое предложение с его неповторимыми сравнениями и оборотами надолго врезаются в память, настолько они ёмки, осязаемы, образны: «У сторожки на солнцепёке «дожаривалось» несколько блеклых машин» [23], «Мы ехали по безводным просторам, изрезанным высохшими руслами рек и усеянным редкими чахлыми деревьями, похожими на ободранные ветрами большие зонты, которые вкопаны путниками в землю и забыты, или черные войлочные шляпы горцев Кавказа, посаженные на колья» [24]; «Наконец Борунда. Деревня родилась в «каменной постели» (под ней вся земля из камня. – *Т. М.*) [25]; «Дома братьев, основателей деревни, похожи друг на друга, как братья, и стоят они рядом» [26]; «Облысели у нас некоторые законы, как автомобильный скат. Надо их менять, чтобы дело не буксовало» [27]; «Как смотреть... на то, что происходит на берегах Ганга и Джамны? Здесь, на ровном месте, буксует колесо истории» [28].

В цикле «Шаги по континентам» целая серия публицистических очерков о Вьетнаме: «Флаги над холмами», «Гора поэзии», «Надпись на автомате», «Мое убежище – вода», «Белая птица тишины», «Ручей имени Ленина», «Цветы персикового дерева». Несколько позже, после выхода книги «Вид с белой горы» и собрания сочинений в четырех томах, куда вошла публицистика писателя, в центральной прессе были опубликованы новые публицистические статьи А. Кешокова: «Лёд уходит, берег остаетя» (о бывшей Югославии), «Душа Алжира», «Течение Босфора» и другие.

Особый интерес для исследователя публицистики писателя несомненно представляет очерк о Сирии «Зерна на дороге», так как эта страна является одной из тех, где проживает наиболее многочисленная диаспора кабардинцев-соотечественников. Рамки данной статьи не позволяют уделить его анализу заслуженного места и внимания. Он должен стать предметом отдельного изучения и разговора.

Беглое знакомство с публицистическим наследием А. Кешокова приводит к следующему, наряду с другими выводам: очерки писателя, в том числе и путевые, – не развлекательная и ознакомительная беллетристика, хотя в них присутствует и то и другое. Они содержат богатый исторический и фактический материал, позволяющий анализировать события, явления, тенденции,

результатом чего становятся четко выверенные выводы и предложения, к которым подводит публицист.

В публицистике А. Кешокова гармонично сочетаются газетная актуальность и художественный взгляд.

Публицистика писателя так же литературна и художественна, как и все другие его произведения прозаических жанров, в ней он использует всю богатую палитру изобразительных средств.

Публицистика способствует расширению кругозора и интересов читателя, приглашает его к размышлениям о происходящих в современном мире сложных политических и социально-экономических процессах, заставляет задумываться о смысле человеческого бытия и жизни, сопереживать.

Примечания

1. *Теунов Х.* Литература и писатели Кабарды. М., 1985. *Кашежева Л.* Кабардинская советская проза. Нальчик, 1962. Она же: Совершеннолетие пера. Нальчик, 1968. Сборник статей о кабардинской литературе. Под ред. М. Сокурова. Нальчик, 1968.

2. Очерки истории кабардинской литературы. Под ред. А. Алиевой. Нальчик, 1968. С.143-151, 208-227.

3. *Дементьев В.* Со временем в ладу. Нальчик, 1985. С. 205.

4. Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 60-х гг. XX в. Библиографический словарь. Нальчик, 2003. С. 216.

5. Своим оружием. М., 1964. С. 20.

6. Цит. по кн.: Очерки истории русской советской журналистики. М., 1968. С. 112.

7. *Кешоков А.* Собр. соч. в 4-х томах. М., 1982. С. 20-22.

8. Там же. С.25.

9. Там же. С.32.

10. *Кешоков А.* Вид с белой горы. М.,1977. С. 350-429.

11. Там же. С. 302.

12. Там же. С. 318.

13. Там же. С. 276.

14. Там же. С. 285.

15. Там же. С. 289.

16. Там же. С. 289.

17. Там же. С. 293.

18. Там же. С. 333.

19. Там же. С. 318.

20. Там же. С. 352.

21. Там же. С. 354.

22. Там же. С. 356.

23. Там же. С. 368.

24. Там же. С. 369.

25. Там же. С. 369.

26. Там же. С. 369.

27. Там же. С. 373.

28. Там же. С. 383.

ВЕЩИЙ СОН

*Где бы в пути меня смерть ни застала,
Встречу конец на летящем коне!*

А. Кешоков

Снилось мне, Будто на белом коне Мчусь, опустивши поводья... На мне Бурка, черкеска Да верный кинжал, Да газыри, Что разят наповал. Конь мой несется Над ширью долин, Следом приятели скачут... Один Полон печали, Другой заскучал... Если признаться, Мне было их жаль. Вот на скаку Осадил я коня, - Ветер отпрянул, Пугаясь меня. Грудь подставляю Времен колесу – Тяжко, Но тяжесть я перенесу. След моих спутников Тут же простыл, И на пути моем Снег повалил. Думал, – Надежды погибли во мне, Но появился На белом коне Друг, – И опять засветилась тогда В снежной крошечной пустыне Звезда. Будет ли горе	Иль на сердце стынь – Друг настоящий Найдется Один... Он лишь один Не жалеет потом, Что помогал Всем своим существом. Как же мне жалко сегодня Людей, Тех, кто в дороге Бросил друзей. Тех, кто на доброй земле Не сумел Жить для добра, А не мелочных дел... Верю, – Коль дней моих Скроется путь – Млечными тропами Ночи блеснут... Как хорошо, Если друг твой вперед Песню, что хочешь ты петь, Запоет! Друг этот рядом! – И пусть камнепад, Буря смертельная – Нету преград!.. Много на свете мне жить Или мало, Век мой измерится Жизнью во мне. Где бы в пути Меня смерть ни застала, Встречу конец На летящем коне.
---	--

Перевод Р. Семенова

Земной поклон вам, ветераны!

Сколько лет уже прошло с того долгожданного и радостного дня Победы, а боль войны никак не уходит. Уже выросло несколько поколений, не знавших войны, голода и холода послевоенных лет. Проклятая война уже далеко от нас, пора бы забыть ее, но никак не получается – сердце жмется в страхе от одного только упоминания о беде, которая вошла в каждый дом: в каждой семье осталась болью незаживающая рана пережитых военных лет. У многих из нас не вернулись с той войны отцы, старшие братья, матери, сестры, и живые фронтовики напоминают нам о них. Поистине, праздник 9-го мая – праздник нашей Победы, всего бывшего советского народа. Это большой и светлый праздник всей нашей многонациональной страны.

И в этот день мы сердечно поздравляем всех участников, героев той священной войны, всех людей, которые своим самоотверженным трудом обеспечили ратные успехи наших воинов, ковали оружие Победы, растили хлеб. Желаем им здоровья на долгие годы счастливой и мирной жизни. Мы видим постоянную заботу руководства нашей страны о ветеранах войны и тружениках тыла. Из года в год помощь им возрастает, нуждающимся выделяют машины, квартиры, увеличивают размеры пенсий. Это знак того, что новые поколения наших людей не забывают ратных и трудовых подвигов своих отцов и матерей, готовы и впредь свято исполнять свой сыновний долг перед ними.

...Есть одна Великая Победа – одна на всех! Все они равны – полководцы и рядовые, именем которых однажды взвилось Знамя Победы над поверженным рейхстагом. Не всем было суждено дожить до этого желанного часа, не все имена героев известны, но память о них живет в сердцах потомков, наследников доблести и славы отцов и дедов.

Главный редактор

*Автор идеи памятки: председатель
Совета ветеранов КБР М. Х. Шихабахов*

В памятке содержатся краткие комментарии к законам, помогающие уяснить его содержание, также в ней освещаются наиболее общие вопросы о пенсиях, льготах, интересующие многих граждан. Памятка рассчитана на широкий круг ветеранских активистов, работников служб социальной защиты населения.

Мухамед ШИХАБАХОВ
*председатель Республиканского
 Совета ветеранов,
 член Общественной палаты КБР,
 полковник, ветеран военной службы*

ВО БЛАГО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Значение и смысл любых экономических, технических и технологических преобразований, в конечном счете, определяется достигнутым уровнем и качеством жизни людей, особенно старшего поколения и детей.

Для решения поставленных задач в Кабардино-Балкарской республике разработана целевая долгосрочная республиканская программа «Старшее поколение» на 2014-2018 годы, основной целью которой является повышение качества жизни пожилых людей и инвалидов. На реализацию этой программы выделено бюджетных ассигнований в размере более 274 миллионов рублей, также проводится масса других мероприятий в рамках реализации планов подготовки и проведению 69-годовщины и 70-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне.

Активное участие в реализации этих программ и мероприятий принимает наша республиканская общественная организация ветеранов, как составная и активная часть гражданского общества.

На учете в организации состоит более 25 тысяч человек. Структура – 12 Советов (два городских и десять районных), 352 первичных ветеранских организации. Тесное взаимодействие с органами власти и управлениями на местах позволяет нам доводить до власти проблемы ветеранов всех категорий, пожилых людей, инвалидов, и совместно их решать.

Следует отметить, что в нашей республике и обществе сложилась обстановка, позволяющая нам вести по этому поводу нормальный конструктивный диалог с властными структурами.

Наша гордость – традиционно сложившаяся культура и уважение к старшим, и это значительно способствует позитивному воспитанию молодежи. Не раз нами уже отмечалось, в частности, что решено большинство жизненных проблем для участников войны, фронтовиков. Их совокупные денежные доходы, состоящие из пенсий и дополнительных выплат, позволяют вполне удовлетворительно, в меру сил, вести активный образ жизни.

Для этой категории практически повсеместно решены вопросы жилья, медицинского, санитарного обслуживания, кроме лекарственного обеспечения.

Однако труженики тыла, которые работали самоотверженно для фронта, для Победы, заменив ушедших воевать мужчин, работали по 16 часов, а иногда сутками, к великому сожалению, повышенным вниманием и заботой со стороны государства похвастаться не могут.

Надеемся, что Государственная Дума вернется к рассмотрению этого важного вопроса.

Чествование ветеранов, КБГУ

Восхождение на Курские высоты, посвященное освобождению территории КБР от фашистских оккупантов

Тем более, рост цен на продукты питания, товары первой необходимости и тарифы ЖКХ делают их жизнь трудной.

Опираясь на государство в деле улучшения жизни пожилых людей, мы, ветеранские организации, не забываем о своей роли, своем месте и нашей ответственности за судьбы ветеранского движения, всего старшего поколения.

Главные задачи, которые мы решаем, – это защита законных прав и интересов ветеранов, социально-бытовая обеспеченность и вовлечение ветеранов всех категорий в активную работу с молодежью по патриотическому, духовно-нравственному и интернациональному воспитанию на ратных, трудовых и нравственных традициях старшего поколения Кабардино-Балкарии.

Ветеранские организации районов, городов республики возглавляют опытные авторитетные руководители, которые на высоком уровне решают уставные задачи.

К сожалению, время ставит фронтовикам, труженикам препоны: это преклонный возраст. Значит, надо сделать все возможное, чтобы им жилось лучше, легче, комфортнее, чтобы они чувствовали себя нужными и нам, и подрастающему поколению. Эта работа не терпит сезонности, перерывов, выходных и каникул. Наш долг, не откладывая на потом, помогать всем ветеранам сейчас. Только так можно добиться священной цели, только так можно создать необходимые условия для того, чтобы участники войны смогли вместе с сыновьями, внуками, правнуками, друзьями встретить 69 годовщину Победы.

Наша главная итоговая задача состоит в том, чтобы причастность к подготовке и проведению 70-летнего юбилея Победы ощутил каждый участник Великой Отечественной войны, каждый ветеран, каждый молодой человек, каждый житель Кабардино-Балкарии.

«Глубокоуважаемый Мустафа Камалович!

Ректорат, профсоюзная организация и Совет ветеранов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова сердечно поздравляют Вас, истинного патриота Отечества, руководителя многотысячной общественной организации ветеранов труда столицы нашей республики г. Нальчика с Вашим славным юбилеем – 75-летием со дня рождения.

Вся Ваша большая, содержательная жизнь с юности и по сей день являет собой яркий пример верного, самоотверженного, преданного служения нашей Родине. Достоинно выполнив свой долг офицера Советской, Российской армии, уйдя на заслуженный отдых в чине полковника, Вы продолжаете святое дело гражданина Отечества – передачи своих глубоких военных знаний, богатого жизненного опыта подрастающему поколению, его патриотическому воспитанию.

Вы являетесь олицетворением лучших человеческих качеств – правдивости, чести, совести, гуманности, благородства. Вы снискали глубокое уважение самой заслуженной части населения г. Нальчика и всей республики – ветеранов, своей необыкновенной преданностью делу защиты их интересов, трогательной заботой о них, братским отношением к ним!

Мы благодарны Вам за постоянно внимательное, чуткое отношение, в частности, и к ветеранам-пенсионерам университетского комплекса, к проблемам воспитания студенческой молодежи в духе патриотизма.

Хотелось бы подчеркнуть, дорогой Мустафа Камалович, что Вы – человек, наделенный природной мудростью и благородством, всегда и последовательно выступаете как убежденный поборник взаимопонимания, взаимоуважения и братской дружбы народов нашей республики, что делает Вам большую честь».

Такими трогательными словами поздравил Мустафу Камаловича с его юбилеем ректор КБГУ профессор Барасби Карамурзов. Жизненный путь Мустафы Абдуллаева – это годы беззаветного служения Отечеству, это и начало нравственности, пример патриотизма для подрастающего поколения.

М. К. Абдуллаев родился 15 июня 1933 года в с. Гунделен Эльбрусского района Кабардино-Балкарской автономной области. Закончил среднюю школу в Баксан-ГЭС в 1951 году, в этом же году поступил в Гомельское радиотехническое училище противовоздушной обороны СССР и в 1953 году успешно его закончил.

С 1953 г. по 1970 г. командовал воинскими подразделениями в войсках противовоздушной обороны. В 1970 году поступил в Военнокомандную академию противовоздушной обороны, которую досрочно

закончил в 1974 году. Дальнейшую службу проходил на различных командных должностях противовоздушной обороны СССР.

В 1982 году после получения травмы на учениях уволился по состоянию здоровья в звании полковника.

После этого он занимал разные должности в республике, в 1993 году стал председателем союза ветеранов вооруженных сил КБР, также он – член президиума республиканского совета ветеранов.

С 2003 года – председатель комиссии по работе с ветеранами военной службы, член президиума Нальчикской городской ветеранской организации.

В июле 2003 года на внеочередной конференции Нальчикской городской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и Правоохранительных органов избран единогласно председателем, и по настоящее время работает в данной должности.

За время работы проявил себя инициативным, обладающим организаторскими способностями работником. За теплое и внимательное отношение к пожилым людям снискал уважение и доверие ветеранов.

В марте 2008 года избран депутатом Совета местного самоуправления городского округа Нальчик.

Работая депутатом Совета местного самоуправления городского округа Нальчик и председателем Нальчикской городской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и Правоохранительных органов, Мустафа Камалович Абдуллаев умело совмещает эти обязанности, постоянно работает с гражданами, по возможности оказывает им помощь в крайне важных вопросах, активизирует, улучшает работу коллектива городской ветеранской организации.

Все свои силы направляет на улучшение жизни, быта участников и инвалидов Великой Отечественной войны, ветеранов Вооруженных Сил и труда по воспитанию подрастающего поколения.

За добросовестное отношение к своим обязанностям награжден многими правительственными орденами, медалями и почетными грамотами.

В 2009 году назначен членом комиссии при Главе Кабардино-Балкарской республики по вопросам помилования.

В 2011 году назначен Указом Главы Кабардино-Балкарской республики членом Общественного Совета при Главе КБР.

В 2011 году избран членом президиума Общественного совета некоммерческих организаций при Общественной палате Кабардино-Балкарской республики.

В этом же году избран членом Совета старейшин при Общественной палате КБР.

М. К. Абдуллаев постоянно работает в комиссиях, проявляя себя инициативным, творческим, грамотным и дисциплинированным работником, обладающим организаторскими способностями. В 2009 году главой местной администрации городского округа Нальчик назначен членом комиссии по несовершеннолетним детям и защите их прав. Много

работает с молодежью в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях по выполнению постановлений правительства «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях», «О государственной программе – патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2010-2015 годы».

По его инициативе проходят интересные встречи ветеранов с молодежью в клубе «Ветеран». Принимает активное участие, совместно с ДОСААФ КБР, в подготовке допризывной молодежи по военно-прикладным видам спорта.

Стали традиционными участие в работе городского военного комиссариата по призыву молодежи на военную службу, с вручением приписных свидетельств, и торжественные проводы.

Постоянно участвует в мероприятиях, проводимых ДОСААФ КБР в автопробегах по местам боевой и трудовой славы республики и городскому округу Нальчик с привлечением участников Великой Отечественной войны, ветеранов военной службы, допризывной молодежи (9-11 классы) и населения.

Годы службы сформировали в нем дар организатора, требовательного и справедливого руководителя.

Сейчас Мустафу Камаловича особо заботит подготовка и празднование 70-ой годовщины Великой Победы. Налажен учет всех участников Великой Отечественной войны, с каждым из которых он знаком, знает их нужды. Ветераны знают, что по каждому их запросу М. Абдуллаев будет добиваться положительного решения. И верится, что это будет так.

М. К. Абдуллаев воспитал пятерых детей, и все они получили высшее образование, создали свои семьи, стали прекрасными специалистами.

Слева направо: Абдуллаев Мустафа, Шомахов Лостан, Гукемухов Шамиль

Материал подготовлен к печати Ж. Кандоровой

Владимир ЗАХАРОВ,
*сопредседатель Российского
Лермонтовского Комитета,
кандидат исторических наук,
профессор Пятигорского
государственного Лингвистического
университета*

ЛЕРМОНТОВ И ВОСТОК

Образы восточной культуры, да и сама тема Востока сопровождали Лермонтова на всем протяжении его творчества, и в этом немалую роль сыграли обстоятельства личной биографии поэта и то место «восточного вопроса», который существовал в политической жизни России 30-40-х гг. XIX века.

Действительно, Кавказ по-разному входил в жизнь и творчество Лермонтова, поскольку видел он его в разные периоды своей жизни. Первыми были детские впечатления, когда ему шел всего шестой год. Это было лето 1820 года, мальчик тяжело болел, и бабушка – Елизавета Алексеевна, воспитывавшая его после смерти матери в своем имении Тарханы в Пензенской губернии, повезла внука на Кавказские минеральные воды. Елизавета Алексеевна знала об их целебных свойствах, которые уже были известны в России, не только от своих родственников, не раз посещавших эти места, но, прежде всего, от своей сестры, жившей там. Екатерина Алексеевна была замужем за армянином А. В. Хастатовым, который увез ее из Москвы в свое имение на Северном Кавказе. В свое время свадьба эта наделал много шума во второй столице, сплетен и интриг было столько, что известный мемуарист конца XVIII – начала XIX вв. А. М. Тургенев посвятил им несколько страниц своих воспоминаний.

Кавказские Минеральные воды активно посещались многими родственниками Лермонтова. Екатерина Алексеевна приезжала из крепости Ивановской на Горячие воды, как обнаружил С. И. Недумов, еще в 1813 и 1815 гг. В 1817 г. там лечился двоюродный дед Лермонтова Афанасий Алексеевич Столыпин, в 1815 г. – прадед Алексей Емельянович Столыпин, в 1817 г. – будущий дядя – Павел Иванович Петров.

Вот в этот-то край к своей родной сестре и отправилась Елизавета Алексеевна со своим внуком, гувернерами, врачами и многочисленной челядью в 1820 году. Лермонтов с детства знал лишь жену Акима Васильевича – сестру своей бабушки и их детей, которые были хотя и постарше, но стали друзьями маленького Мишеля. Они еще не раз будут встречаться, переписываться, а с Акимом они увидятся в 1837 году.

Екатерина Алексеевна Хастатова, как вспоминали современники, была личностью весьма незаурядной. На Кавказской линии ее звали

«авангардной» помещицей. Отличалась она храбростью, независимо-стью и хладнокровием. В то время довольно частым явлением были набеги горцев на терские укрепления и станицы. Рассказывали, что, услышав набат тревоги среди ночи, Екатерина Алексеевна спрашивала: «Не пожар ли?» и, если ей отвечали, что случился набег, поворачивалась на другой бок и вновь засыпала.

Вот с ней впервые познакомился юный Мишель в 1820 году, у нее он гостил неоднократно. Рассказы о горцах, их песни и обычаи, тревожная жизнь линейной станицы – все это врезалось в память мальчика, и скоро стало проявляться в его юношеском творчестве. Екатерина Алексеевна не раз приезжала к сестре в Тарханы, где непременно продолжались разговоры о жизни на Кавказе.

Об этой первой поездке на Кавказ сохранились косвенные свидетельства. 7 марта 1821 г. в дневнике М. М. Сперанского, посетившего проездом из Пензы в Москву Е. А. Арсеньеву в Тарханах, сохранилась следующая запись: «Тарханы. Посещение Елизаветы Алексеевны. Действие кавказских вод. Совершение исцеления. Чембар»¹.

Говоря о семействе Хастатовых, следует вспомнить, что их связь не закончилась после поездки мальчика на Воды. Старшая дочь Хастатовых Мария, вышедшая замуж за П. П. Шан-Гирея, была дружна еще с матерью поэта, она поселилась со своей семьей недалеко от Тархан, купив имение Апалиха, впоследствии Мария Акимовна проявила нежную заботу о своем племяннике. До наших дней дошло несколько писем Лермонтова к «милой тетеньке». Ее сын Аким Павлович Шан-Гирей жил и учился с Лермонтовым в Тарханах, и стал одним из самых близких его друзей, оставив интересные воспоминания о жизни поэта.

Вторая дочь, Анна, вышла замуж за известного на Кавказе генерал-майора П. И. Петрова, который был начальником штаба войск на Кавказской линии и в Черномории. Она умерла в возрасте 34 лет в 1836 году. После ее смерти наследником кавказских имений стал ее брат Аким. Он был не просто добрым дядей Лермонтова, но впоследствии стал прототипом ряда героев в его произведениях.

Думается, что большее впечатление произвела на Лермонтова вторая поездка на Кавказские минеральные воды летом 1825 года. Мишель уже было 11 лет.

О поездке этой сохранилось одно любопытное документальное свидетельство, оно интересно еще и потому, что это первое упоминание имени Михаила Лермонтова в печати. В списке посетителей и посетительниц кавказских вод в 1825 г. по июль, помещенном в августовском номере «Отечественных записок» П. П. Свинына, указаны многие родственники Лермонтова, оказавшиеся в тот сезон на водах:

«Столыпины: Марья, Агафья и Варвара Александровны, коллежского асессора Столыпина дочери, из Пензы.

Арсеньева Елисавета Алексеевна, вдова поручика из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов, родственник ее Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, гувернантка Христина Ремер...

1 В память графа М. М. Сперанского. – СПб., 1872. – С. 96.

Шангерей Павел Петрович, отставной штаб-капитан, из Кизляра...

Петров 3-й Павел Иванович, командир Моздокского казачьего полка, подполковник из Наура, жена его Анна Екимовна, дочери Катерина и Марья...».

Был в тот сезон на Водах и один знаменитый столичный литератор:

«Гнедич Николай Иванович, коллежский советник, Императорской публичной библиотеки помощник библиотекаря, из С.-Петербурга...»¹.

С. А. Андреев-Кривич, в своем исследовании «Кабардинская народная поэзия в творчестве М. Ю. Лермонтова», писал, что двоюродный брат Лермонтова Аким Акимович, которому было тогда уже 18 лет, часто брал поэта с собой на веселые кумыкские пирушки, свадьбы.

Кумыки – второй по численности после кавказских татар тюркоязычный народ на Кавказе, являясь при этом крупнейшим тюркским народом на Северном Кавказе и третьим по численности народом Дагестана.

С. А. Токарев писал, что кумыки ...представляют собой очень пёструю по происхождению народность. Её древний пласт, несомненно, до- тюркский, яфетический. Есть мнение, что народ ками, камаки, упоминаемый уже у Птолея, связан исторически с позднейшими кумыками. Тюркизация их начиналась ещё при хазарах, во 2-й половине 1-го тысячелетия н.э. Набеги кипчаков (половцев, куманов) с X в. ещё более усилили здесь тюркский элемент. К этому времени, в связи с распадом хазарского каганата, видимо, и относится образование основного ядра кумыкского народа. Родство кумыков, карачаевцев и балкарцев, общий язык были очевидной аксиомой и для постоянных соседей, и для случайно оказавшихся на Кавказе путешественников², и их нередко путали.

Известно, что на правой стороне Терека, против селения Шелкозаводского, принадлежавшего Хастатовым, на берегу стоял чеченский аул Акбулат-юрт³. Лермонтов мог наблюдать искрометные пляски, слышать чарующие душу песни, легенды, рассказы об абреках и казаках. Юноша упивался живописной природой Предкавказья. Девственные пейзажи и дружеские встречи, рассказы об удали джигитов запечатлевались в его памяти. Впоследствии все это появилось в произведениях поэта:

Приветствую тебя, Кавказ седой!

Твоим горам я путник не чужой.

Они меня в младенчестве носили

И к небесам пустыни приучили...

Но были зрелища и поближе. Горячеводск со всех сторон окружали горские селения. 15 июля в одном из них – Аджи-ауле, проходил

1 Отечественные записки. – 1825, август. – С. 256-281.

2 С. А. Токарев. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. – М.: Изд-во Московского университета, 1958. – С. 229.

3 Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. – СПб., 1880. – С. 389.

праздник байрам на котором, вероятно, присутствовал и одиннадцатилетний Лермонтов. Почему мы так думаем? Дело в том, что внимание всех посетителей Горячеводска, так до 1830 года назывался Пятигорск, привлекал расположенный недалеко от городка Аджи-аул. И на байрам туда специально приезжали, чтобы воочию посмотреть на скачки, джигитовку, услышать национальные песни, увидеть танцы местных жителей. Можно предположить, что бабушка Лермонтова, как и все «общество водопьющих», не упустила возможности сама посмотреть, да и внуку показать это восточное диво. 15 июля 1825 года туда съехались чуть ли не все лечившиеся на Горячих водах.

«Приближаясь к Аджиеву аулу, за цепью карет, колясок, напоминая гулянья в Екатерингофе, – писал современник – я невольно был изумлен картиною представившеюся моим взорам: прелестная долина, расстилающаяся под навесом грозной Бештовой горы, покрыта была толпами самыми пестрыми, противоположными. Русские дамы в нарядах, дышащих Парижем, стояли вместе с черкешенками, проходящими на привидения на их ходулях (называемых пхавака). Группы военных офицеров сливались с разнообразными костюмами столичных и провинциальных щеголей; там казаки, черкесы, ногайцы рыскали на борзых конях своих; наконец толпа песельников и музыкантов, расположенных по сторонам раскинутых палаток – все вместе представляло весьма занимательное зрелище»¹.

С прибывших на праздник посетителей Вод обычно собирали пожертвования, которые составляли довольно крупный приз, вручавшийся победителю скачек. Впечатлений Лермонтову хватило надолго, и когда, спустя три года, в 1828 году, он по своему признанию «начал марать стихи», то первыми были пусть и подражательные, но, как ни странно, поэмы на кавказские темы. Он пишет: «Черкесы», «Кавказский пленник», в 1830-1831 г. – поэму «Каллы», в 1832 – «Измаил-бей», в 1834-1835 г. – «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек».

Первые строки поэмы Лермонтова «Аул Бастунджи», начинаются словами, в которых описываются окрестности того самого Горячеводска, где он провел лето 1825 года, описан и Аджи-аул:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Зарыт от бурь и вольностью богат. –
Его уж нет.

А в «Измаил-бее» этому аулу посвящены такие строки:

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,

¹ Свинын П. Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору // Отечественные записки – 1825, ч. 23. – С. 242-243. Описание праздника байрама в Аджи-ауле имеются и в зарубежных изданиях: Jaeger/ Reise von St Petersburg in die Krim und die Laander des Kaukasus in Jahre 1825. – Leipzig, 1830. – S. 102-106.

Где за Машуком день встает,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели...

В обеих поэмах, написанных после пребывания Лермонтова на Кавказских минеральных водах в 1825 году, он пишет об ауле, который исчез. Вопросом – существовали ли вообще аулы «между Машуком и Бешту» – задавались многие. Так по какой причине появился у Лермонтова этот интерес? Если мы откроем его поэму «Измаил-Бей», то прочтем описание праздника:

...начался байран.
Везде веселье, ликованья;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды; – но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,
И, одинокая, она
По небесам в сияньи бродит!

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: – темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немym вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

На этот праздник в 1825 году в Аджи-аул был приглашен первый горский «трубадур» знаменитый Султан Керим-Гирей. Сидя па низеньком табурете под навесом палатки он, аккомпанируя себе на трехструнном пшине-дукако самозабвенно пел черкесские песни.

П. Свиньин писал об этом с восторгом: «С каким удивлением, благоговением слушали горцы своего барда! Картина сия, поистине, достойна была кисти искусного художника; равномерно не менее живописно было б представить высокого мужчину средних лет, значительной наружности, великолепно одетого в шёлковое полукафтанье... вооруженного богатыми пистолетами, шашками и кинжалом, – с арфою в руке!.. Сговорчивый Султан сыграл нам и пропел оду – любовную песню, потом военную, и, наконец, гыбзу – элегию или плач, поющий ближайшими родственниками умершего воина, при чем восхваляются его подвиги и достоинства»¹.

Сохранилось еще одно документальное свидетельство тех лет, оставленное непосредственно Лермонтовым. Это подпись рукой юного Лермонтова в альбоме Марии Акимовны Шан-Гирей под нарисованным им кавказским пейзажем: «13 июня. Горячие воды». Как убедительно доказала Александра Коваленко, на рисунке изображено Тамбукаиское озеро, которое находится в Кабардино-Балкарии. Рисунок Лермонтова – детский, но сделан с натуры.

О Лермонтове и его восточных сюжетах надо писать целую книгу, мне же придется ограничиться лишь некоторыми наблюдениями над этой поистине бескрайней темой.

Проходя обучение в Московском университете, а затем в Школе Гвардейских подпрапорщиков в Петербурге, Лермонтов получает основательные знания по истории и географии, большое место в которых отведено колыбели человечества Азии. Лермонтова привлекает история юго-западной части этого материка, да и весь бассейн средиземноморской культуры. Недаром герой его романа Печорин мечтает о путешествии в Индию и Аравию, а перед смертью едет в Персию.

В 1837 году в одном из писем, отправленных с Кавказа, Лермонтов, между прочим, заметил, что он «уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским».

После выхода на военную службу у Лермонтова происходит внутренний перелом, возможно малозаметный в жизни, но явно видимый в его творчестве. Это совпало с тем, что именно в это же время русское мыслящее общество стал волновать целый комплекс новых философских идей, которые выражались в выражении и объяснении специфики исторической судьбы России. Вполне естественно, что это своеобразие русской культуры видели в противопоставлении как Западу, так и Востоку. Россия получала в этой типологии наименование Севера и сложно соотносилась с двумя первыми культурными типами, с одной стороны, противостоя им обоим, а с другой – выступая как Запад для Востока и Восток для Запада.

Попытка Лермонтова найти этот особый русский путь выразилась в создании «Песни про царя Ивана Васильевича». Юный поэт, вероятно, специально перенес в фольклорную старину столкновение двух героев, которых наделил особыми чертами. Общеизвестно, что

¹ Свиньин П. Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору... – С. 244-245.

одним из источников, вдохновивших Лермонтова на создание этого произведения, стала былина о Машрюке Темрюковиче из популярного в то время сборника Кириши Данилова. В опубликованном тексте поединку, который потом стал основным сюжетом и у Лермонтова, придан совершенно отчетливый характер столкновения русских бойцов с «татарами», под этим общим именем тогда в России, с одной стороны – существовал собирательный образ Востока, с другой – означал тюркоговорящих жителей Кавказа. Из записей Лермонтова мы знаем, что у него появляется замысел трагедии, посвященной Мстиславу Тмутараканскому. Видимо, Лермонтова занимала былина именно потому, что в основе её – поединок между русским богатырем и черкесом, – особенность, сюжетно сближающая ее с рядом замыслов Лермонтова. Фигура «...Любимова шурина / Машрюка Темрюковича, / Молодова черкашенина...» превратилась у Лермонтова в царского опричника Кирибеевича.

Но когда знакомимся с восточными мотивами в творчестве Лермонтова, то видим, что они несколько иные, чем у литераторов того времени. Почти для всех россиян Кавказ в те времена был неразрывно связан с Востоком, его культурой и историей, обычаями и языком. Тогдашние читатели с упоением зачитывались кавказскими повестями А. Марлинского (под этим псевдонимом скрывался декабрист А. Бестужев). Любое произведение о Кавказе, будь то повесть или стихотворение, перечитывалось, переписывалось и отправлялось друзьям и знакомым.

Лермонтов знакомится с бытом этого удивительного края очень рано, еще в детские годы, и это знакомство переходит в трепетную любовь на всю жизнь. От внимания наблюдательного мальчика ничто не ускользало. Мы не можем представить, какие мысли волновали его тогда и в течение последующих почти двух десятков лет его жизни, но точно можем утверждать, что воспоминания и размышления об увиденном остались на всю жизнь. Подтверждение этому – его практически автобиографическое творчество, поэмы: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Беглец», а позже «Мцыри» и «Демон». А сколько великолепных стихотворений о Кавказе и Востоке было им написано. Но что удивляет нас сейчас, так это этнографические и философские познания Лермонтова. Его тончайшее знание не просто быта и нравов жителей Кавказа, а понимание их менталитета.

В сказке «Ашик-Кериб» психологию Востока выражает Куршудбек словами: «...что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует». Если «Ашик-Кериб» имеет подзаголовок «Турецкая сказка», то стихотворение «Три пальмы» помечено Лермонтовым как «Восточное сказание». В этом стихотворении попытка возроптать против предназначения и просить «у Бога счастья» наказывается как преступление. Но ведь именно эта жажда личного счастья, индивидуальность, развитая до гипертрофии, составляла и составляет до сих пор

сущность человека Запада, его повседневную потребность. И здесь Восток с его ценностными ориентирами, высокая вера в Бога, явно стоят выше западноевропейского представления о бытии.

В 1837 г. за стихи, написанные на смерть Пушкина, Лермонтова ссылают на Кавказ. Перед отъездом из столицы, в письме к Святославу Раевскому, поэт писал: «Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес – Восток. Меня утешают словами Наполеона: «Великие имена создаются на Востоке».

Ему было всего 23 года, когда он вновь оказался на Кавказе, где вплотную столкнулся с горцами и культурой Востока. Лермонтов не только изездил весь Кавказ от Кизляра до Тамани, объехал все Закавказье, но и начал учить турецкий язык, «который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе». Мы понимаем, что Лермонтов учил тюркский язык, скорее всего – кумыкский.

Поэт уже хорошо знаком с нравами Востока и серьезно относится к исламу. А позже в одном из своих стихотворений Лермонтов напишет:

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?

Близкое знакомство с Кавказом вновь возвращает поэта к теме Востока. В стихотворении «Спор», всего в нескольких строфах Лермонтов охватывает тысячелетние эпохи разноплеменных культур и народов, которые проживали на огромном географическом пространстве от Кавказского хребта до Персидского залива и от Иранского плоскогорья до Гибралтара. В стихотворении и Колхида с ее сладостными винами и расшитыми тканями, персидская монархия, сменившая воинскую мощь и волю к мировому господству на прохладу и наслаждения, царственные могилы фараонов, бескрайние равнины Аравии, Сирии и Африки, где воинские подвиги бедуинов воспеваются в арабских сказаниях. Все эти цветистые образы, запечатлены в монологе «угрюмого Казбека».

Такие удивительно точные слова могли появиться у Лермонтова только под влиянием полученных знаний, и благодаря знакомству с достижениями тогдашнего российского востоковедения.

В последние два года жизни поэта интерес к Востоку приобрел новые очертания. Вторая ссылка, участие в военной экспедиции в Чечне в 1840 году под командованием генерала А. В. Галафеева. На этот раз военные походы приобретают для Лермонтова характер научных

экспедиций, они дают поэту обильный материал для творчества. Лермонтова начал серьезно интересоваться тип культуры Востока, характер человека – носителя этой культуры. Поэт еще больше обращает внимание на религиозную философию Востока. В стихотворении «Валерик», написанном в 1840 году, Лермонтов писал:

Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Невольно сблизили...

Повесть «Фаталист», включенная Лермонтовым в роман «Герой нашего времени», рассматривается обычно как монологическое изложение воззрений самого автора – его реплика в философской дискуссии тех лет. Повесть начинается с религиозно-философского спора. Сторонником фатализма выступает Вулич. Защищаемая им точка зрения характеризуется как «мусульманское поверье», и сам Вулич представлен человеком, связанным с Востоком. Ввести в повесть русского офицера-магометанина (хотя в принципе такая ситуация была возможна) означало бы создать нарочито-искусственную ситуацию. Но и то, что Вулич серб, выходец из земли, находившейся под властью турок, наделенный ясно выраженной восточной внешностью, – уже в этом отношении достаточно выразительно. Вулич – игрок. Азартные карточные игры: фараон, банк или штосс – это игры с упрощенными правилами, и они ставят выигрыш полностью в зависимость от случая. Это позволяло связывать вопросы выигрыша или проигрыша с «фортуной» – философией успеха и – шире – видеть в них как бы модель мира, в котором господствует случай.

Как и в философии случая, Рок карточной игры мог облачаться в сознании людей и в мистические одежды таинственного предназначения, и в рациональные формулы научного поиска. Воспринимал ли игрок себя как романтика, вступающего в поединок с Роком, бунтаря, возлагающего надежду на свою волю, или считал, что «судьба человека написана на небесах», как Вулич, в «Штосе» его противником фактически оказывался не банкومت или понтер, а Судьба, Случай, Рок, таинственная и скрытая от очей Причинность, т.е. как бы ее ни именовать, та же пружина, на которой вертится и весь мир.

Между тем, с точки зрения спора, завязывающего сюжет Фаталиста, Судьба и Случай – антонимы. Лермонтов подчеркивает, что и вера в Рок, и романтический волюнтаризм в равной мере не исключают личной храбрости, активности и энергии. Неподвижность и бессилие свойственны не какой-либо из этих идей, а их современному, вырожденному состоянию, когда слабость духа сделалась господствующей в

равной мере и на Западе и на Востоке.

Однако природа этих двух видов храбрости различна: одна покоится на сильно развитом чувстве личности, эгоцентризме и рационалистическом критицизме, другая – на влности человека в воинственную архаическую традицию, верности преданию и обычаю и отказу от личнокритического начала сознания. Именно на этой почве и происходит пари между Вуличем и Печориным, который выступает в этом споре как носитель критического мышления Запада. Печорин сразу же задает коренной вопрос: «...если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок?».

Поразительно, что в тот самый момент, когда Печорин заявляет: «Утверждаю, что нет предопределения», – он предсказывает Вуличу близкую смерть, основываясь на том, что «на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы».

И здесь западное «нет предопределения» и восточное «неизбежная судьба» почти сталкиваются на его языке. И если слова: «...видно было написано на небесах, что в эту ночь я не выплую», – звучат пародийно, то совсем серьезный смысл имеет утверждение Печорина, что он сам не знает, что в нем берет верх – критицизм западного человека или фатализм восточного: «..не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил».

И показательно, что именно здесь Печорин – единственный случай в романе! – не противопоставляется «простому человеку», а в чем-то с ним сближается. Интересна реплика есаула, который парадоксально связывает покорность судьбе с русским, а не с восточным сознанием: «Побойся Бога, ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; – ну уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь».

Мыслям Лермонтова о соотношении России с Западом и Востоком не суждено было отлиться в окончательные формы. Направление их приходится реконструировать, а это всегда связано с определенным риском. Общее же направление размышлений Лермонтова в эти годы можно охарактеризовать следующим образом: добро и зло, небо и земля, поэт и толпа, позже – герой печоринского типа и «простой человек». Запад и Восток и многие другие основополагающие пары понятий строились Лермонтовым как непримиримые, полярные.

В русской литературно-философской полемике 40-х годов XIX века оформляется антитеза Запад – Россия. Лермонтов занимает позицию, близкую к Пушкину и Грибоедову. Россия мыслится у него как нечто срединное между «старой» Европой и «старым» Востоком. И в этом срединном состоянии России Лермонтов видит тот культурный сплав, в котором должны слиться онегинско-печеринская, а в конечном счете – европейская жажда счастья и восточное стремление к «покою».

Адам ГУТОВ

ЕМУК

Как-то мы сидели у Заура в кабинете и, что случалось нечасто, беседовали просто так, ни о чем. Между другими темами заговорили и о нашем языке, на котором, увы, свободно говорит все меньше людей. Однако разговор шел не о его печальной судьбе и не о перипетиях современной глобализации, а о том, что в жизни иногда случаются курьезы: вдруг где-нибудь вдали от родных мест, там, где такого совсем не ожидаешь, услышишь родную речь. А то прямо в центре Москвы, среди людского моря тебя окликнет по имени твой сосед из далекого родного селения – такое ведь тоже бывает.

Тут Заур вспомнил о том, как много лет назад в одну из командировок в Москву он оказался в гостиничном номере с одним пожилым, но достаточно бодрым человеком. Гостиничные знакомства происходят довольно легко, и, как обычно случалось в старые времена у командировочных, в урочное время соседи сели вместе перекусить тем, что перед отъездом взяли с собой в дорогу. А поскольку в дорогу принято брать не только водичку и пирожки или наши лакумы, а кое-что еще, – слово за слово, знакомство начало крепнуть.

Сосед оказался человеком открытым и словоохотливым, приятным в разговоре, – рассказывал Заур. – Он был из тех по-настоящему интеллигентных русских людей, с которыми без труда находишь общий язык и рядом с ними не ощущаешь себя стесненным. Большое застолье – это тосты и доля артистизма, а когда вдвоем, это располагает к откровенному разговору. Завязалась беседа, и, что совсем естественно, в определенный момент он меня спросил:

– Ты с Кавказа, но это же, как у вас говорят, гора языков. Какой же ты национальности?

– Я кабардинец.

При этих словах мой собеседник вскинул брови, внимательнее посмотрел на меня и с каким-то задором вдруг возразил:

– Нет, ты не кабардинец!

– Почему это я не кабардинец? – обиделся я.

– А потому, что если ты кабардинец, ты мне объяснишь значение слова «емук».

Я усмехнулся в усы: надо же, сам уральский, а вот где-то услышал кабардинское слово, причем такое трудное для перевода, и решил надо мной посмеяться. Не на того напал. Тоже мне нашелся – знаток языков. Все же попытался деликатно растолковать:

– Видите ли, это такой случай, когда на русский слово в слово не перевести. Нет в русском языке такого выражения. Кто вам его сказал? Наверное, мои земляки и по Уралу гуляют, или вы сами бывали в наших краях?

– Это неважно. А ты мне все же разъясни, что оно означает, хотя бы своими словами.

– Приблизительно так: «неприлично», «некрасиво», «неудобно». Сделать емук – значит совершить что-то не очень достойное, не делающее чести, опозориться, может быть. В нашем языке этим словом часто оценивают поведение человека.

– Вот-вот, – прервал меня мой собеседник, – *поведение человека*. Он говорил примерно то же самое. Только вместо русского языка у него был какой-то винегрет, и я его почти не понимал. Почитай, одно это слово только и запомнил.

– Кто это «он»?

Сосед осекся, немного помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли размышляя о том, стоит ли доверяться случайному встречному, почти незнакомому человеку, но, наконец, будто решившись, начал рассказывать:

– Было такое. Под Сталинградом, в сорок втором. Имя у него какое-то странное было – Паго. А фамилии не помню. «Емук» – это был его принцип. Я ему говорил: «Пригнись, стреляют!», а он на это отвечал: «Емук». Видишь ли, не мог он склоняться под пулями, гордость не позволяла. И, что интересно, не брала его пуля. – Собеседник сделал паузу и добавил: – До поры не брала... И повернуться спиной в сторону немцев для него «емук», показывать слабость и даже небритым ходить тоже «емук». Как бы нам тяжело ни было, в каких бы мы переделках ни бывали, он считал обязательным, всегда выглядеть достойно и в делах, и внешне: чтобы все у него было в полном порядке – оружие чтобы сверкало, одежда была чистой и опрятной, окоп и тот прибирал, как жилище. Притом не напоказ. А не то будет «емук». Однажды во время вылазки сильно ранило нашего старшину. Так он его из-под такого огня вынес – силы небесные, как они только живыми остались! Как же – оставить товарища, даже не раненого, а тело убитого, – «емук». А когда его все же зацепило шальной пулей, он посчитал, что бегать из-за этого с передовой на перевязку будет «ба-альшой емук». Так же было во всем: когда к нам доставляли еду с полевой кухни, и когда надо было делить последний сухарь, и когда воды оставалось каждому по глотку. Тут он всегда был последним. Ни в чем себе поблажки не позволял, только самое малое и самое необходимое. По его понятиям,

остальное все – «емук»!

Мой сосед снова на время замолчал, собираясь с мыслями, а затем продолжил – глухим голосом, уже без прежнего задора:

– Случилось это уже поздней осенью: немец с такой яростью наседал, что видно было – не удержим позицию, и сами зря погибнем, и фрицам дорогу откроем нашим в тыл. Уж лучше отходить. Но он твердо сказал: «Наша бежать – емук». И тот же самый старшина, которого он вытащил из-под огня, оставил его прикрывать наш отход. Он не отступил и не пропустил фрицев... пока был живой. Держался до последнего. Благодаря ему мы тогда в живых и остались. Отступили порядком, заняли новую позицию, закрепились, а там и свежие силы подоспели. Он же насмерть стоял, потому как «бежать – емук!». Нашли мы его тело уже на следующий день, когда в наступление пошли. Не тело – одни клочки. Сейчас и не сыщешь, в каком месте его схоронили.

Вот такой был человек этот ваш Паго-Емук. Мне повезло: я всю войну прошел, много всякого перевидел, и вот ведь до сих пор живу. Никак не вспомню его фамилии. А вот слово его любимое и он сам в памяти моей – на всю жизнь. И в самые тяжелые часы на войне я чаще других вспоминал его. «Емук» – это, по его мнению, все дурное, недостойное человека, это все, что прилипает к нему, как грязь. Это бояться, врать, бежать, жить для одного себя. А вот жизнь свою положить – не емук. Понимаешь, он будто не погиб тогда в том бою. В меня вселился, что ли, со своим этим принципом. Он потом всю войну меня оберегал. Не просто выжить помогал, а сохранить святое в себе. Человек – он что – две руки и две ноги? Нет, это достоинство. А ты говоришь – кабардинец. Вот он был кабардинец – это да. Светлая ему память! Может, я один и остался, кто помнит о нем...

Как-то получилось, что после такого разговора у нас с этим интересным человеком не нашлось времени обменяться адресами. Каждый в столице был занят своими делами, всё надеялись, что успеется. Да и сам я тогда не придал его рассказу такого значения, которое увидел в нем позднее. Думаю, что только чистый и благородный человек может хранить в своей памяти такие случаи из жизни. Произошли они в совсем не светлые времена, к тому же, герой погиб. Но рассказ все же светлый. Да, этот Паго – всего лишь один из многих миллионов. И рассказал такой же – один из миллионов. Сколько таких было, и кто их нынче помнит? В какие документы можно занести то, что рассказал мне этот мой случайный встречный? Но ведь пронес он это через годы, считай – через всю жизнь. И мне рассказал. А еще потому истории эти светлые, что только чистый духом человек из всего, что с ним случается в этом мире, в памяти сохраняет вот такие светлые образы. Значит, и сам он такой же. Плохой человек забыл бы. Или помнил бы какие-то нелепости, которые непременно замечают обыватели. Родственные это были души. Хотя один и был русский с Урала, другой – кабардинец с Кавказа. Теперь-

то я понимаю, почему он колебался прежде, чем рассказать мне про «емук». Он носил это в себе как самое сокровенное. И не каждому встречному мог довериться, только такому, кого можно признать за своего. Мне – доверился, и я ему за это благодарен. Такая история.

– Это же готовый рассказ! – почти воскликнул я. – Тут особо ничего и придумывать не надо, всё есть. Вы же сами профессиональный писатель, и почему бы Вам просто не записать то, что сейчас рассказали?

Заур грустно улыбнулся в усы:

– Я пробовал. Не получается. В том-то все и дело, что ничего добавлять не надо. Видишь ли, сюжет слишком удачный – ну никакого противодействия, ни прибавить, ни убавить. А в творчестве материал должен как-то сопротивляться, чтобы искра была. Не смог я сделать из этой истории ничего художественного. Вот парадокс: сюжет готовый, сам просится на бумагу, а никак на нее не ложится. Бывает же такое. Материал оказался сильнее меня. Он у меня всю фантазию забирает, не дает мне свободы. А просто так записать услышанное, послушно идти за информацией – это не творчество. И забыть не могу. Жалко терять. Но ничего не поделаешь... Не писательский это материал, наверное.

Конечно же, его «ничего не получается» было намного выразительнее того, как я здесь это пересказал. Но я все же решил. Материал был уж слишком удачный – жалко было терять.

Рассказал мне это Заур много лет назад. Уж года три, как мы похоронили его. Наверное, уже нет в живых и самого того рассказчика-уральца, который считал, что в него вселилась душа верного боевого товарища. И больше некому рассказать про то, что старый солдат пронес через всю свою жизнь. А мы всечасно заняты одними своими заботами.

Такая история. Как я мог, так ее и рассказал. Одно успокаивает – это лучше, чем совсем потерять.

Магомед КУЧИНАЕВ

ДОРОГА

Главы из повести

...Вскоре добрались до первого коша, где должна была расположиться группа Заубатыра из Ольмезовых. Все остановились.

– Васо Илларионович, первая группа остановится здесь, – сказал Добровольский. – Вторая группа – примерно за километр-полтора отсюда, третья, четвертая – тоже так. Здесь, пока не упрямся в скалы, строить дорогу будет легче. До зимы надо обязательно дойти до Красных скал. К этому же времени следует завершить и строительство мостов до входа в ущелье.

– Все еще не нашелся человек, который взялся бы за мосты, Васо Илларионович? – спросил Исмаил.

Конечно же, об этом следовало спросить Эрбелиани у Исмаила, старшины Балкарского общества, строящего дорогу, а не наоборот. Вот почему и Пятковский и Добровольский, да и другие, что были рядом и понимали по-русски, были очень удивлены бестактностью Исмаила и с беспокойством ожидали, что начальник округа не выдержит и проявит свой гнев. Но Эрбелиани, словно забота о мостах действительно лежала на нем, а не на Исмаиле, ответил:

– Нашел я одного коммерсанта, но еще ничего определенного сказать нельзя, – он обещал зайти ко мне только послезавтра. Если договоримся о цене – считай, что человек нашелся.

– Об этом надо спросить у сведущих людей – я и представления не имею о том, во сколько может обойтись строительство моста.

– А сколько всего надо построить мостов?

– До входа в ущелье два – через Черек Хуламский у Бабугента и через Черек Балкарский у озера Чирик-кель. В ущелье, у Водной балки – три. Да и в самой Большой Балкарии не менее двух – в верхней части у селения Кюнньюм и хотя бы в середине, у селения Мухол. Итого получается пять мостов. Если хватит средств, а если нет, то придется в самой Большой Балкарии построить лишь один мост у Мухола, посредине.

– Да, денег понадобится немало. Любомир Карлович, во сколько же все-таки обойдется один мост?

– Думаю, менее чем за пять-шесть тысяч навряд ли кто за это возьмется, Васо Илларионович.

– Значит, 25-30 тысяч рублей. Найдете ли столько денег?

– Если и найдем, то не так легко. Народ совсем разорится, – глубоко вздохнув, ответил Исмаил. – Но раз начали, надо довести дело до конца. Разделял-разделял тушу вола, говорят, а на хвосте нож поломал. Так нельзя – раз дорогу построим, то без мостов не обойтись. Надо строить.

Хотя разговор шел на русском, Эрбелиани все же не сумел уловить

смысл балкарской поговорки и не мог взять в толк, при чем здесь хвост и нож, но понял одно – общество намерено довести начатое дело до конца. Понять-то понял, но никак не мог сообразить – откуда же общество, которое и налоги-то исправно платить не в силах, найдет столько денег?

Пока Исмаил беседовал с гостями, джигиты из группы Заубатыра быстренько уложили свой груз внутри двух небольших домиков и приготовились приступить к работе.

– Разрешите начать, Васо Илларионович, – обратился к Эрбелиани Добровольский, заметив готовность джигитов.

– С этим уж, Любомир Карлович, обращайтесь к старшине общества – здесь он хозяин, – ответил Эрбелиани, жестом руки указывая в сторону Исмаила.

– Хорошо, Любомир Карлович, давайте начинать, – сказал Исмаил. Потом обратился к Эрбелиани: – По обычаям нашего народа, честь начинать такое важное дело достается самым почетным людям, а сегодня у нас самым уважаемым являетесь вы, а потому – прошу взять в руки кирку!

– Посмотрите на него – под разными предложениями хочет заставить меня работать, а сам, ухмыляясь, будет смотреть со стороны! – смеясь, сказал Эрбелиани. – А потом будет повсюду ходить и хвастать тем, как заставил работать на себя грузинского князя! Ты стоишь во главе общества – тебе первым и брать в руки кирку!

– Хорошо, хорошо! Раз так – начнем все вместе, – ответил, рассмеявшись, Исмаил. – Показывайте, Любомир Карлович, где нам начинать и что делать. Заубатыр, дай-ка и нам, и гостям что-нибудь в руки.

Любомир Карлович встал на бугорок и сказал:

– Вот отсюда можно и начинать, холмик этот снести, а грунт перебросить на более низкие места.

Джигиты принесли и дали всем лопаты и кирки. Гостям и Исмаилу достались кирки, а Крым, Василий, Заубатыр и Алий взяли лопаты.

– Бисмилляхий, огъурлу сагатда башланиган иш болсун! – по-балкарски сказал Исмаил, а потом, обращаясь к гостям, добавил: – Начнем, господа, в добрый час! – и с этим, размахнувшись, вогнал острие кирки в землю.

Не обращая внимания на подымающуюся пыль, Исмаил и почетные гости минуты два-три работали, не переставая, разрушая холмик.

– Погодите, Исмаил, откинем землю, – попросил Заубатыр, когда разрыхленного грунта набралось достаточно.

Вытирая слегка вспотевшие лица, Исмаил и его товарищи отошли в сторону.

– Ура, господа! – не сдержавшись, вдруг крикнул Эрбелиани.

– Ура! Ура! Ура! – закричали все.

Когда Заубатыр и его джигиты перебросили грунт, начальник округа кратким словом поздравил жителей Большой Балкарии с началом работ по строительству новой дороги.

– Сегодня Балкарское общество начало очень важное дело, – сказал он. – Мы знаем, дело, за которое взялись вы – трудное, требует много сил и средств, требует терпения и трудолюбия. Но дело это – хорошее, доброе.

Сегодня здесь среди вас есть и русский, и грузин. А кто знает, может, и это неспроста? Правда, взрыхлив две-три лопаты земли и перебросив ее на другое место, мы вам оказали не такую уж большую помощь. Но мне хотелось, чтобы вы посчитали это как знак уважительного, доброго отношения народов – ваших соседей, к начатому вами делу. И со стороны государства, надеюсь, вам будет оказана помощь. Порох вам дали бесплатно. Понадобится – дадут еще. Если появится возможность еще чем-то помочь – поможем. А потому – не теряйтесь, беритесь за дело смело и работайте упорно, без усталости! Я верю – как бы вам ни было сегодня тяжело, потом об этом сожалеть не будете. Уверен – эта дорога позволит вам не только с гораздо меньшими трудностями привозить сюда зерно, ткани, соль и керосин, а даст вам возможность лучше познать и радость знаний, и чувство братской дружбы других народов, и отеческое тепло великой России. А это – прекрасно! Да будет вам в радость ваш нелегкий труд!

Когда Исмаил перевел на балкарские напутственные слова начальника округа, все одобрительно зааплодировали. С разных сторон раздались голоса:

- Спасибо! Дай Аллах тебе здоровья!
- Ты тоже да возрадуешься от своей работы!
- Да благословит Аллах и твои дела!

Добровольский, Алий из Мисировых и Заубатыр из Ольмезовых, провожая почетных гостей, Исмаила, Крыма и Василия, немного прошли с ними.

– Любомир Карлович, вы, наверное, собираетесь здесь заночевать? – спросил Исмаил, останавливаясь в знак того, что далее провожать не надо.

– Да. Надо рассказать и показать всем четырём группам, что и как делать.

- А завтра спуститесь, наверное, вниз?
- Да, конечно.
- Если вы не против, выедем вместе. Мы тоже завтра собираемся.
- С удовольствием составлю вам компанию. У меня одна просьба, Исмаил Наурузович, вы уж извините! Не могли бы вы завтра взять с собой Алия Ахматовича? Дело-то молодое, как бы не проспал.

Алий покраснел, а Исмаил рассмеялся.

– Не беспокойтесь, Любомир Карлович, – Алий не из таких джигитов, – ответил он.

Эрбелиани, Пятковский, Исмаил, Крым и Василий, никуда не заходя, поехали прямо в правление. Васо Илларионович, утвердив старшиной Балкарского общества Крыма, намеревался завтра же увезти с собой и Исмаила.

Когда церемония передачи дел и имущества правления была закончена, Исмаил сдал Крыму и общественные деньги, собранные на строительство дороги. Бумагу, где было записано все: и сколько собрано денег и средств, и сколько куда израсходовано, и сколько всего осталось, заверили печатью правления и тремя подписями – начальника Горского участка Пятковского, Исмаила и Крыма.

– Очень плохо, что за этот год не собрано ни копейки по налогам, –

сказал Пятковский, когда все дела были улажены. – Исмаил Наурузович, как вы могли на это не обратить внимания? Я не ожидал от вас такого отношения к службе.

– Я предполагал, что и вы, Петр Иванович, в курсе дела. Васо Илларионович написал прошение начальнику Терской области Арбатову, где сообщил о больших предстоящих затратах Балкарского общества на строительство дороги и просил в связи с этим освободить жителей Большой Балкарии от налогов на два-три года. Сейчас ждем ответа на это прошение, – ответил Исмаил.

– Петр Иванович,ждемся ответа, а потом решим, что делать, – сказал Эрбелиани. – Господин Арбатов одобрил мое прошение и направил его в Тифлис, на имя господина наместника на Кавказе, прося соизволения удовлетворить ходатайство Балкарского общества. А оттуда, видимо, отправили в Петербург. Подождем некоторое время. Сами видите, жители общества несут большие расходы.

Хотя Пятковский и был уязвлен тем, что его, начальника Горского участка, кому непосредственно подчинено и Балкарское общество, никто даже не удосужился уведомить об этом, но промолчал – начальству ведь не укажешь, где и как ему следует поступать.

– Лишь бы потом скандал не вышел, – сказал он. – Освободить от налогов на два-три года целое общество – возможно ли такое?

– Посмотрим, посмотрим, что получится. А до того, Петр Иванович, вы на Балкарское общество особо не наседайте, и на нового старшину тоже.

– Хорошо, Васо Илларионович, коли вы приказываете...

– Поехали к нам, господа, дома всех вас ждут, – сказал Крым, заметив, что Эрбелиани сдерживает коня у ворот Аланбиевых, когда доехали до селения Кюнньюм.

– Спасибо большое, Крым Хаждаутович, но я дал слово князю Наурузу, что сегодня буду его гостем, – ответил Эрбелиани.

– Коли так, отговаривать вас не смею. Но вы, Петр Иванович, будьте моим гостем, а то я могу и обидеться, – настаивал Крым.

Пятковский в нерешительности глянул на Эрбелиани.

– Я не против. Заодно и о делах поговорите. А князю Наурузу я сообщу, что вы, Крым Хаждаутович, насильно увели с собой моего спутника, – сказал Эрбелиани.

– Я, если вас не стесню, – начал было Пятковский, стараясь скрыть досаду, оттого что Эрбелиани, не оставляя его с собой, несколько унижает его достоинство.

– Какая там теснота, Петр Иванович! Да избавит нас всех Аллах от такой жизни, когда мы не сможем и в гости принять уважаемых людей, – перебил его Крым.

– Вы, Крым Хаждаутович, конечно, поступаете нехорошо, отнимая у меня моего гостя, но ежели сам Петр Иванович так желает – что я могу поделаться? – сказал для приличия Исмаил. Уж он-то знал, что у Васо Илларионовича с Пятковским не очень-то дружеские отношения.

– Ну, погоди – я тебя еще проучу! – погрозил вслед Пятковскому Эрбелиани, когда тот вслед за Крымом удалился на приличное расстояние. – Я ему просто так, формы ради, предложил: «Поедем в Большую

Балкарию, там дорогу начинают», – а он возьми да и прицепись! Что за человек – слова, сказанные ради элементарной вежливости, просто так, не может отличить от искренних слов!

– У нас есть поговорка: «Змея не любила мяту, а та шла и прорастала у ее норы». Так и у вас получилось. Васо, почему ты его так не любишь?

– Откуда мне знать? Наверное, потому, что нет у него ни горячей, как у всех, крови, нет души, нет понимания простых вещей. А потом... сам поймешь. Вам придется немного поработать вместе, пока я его не выгоню отсюда. Помнишь, кого мы на войне называли штабными крысами? Вот он и есть штабная крыса в мирное время. Закон, инструкция, обязанность – и больше ничего нет! Жизнь, человек, мораль и обычаи, честь и порядочность – все это для него не существует. Как же тогда его любить? Погоди, вот вырвусь в Тифлис, мигом отсюда исчезнет! Слышал о графе Льве Васильевиче Панаеве, помощнике заместника по гражданским делам? Мне только встретиться с ним – и больше ничего не надо.

– Оставим его. Давай лучше о самих себе поговорим. Как тебе наши места нравятся?

– Все здесь расчудесно! Наверное, более красивого места и нет на свете... кроме Грузии родной! – театрално воскликнул Васо Илларионович в шутку, обнимая Исмаила за плечи.

Оба рассмеялись.

Все четыре группы, посланные работать со стороны озера Чирик-кель, были в основном сформированы из молодых неженатых джигитов. Еще на сходе было обговорено, что старших, семейных мужчин, как правило, следует посылать на те участки дороги, которые расположены поближе к селениям, то есть на верхние участки.

Группе Ахии из Джанибековых достался самый верхний трудный отрезок дороги – с центром у Мокрой Балки – вверх до родника перед самыми Красными Скалами и вниз – до скалы Белый Камень. Кош группы расположился на крохотной, в несколько квадратных саженей, долине ручейка, что течет по дну Мокрой балки. На верхних участках дорога будет проходить хоть и по сильно пересеченной, но все-таки открытой местности, значит, и прокладывать ее здесь будет гораздо легче. А на нижних участках отрезок дороги от озера Чирик-кель и до самых Красных Скал должен пройти, почти на каждом шагу разрывая горные выступы, и требуя, естественно, больше труда, больше людей. Поэтому если там, на верхнем отрезке дороги, группы расположились на довольно приличном расстоянии друг от друга, то здесь, внизу, от одного коша до другого не так уже и далеко – не более километра. Ниже находится кош джигитов, которых возглавляет Масхут из Мусуковых, еще ниже – кош группы Гитче из Кадыровых, а в самом низу ущелья, у воды, расположился последний кош – здесь первыми хозяевами стали джигиты во главе с Курманом из Кюйгеновых.

Любомир Карлович и Алий из Мисировых поочередно побывали во всех трех нижних кошах, подробно рассказали, что и как надо делать и поднялись, наконец, к кошу группы Ахии из Джанибековых. К этому

времени даже сюда, в потайной уголок среди гор, прорвались лучи солнца – время приближалось к полудню.

А здесь, оказывается, джигиты не сидели без дела, дожидаясь Добровольского. Любомир Карлович был приятно удивлен, когда увидел выровненную на несколько саженей землю по обе стороны от Мокрой Балки.

– Ого! Да вы, я вижу, настоящие молодцы! – похвалил он джигитов. – Это хорошо, что вы сразу же приступили к работе, не дожидаясь нас. – Но, увидев как один из рабочих, Асхат из Таукуновых, отнес и сбросил вниз большой плоский камень, видно, отломанный из выступа горы, где сейчас и кипела работа, спросил: – Вы что – и такие камни выбрасываете?

– А что же с ними еще делать? – удивился Ахия.

– Вот такие, плоские камни потом нам будут очень нужны. Не во всех местах с гористой стороны крепкие скалы, попадают участки и с рыхлым грунтом. Вот в таких-то местах мы должны будем укрепить бока дороги каменными стенами, чтобы не было оползней во время дождей. Понятно?

– Понятно. Но как же нам сейчас таскать их в такие места?

– А сейчас никуда их и не надо таскать. Вы складывайте их в стороне, на готовых участках дороги. Потом, когда весь этот нижний участок дороги будет уже проложен, мы перевезем их туда, где они и будут нужны. Ниже вас таких мест будет немало. К тому же, не надо тратить зря много сил и времени, стараясь ломками и кувалдами разбивать вот такие горные выступы. Лучше и быстрее это сделать взрывом. Не надо жалеть порох, он для этого и доставлен сюда, чтобы облегчить вам работу. Но учтите – без Андрея чтоб никто из вас и близко не подходил к пороху! Понятно?

– Понятно, конечно.

– Вот и хорошо. Ширина дороги, даже в самых неудобных, трудных местах, не должна быть меньше трех саженей. А так, если есть возможность, – пусть будет в четыре-пять саженей. Если с гористой стороны, как я уже говорил, не твердая порода, не скала, если есть опасения, что она будет смываться дождями, то следует эту сторону дороги укрепить каменной стеной. Толщина стены должна быть не менее одного аршина, а там, где стена будет довольно высокой, можно и пошире. Первые камни стены надо укладывать в канавку глубиной в четверть. Стена должна быть несколько наклонена в гористую сторону. И ни в коем случае не оставляйте пустоты между стенками – по ходу кладки стены заполняйте образующиеся пустоты щебнем, камнями, просто грунтом.

– Об этом-то мы знаем, – сказал Ахия.

– Тогда совсем уже хорошо! – улыбнулся Любомир Карлович. – Так. Что еще? Все, кажется. Можно продолжить работу.

Когда Алий перевел последние слова Любомира Карловича, джигиты вновь принялись за дело. И вновь над ущельем зазвучали, сливаясь воедино, глухие удары ломов о скальные камни, позвякивание лопат, смех и хохот охочих до шуток и розыгрышей джигитов. Пыль и запах гари от высекаемых искр во время ударов железом по камню распространились по воздуху.

– Идемте, Алий, в кош, с утра, наверное, ходите голодные.

– Да что ты, Ахия, – в коше Курмана мы очень даже плотно поели.

Немного поглядев, как работают джигиты, Алий обратился к Ахие:

– Слушай, а не тесно здесь всем вам? Может, послать половину группы наверх, к роднику – они оттуда шли бы вниз, навстречу вам, а?

– У меня тоже, между прочим, была такая мысль. Да знаешь, ведь и пробраться-то туда не так легко. А потом, там, где мало людей, как-то не очень весело работается, мало шуток, смеха. И тогда решил – нет уж, лучше вместе. А если вдруг станет тесно – будем чаще сменять друг друга, быстрее работать. Один-то человек с утра до вечера ведь все равно не работает во всю силу, непрерывно.

Да, конечно, Ахия был прав. Горец не любит тоску, скуку. Ему лучше работается, когда вместе с ним больше товарищей, друзей. Ведь известно – любую большую, трудоемкую работу никогда горец один сам не делает. Дом ли строит, овец ли стрижет, ячмень ли жнет – все это он делает вместе с родней, с друзьями, с односельчанами. Не сыскать ни одного горца, который бы не был в изеу, где он таскал бревна во время постройки дома, шутя и смеясь. А коль был бы один, к такому бревну и близко, наверное, не подошел бы. Богат он или нет, князь ли, кул – значения не имеет. Самая трудная, самая большая работа становится легкой, маленькой, если за нее дружно берутся все. И что интересно – человек во время изеуа работает в поте лица день-деньской и не чувствует себя ни усталым, ни разбитым. С чего бы? Что придает ему силу – смех и шутка во время работы или же есть таинственное, чудодейственное лекарство в совместном труде?

И вот сегодня тоже изеу, изеу, на который пришли люди не с одной только улицы, не из одного села, а со всей Большой Балкарии. Да и работа сама – не дело одного человека, одной семьи, как обычно бывает, а дело всех, всего жамауата. А это прекрасно вдвойне. Вот почему джигиты с таким нетерпением ждали этого дня, когда они выйдут на строительство дороги, словно не тяжелая работа там их ждала, а той – пир и танцы на всю неделю. Если посмотреть на лица джигитов, не обращая внимания на кирки, лопаты, ломы и молоты в их руках, то действительно можно подумать, что так и есть, они на тое – на каком-то пиру или на свадьбе: кругом шутки и смех, розыгрыши и подковырки, прямо-таки счастливые, сияющие лица!

– Алан, что ты, как чесоточная овца, постоянно трешь о мои ноги – можешь хоть немного отойти в сторонку?

– Да чтоб тебя съела проказная чесотка – отойди сам, если тебе надо!

– Вы посмотрите на него! В ямки бросай землю, в ямки, а не в мои глаза!

– А ты делом занимайся, и не подсовывай свои глаза под мою лопату!

– Тейри, мой дорогой камушек, зря ты так упираешься, если даже и лопнешь, упираясь, но убираться с дороги тебе придется все равно.

– Смотри, как бы ты сам не лопнул!

– А кто это там пищит? Откуда здесь мыши взялись?

– Да чтоб тебя мыши сгрызли! Ты же сам – как мышь, кувалду еле поднимаешь – какой же камень тебя испугается?

Вот так и работают, шутя, смеясь – и ни усталость, ни скуку не подпустят к себе...

– Любомир Карлович, мы побывали во всех кошах, все объяснили, показали. Может быть, заночуем здесь?

– Если пустят, можно и заночевать. А заодно посмотрим, как они могут пользоваться порохом.

На берегу ручья, чуть выше, куда не поднималась пыль, Любомир Карлович снял китель, а Алий – кафтан, затем оба присоединились к джигитам, работавшим у выступа скалы выше Мокрой Балки.

– Андрей, иди-ка сюда. Посмотрим, что здесь можно сделать с помощью пороха, – сказал Добровольский.

– Сейчас, Любомир Карлович, прихвачу инструменты.

Вскоре Андрей принес большую брезентовую сумку, вытащил оттуда молот и несколько железных штырей. Потом внимательно оглядел выступ скалы, нашел нужное место и начал работу – придерживая левой рукой штырь и постоянно его вращая, он стал быстро-быстро бить по нему молотком. Прошло совсем немного времени, и штырь углубился в скалу почти на два пальца. Все столпились вокруг Андрея и, восхищаясь мастерством и ловкостью русского парня, негромко переговаривались

– Ничего себе! Дырявит, как мышь головку сыра!

– Спорим, Ахия, ты не сможешь этот железный гвоздь так быстро поворачивать?

– Не очень-то боится попасть по руке.

– Чего ему бояться? Он же не такой тупой, как ты.

– Как-никак, русский ведь – они же на все способны.

– Ой-ой-ой! Подумаешь, какое великое мастерство здесь нужно – бить молотком по железному гвоздю! Да кто этого не сможет?

– А ты попробуй!

– И попробую!

– Хитрый какой! Хочешь ударить по руке, чтоб не работать!

– Отодвиньтесь немного, не мешайте!

– Сагид, убери свой нос, а то, не дай Аллах, заденет молотком, он у тебя из горбатого мигом плоским станет, – сказал Сагиду из Омаровых, стоявшему прямо за спиной Андрея, Асхат из Таукуеновых.

– Каким бы ни стал, не будет хуже твоего, похожего на мороженую картошку, – ответил Сагид, все же немного отступая.

– Алий, скажи – пусть даст мне попробовать, – попросил Ахия.

Прежде чем передать инструменты Ахие, Андрей, медленно повторяя движения, показал, как следует работать. Ахия взял в руки молот и штырь. И сразу же понял, что это не такая уж бесхитростная работенка, как кажется со стороны. Никак не удавалось, чтоб все происходило одновременно, без остановки, как у Андрея – и чтоб штырь после удара сразу же повернулся, расчищая себе путь, и вновь выпрямился, и чтоб правая рука не ждала, когда левая все это проделает, да чтоб следующий удар пришелся не по руке, а опять по штырю. Удивительно, но даже с такой, казалось бы, мелочной работой, непривычные к этому руки справиться не могли. И поэтому между ударами проходила уйма времени. А когда Ахия постарался все-таки ускорить движения, штырь вырвался из его рук и со звоном упал на землю.

– Да оставь ты, бедный! Джанибековым ничего более не дано знать и уметь, кроме как пасти овец. Дай-ка сюда! – сказал Канамат – младший

сын Мустафы из Карчаевых, подбирая с земли штырь и беря молот из рук Ахии.

– И ты бы с радостью пас овец, если б они у тебя были, – огрызнулся Ахия, раздосадованный неудачей.

– Карчаевская гордыня разве оставит человека в покое! Вот увидите, как он сейчас ударит себя по руке! – сказал Азрет из Темиркановых, ровесник Канамата, но более рослый, чем тот.

Азрет отчасти был прав – Карчаевы, все, как на подбор, сухощавые, невысокого роста, всегда отличались задиристостью, бесшабашностью, они вечно над всеми подшучивали, хотя, казалось бы, особых-то оснований для этого и нет: род этот не отличался ни богатством, ни известными всему жамауату мудрецами или учеными людьми.

И, конечно же, не Канамату из Карчаевых подшучивать над Ахией из Джанибековых, потому-то и ответил он Канамату резковато, напомнив об отсутствии овец. Но для человека из рода Карчаевых, получающих еще не такие уколы в ответ на свои грубоватые шуточки, слова Ахии были вовсе безобидными. Вот и сейчас, нисколько не обидевшись, он с ухмылкой сказал:

– Оллахий, если б у меня были чабыры из Темиркановской гордыни, они тоже не скоро бы износились.

– Давай, давай! Не говори – делай. Посмотрим, на что ты способен.

– Посмотри, посмотри – кое-чему, быть может, и научишься, – с тем КанаMAT приступил к делу.

И вправду – он действовал быстрее Ахии. И тут же, конечно, не преминул этим похвастаться:

– Ну – видите, как работает джигит!

Окрыленный успехом, КанаMAT зашевелился быстрее, но тотчас же со звоном упали на землю и штырь, и молоток, а сам он раза два тряхнув левой рукой, словно таким образом собирався избавиться от боли, хватился за большой палец.

– Во-во! Иначе ты не остановился бы.

– Если б одним трепыханием можно было стать мастером, то...

– Сильно ушиб? – забеспокоился Алий, беря руку Канамата.

– Чепуха! – бодро ответил КанаMAT. И, вытянув руку, шевельнул пальцами. – Кость цела – остальное ерунда. Просто больно. Пройдет.

– Теперь причина есть – можешь и не работать, иди в кош и валяйся там, – сказал Азамат.

– Я – не ты, – незлобно ответил КанаMAT.

После того как опозорился КанаMAT, никто более не осмелился братья за эту работу, и пришлось Андрею самому делать дырку в скале. Джигиты разошлись по своим местам, и вновь все пошло по-прежнему: зазвенели лопаты, застучали ломы, высекая искры из камней, замелькали в воздухе кирки. День был жарким, и вскоре все джигиты оказались раздетыми по пояс. А когда снял рубашку и Азрет из Темиркановых, поднялась новая волна шуток и смеха.

– Черт тебя побери – надень хоть нижнюю рубашку, а то перепугаешь народ.

– Алан, Азрет, говорят у вас, в Чегет-эле, был такой случай – медведь унес какую-то женщину в горы, а нашли ее вроде бы только через три

дня. И якобы никакого вреда ей медведь не причинил. Видать, хотел, чтобы она была с ним вместо медведицы. Случайно, эта бедная женщина не твоей матерью была?

– Тейри, в нем какая-то смесь все-таки есть. Не может же нормальное человеческое дитя быть вот таким!

Вскоре Андрей принес из специального складика, устроенного в стороне от коша, порох. И желобки из прутьев, которые он вчера, ко всеобщему удивлению, выскабливал. Все обступили Андрея. А он насыпал порох в дырку в скале, уплотняя его короткой толстой палочкой. Потом насыпал пороху в желобок и вставил его в отверстие, там, чтобы конец уткнулся в уплотненный порох. И лишь теперь он с удивлением заметил, что вокруг него сгрудились джигиты. И тут же что-то сказал Алию.

– Кроме меня, говорит, чтоб здесь никого не было. Идемте, – сказал Алий, сам первым направляясь в сторону коша.

У выступа скалы остались только Андрей и Добровольский. Джигиты с любопытством наблюдали за ними, собравшись у коша.

– Затыкает отверстия в скале, – сказал Азрет.

Никто ничего не сказал. Добровольский подошел к кошу, огляделся вокруг, потом по балке поднялся немного наверх и сказал Алию:

– Скажи ребятам – пусть поднимутся сюда.

Все поднялись к тому месту, где стоял Добровольский.

– Чтоб отсюда никто никуда не уходил – сейчас будем взрывать! – приказал Добровольский и вернулся назад, к Андрею. Джигитам казалось, что они ждут уже вечность. Наконец, показались Добровольский и Андрей, бежавшие к ним. Они еле успели добежать до джигитов, как раздался взрыв.

– Оставляйтесь здесь! – крикнули они, опять побежав туда, к выступу. И вновь джигитам пришлось утомительно долго, как им казалось, ждать. И опять, когда Добровольский и Андрей добежали до безопасного места, где были все, раздался второй взрыв.

– Теперь пошли все, – сказал Добровольский. И только успел Алий перевести его слова, как джигиты, словно малые дети, наперегонки кинулись к выступу. Выступа не было видно, все было окутано пылью и дымом, пахло порохом. Вскоре пыль осела, дым рассеялся, и взорам джигитов предстала удивительная картина – выступа не было, а была груда камней и земли, притом много камней было разбросано вокруг.

– Вот как надо работать! А не так, как Азрет, который бил ломом по скале так же бесполезно, как если бы пытаться выкопать иголкой погреб.

– Вот здорово!

– Молодец Андрей!

– Камни, пригодные для кладки стен – в сторонку, остальное – вниз! – крикнул Ахия и джигиты дружно взялись за дело. Одни складывали плоские камни, другие таскали негодные для кладки большие камни и сбрасывали вниз, третьи работали лопатами. И вскоре все нагромождение камней и земли исчезло.

– Алий, скажи Андрею, пусть опять вот в этих местах продырявит!

– Подожди – давайте теперь взорвем тот выступ ниже балки!

– Какая разница?

– Ребята! – крикнул Ахия, и все повернулись к нему. – Уже давно пора обедать. Покушаем, чуточку отдохнем, а потом можно и поработать.

– Откуда уже обед?

– Сперва надо заработать на обед!

– Пусть еще раз взорвет – потом и будем обедать.

– Что они расшумелись? – спросил Добровольский.

Алий рассказал ему, из-за чего спор. И тогда Любомир Карлович сказал приказным тоном:

– Главное во всяком деле – дисциплина. Если настало время обеда – надо обедать. Скажут – на работу, надо идти на работу. И в этих случаях никаких споров не должно быть! У вас старшим Ахия Юсупович – вот и слушайте его. Ясно?

– Ясно! – почти хором ответили джигиты, уже усвоившие значение этого слова.

Асхат, средний сын Мустафы из Темиркановых из селения Чегет-эль, вышел на строительство дороги согласно очередности групп, когда у него еще не закончился медовый месяц. Но ему повезло – группу направили работать на самый близкий к селениям участок дороги. Старостой группы был Ахмат – сын Сафара из Аланбиевых, и он установил на своем участке чуть ли не военную дисциплину. В положенное время – вставай, в положенное время – ешь, в положенное время – ложись спать, иначе, мол, работа не пойдет. Правда, никто против этого и не возражал, так как вся группа была сформирована из жителей сел Верхней Балкарии – Ышканы, Сауту, Чегет-эль, Фардык, Туура Хабла, Кюннум. Какой дурак после окончания работы поплетется домой в эдакую даль, да и ради чего?

Так что железная, казалось бы, дисциплина никого не тяготила, так как полностью соответствовала естественно необходимому ритму жизни группы людей, главной целью которых на эту неделю стала хорошая работа на дороге. А потому своими правами старшего Ахмат пользовался практически лишь в двух случаях – для организации работы и чтобы вовремя прекратить разговоры перед сном. Если б Ахмат каждый раз поздним вечером не прекращал бы эти разговоры одними и теми же словами: «Давайте спать, а то завтра трудно будет подниматься», то они длились бы и до утра, эти интересные старинные сказания, разные истории, что приключались с самими рассказчиками или же с теми, кого они хорошо знают.

Вот и сегодня все, сгрудившись возле очага на свежем воздухе, увлеченно слушают очередное повествование Солтана из Киштиковых.

– Тейри, зря ухмыляетесь! Что бы вы ни говорили, встреча с шайтанами да оборотнями – дело нешуточное. Это вам просто повезло, что до сих пор они не попадались у вас на пути. Ындырбай, отец Гиргока из Баллиевых, сам еще жив – можете спросить у него, что с ним случилось, если мне не верите.

– Куда же мы сейчас пойдем? Расскажи ты, раз слышал, раз знаешь, – какая разница? – сказал Зулфугар из Мамаевых.

– Расскажу, оллахий, коль не слышали, – не стал набивать себе

цену Солтан, выгребая палкой золу и угли из-под дров в костре, которые начали падать. Когда он завершил дело, дрова вновь загорелись и дым уменьшился. – Откуда мне знать, какого богача или князя отару они пасли в это время, так как целой отары овец у Баллиевых и отродясь, видимо, не водилось; у них и сейчас, в лучшие времена, и то нет даже сотни овец, – начал свой рассказ Солтан, как всегда, с обязательной подковыркой кого-либо из присутствующих.

– Рассказывай, коль взялся рассказывать, а не города ерунду – можно подумать, что ваши, Киштиковых стада не могут уместиться ни в горах, ни в долинах, – сказал Зулфугар. Он, конечно, неспроста принял в свой адрес подковырку Солтана – его мать является дочерью рода Баллиевых.

– А зря ты кипятишься, Зулфугар, – невозмутимо улыбаясь, продолжил Солтан. – В голодные годы, мы, Киштиковы¹, по крайней мере, можем и мышами перебиться, а Баллиевым, бедным, что – старые свои шубы есть? – и вместе с самим Солтаном засмеялись все. И он, словно говоря, хватит, мол, пошутили, посмеялись, а теперь давайте перейдем к делу, начал рассказ: – Как бы там ни было, но они, как и все чабаны, доили овец, заготовливали сыр, масло. И вот, когда напаслись, зарезали одного барашка, навьючили все это на двух ишаков и отправили домой с Ындырбаем. А день уже клонился к закату. А он, хотя по виду и росту вроде бы уже и мужчина, но все-таки был молод – лет двадцать, может, едва исполнилось. И вот, когда он, бедный, добрался до перевала с Сукана, совсем стемнело.

– А почему они послали его одного, – спросил Орусбий из Казаковых.

– Была поздняя осень, ну, то время, когда зима по-настоящему начинает задумываться над тем, когда же все-таки явиться, – продолжил Солтан свой рассказ, не обращая внимания на наивный вопрос Орусбия. – И вот он, бедный, шел так, шел, дрожа от холода и страха, и вдруг видит – впереди свет костра. Когда же приблизился к костру достаточно близко, увидел вроде бы, что вокруг такого хорошего большого костра сидят и беседуют джигиты – и из Сауту, и из Кюннума, и из Курнаята, и из Чегет-эля. Ну, в общем, знакомые все. И все они, увидев Ындырбая, кинулись к нему навстречу со словами: «Добро пожаловать, Ындырбай! Мы тоже едем домой, да вот решили немного отдохнуть и согреться у костра. Проходи, проходи!» Кто-то из них повел Ындырбая к костру, кто-то угостил хлебом и мясом, кто-то вроде бы пошел к его ишакам, чтобы уложить их, дабы дать и им возможность отдохнуть хоть немного.

– Значит, пропал бедный наш Ындырбай, – сказал кто-то.

– Так они посидели возле костра какое-то время, поговорили и вроде бы засобирались домой, забегали туда-сюда. Ындырбай потом сам рассказывал – бегают, говорит, вокруг меня, кто вроде бы ишаков побежал поднимать, кто остатки еды собирает. Ну, в общем, тронулись в путь и добрались вроде бы до селения Сауту. И тут вроде по домам расходятся, стали уходить то одни, то другие. Со мной, говорит, остались двое-трое, бегают вокруг и как-то странно шаркают. «Что это они все так расшаркались, словно все в домашних тапочках? – подумал Ындырбай и глянул на их ноги. И видит он, что ноги-то у этих самих джигитов как-то шиворот-навыворот – пятками вперед, а носками – назад. Понял сразу Ындырбай, кто на самом деле его неожиданные спутники. Вы сами,

1 Киштиковы – фамилия происходит от слова «киштик» – «кот», «кошка».

наверное, знаете, до дна, конечно, он не дошел, но кое-что от учености у него было – вот он и прочитал кулфуу¹. Мигом, говорит, все исчезло. Темным-темно стало, говорит, хоть глаз выколи. Подождал, говорит, малость, глаза попривыкли к темноте, и вижу – нахожусь возле каменной изгороди Кюйгеновых в селении Фардык.

– Бедный! Интересно, не потерял ли он сознание?

– О своем ли доме ему было думать в этот момент – забежал он в дом Кюйгеновых, а там возле очага сидели и беседовали, как обычно бывает вечерами, несколько мужчин. И только он вошел в дом, тут же и упал без сознания. Что им оставалось делать? – подбежали, стали хлопотать возле него. Ты знаешь, Зулфугар, отец Геурге был эфенди, да будет он в раю, ученый, да по-настоящему – Жума-эфенди. Послали за ним. А бедного Ындырбая уложили в постель. Пришел Жума-эфенди, прочитал что надо, постарался, в общем. «Оллахий, – говорит Жума-эфенди, – наверное, он повстречался с этими нашими друзьями. И откуда он шел, интересно?» Прослышав о происшедшем, собрались несколько джигитов и из Баллиевых, и соседей, узнали, что Ындырбай находился в Сукане с отарой. «Видно, его с чем-то послали домой», – догадался Жума-эфенди и распорядился послать с рассветом двоих-троих джигитов в сторону Сукана.

– Погоди, а он сам, что, так и не пришел еще в себя?

– Говорят, целые сутки лежал, не мог говорить – язык отнялся.

– Вот перепугался-то, бедный!

– Еще бы!

– Ну и что?

– А что? Рано утром отправились джигиты и на перевале нашли ишаков Ындырбая. Так, говорят, и лежали они, одни – здесь, другие – там.

– Удивительно, оллахий! Как же их не загрызли волки?

– Да вот, не загрызли почему-то.

– Ну и что же стало с Ындырбаем?

– Да ничего особого. Когда пришел в себя, отвели домой. Целую неделю, говорят, выхаживал его Жума-эфенди.

– Тейри, после этого он, наверное, ночью и по своим делам навряд ли осмеливался выходить из дому!

Асхат отозвал в сторонку Орусбия.

– Слушай, мне надо домой сходить, если Ахмат спросит, скажешь – только что вышел по своим, мол, делам.

– Тейри, джигит, тебя, я вижу, хорошо застреножила дочь Курмановых! – сказал Орусбий. Жена Асхата была дочерью Токлу из Курмановых из селения Зылгы.

– Да ну! – махнул рукой Асхат, не зная, что и ответить.

А что ответить-то, коль все так и есть. Асхат и Фазий, как рассказывается в легендах, как, наверное, и бывает со многими, раньше не любили и не знали друг друга. А все было очень просто, как часто и случается в горах, – родственница по матери, живущая в Зылгы, сказала как-то: «А у этого бедного Токлу дочка до того хороша!» Потом, как и водится, Азрет два-три раза ходил на смотрины со своим другом и потом дал знать через него родителям: «Если они хотят, пусть делают». На

1 Кулфуу – сура из Курана, отгоняющая шайтанов.

горском языке это значило, что девушка нравится джигиту, и он согласен на ней жениться. А дальше все пошло, как и всегда: два-три раза сходили сваты, после чего молодые были помолвлены и через положенное время сыграли свадьбу.

Фазий не была писаной красавицей, на первый взгляд – обычная девчонка, может быть, даже немного худощавая. Ничего особого ни в глазах, ни в теле. Да только было в ней что-то притягательное, а что – и не скажешь. И это таинственное ее качество придавало каждому ее шагу, каждому движению какую-то особую статью, красоту, да и все, что она делала, получалось ладно и хорошо. Кто знает, может быть, никакой таинственности в ней и не было, а была только воспитанность, чистота души, доброта. Асхат о таких премудростях никогда и не думал. Просто он уже три ночи оставался в коше, на участке, где работал. И хотел такой – вот и все. Ну, а если и соскучился по молодой жене – что здесь такого? Не старик же, в конце концов, столетний. Так, споря в душе с Орусбием, Асхат и направился домой, в Фардык. Если шагать живо – через час будет дома...

Асхат вышел в обратный путь задолго до рассвета. Если он придет к кошу тогда, когда народ уже будет на ногах, легко догадаются, что он был дома – и тогда житья не будет от насмешек. Вот этого-то больше всего и боялся Асхат, потому-то и вышел из дома так рано, чтобы добраться до участка еще до рассвета и незамеченным нырнуть внутрь коша.

Вот он уже выбрался из села Нижний Чегет – последнего села по правобережью Черека, а никаких признаков рассвета еще не было заметно. Когда вышел из села, вдруг вспомнил, что как раз где-то здесь, недалеко от села, на макушке небольшого холма, есть несколько старых могил. Асхат, вспомнив вчерашний рассказ Солтана у костра, немного оробел, но, как бы стараясь и от себя это скрыть, сказал сам себе, напустив бесшабашность: «Вот бы встретились мне те шайтаны, тогда и со мной что-нибудь приключилось бы!»

И надо же – в тот же миг услышал впереди голоса! Асхат так и застыл на дороге. Постоял некоторое время, прислушиваясь и приглядываясь. Но ничего более не было слышно, ничего не видно. На всякий случай он сказал про себя: «Бисмилляхий, бисмилляхий!». Но потом, подумав, что, видимо, не сказанное вслух не имеет силы, шепотом повторил:

– Бисмилляхий! Бисмилляхий!

И в это время послышалось бляение овцы.

«Интересно, а оборотни и шайтаны могут быть овцами?» – подумал Асхат и не нашел ответа.

– Кто их знает? – сказал он вслух и вновь, на всякий случай, повторил: – Бисмилляхий рахман рахим! Бисмилляхий рахман рахим! – А что еще делать, если не знаешь кулфуу? Как говорят, достаточно и одного слова «бисмилляхий», чтобы разогнать шайтанов. Но, видно, силы одного только слова «бисмилляхий» не достаточно, чтобы прогнать прочь шайтанов, облекшихся в облик овец, – уже более явственно послышалось бляение.

«Тейри, здесь действительно что-то есть», – подумал Асхат. И как только он убедился в том, что впереди кто-то есть – люди ли это, бараны или шайтаны – он взял себя в руки и стал внимателен. Суеверный страх

куда-то исчез, осталось лишь любопытство – кто же, интересно, на дороге? «А, может быть, они там, на холме, где могилы, собрались?» – спокойно подумал Асхат и глянул туда, где уже заметны были очертания холма. Но там не было видно ни костра, вокруг которого так любят собираться шайтаны, ни каких-либо теней. А впереди уже явственно слышались слова, произносимые негромко, но повелительно, коротко, и звуки шагов.

Асхат, не двигаясь, стоял на дороге и ждал.

И вскоре он понял по звукам и отрывкам фраз, что двое-трое то ли людей, то ли шайтанов гонят перед собой небольшой гурт овец. Опять заблеяла овца и отчетливо послышались слова:

– А-а-а, чтоб ты подохла!

Услышав эти слова, Асхат удивился – по голосу он узнал Конака, Конака из Батыршаевых, что живет в селении Косфарты. Тот самый Конак, который на прошлой неделе в составе группы Заубатыра из Ольмезовых работал на дороге как раз на том же участке, где сейчас Асхат. Интересно, откуда это они, ночью, гонят овец? Кто товарищи Конака? Чьи овцы? Асхат догадывался, что здесь дело нечисто, не могут нормальные люди по ночам перегонять овец – дело ясное.

Звуки приблизились. Тень на дороге раньше людей заметили, наверное, конечно, овцы – разом все стихло, видно, они, застыв на месте, насторожились.

– Да чтоб вы провалились сквозь землю! Ирт! – кинулся, видно, к овцам кто-то. Но это был не Конак – голос не его. Но овцы, не обращали на него никакого внимания – тот ругался, послышался свист гибкого прута и глухой удар. Потом, видимо, Асхат шевельнулся – по шуму не трудно было догадаться, что овцы шарахнулись в сторону. И опять все стихло – овцы, как обычно они делают в таких случаях, также внезапно остановились и вновь напряженно уставились в ту сторону, откуда они ожидали угрозу от неизвестного существа – в сторону Асхата.

– Тейри, их что-то напугало, – сказал Конак, и послышались приближающиеся звуки шагов. И в темноте Конак, конечно, заметил тень человека – он тут же вернулся назад к своим товарищам. Они негромко посоветовались и вместе подошли – их было трое. Конак, видать, он был за старшего, спросил, глядя в лицо Асхата:

– Салам алейкум! Кто ты, куда идешь?

– Уалейкум салам! Асхат из селения Чегет-эль, сын Мустафы из Темиркановых. Я работаю на дороге, иду из дому. А вы откуда, Конак?

– Из Алмалы, с коша.

– А кто твои товарищи?

– Из соседних кошев, ты их, наверное, не знаешь. Из кошей Залимхановых. Черт бы тебя побрал – напугал ты наших овец! Чего это ты бродишь среди ночи? Ну, давай, в добрый путь!

– Давай!

Асхат ушел. Те остались на дороге.

– Оллахий, дело плохо! Что теперь будем делать? – спросил один из товарищей Конака, Цапай, сын Таусо из Зугуловых из селения Мухол.

– И откуда он взялся – холера в его дом! Тейри, Конак, зря мы его так отпустили. Надо было его как следует припугнуть, чтоб он нигде и

пикнуть не посмел. А то еще проболтается, ишак он этакий, и тогда нам несдобровать, – добавил второй товарищ Конака – Шамиш, сын Хакима из Залгановых, тоже из Мухола.

– Быстро верните его назад! – распорядился Конак.

Цапай и Шамиш побежали за Асхатом. Прошло немного времени, и все трое оказались на дороге. Конак сделал им навстречу два-три шага и вплотную приблизился к Асхату.

– Если о том, что ты нас сегодня видел, пикнешь где-нибудь – пеняй на себя. Сделаем так, что больше пикать не будешь. Понял меня, парень хороший?

– Я не из тех, которых ты можешь запугать – слышишь? – ответил Асхат. – Пикать или не пикать – это мне самому знать. Понял, мужичок хорошенький?

Конак внезапно схватил Асхата за грудки. Конечно, он был и старше, и сильнее Асхата. Хоть и выглядел Асхат рослым парнем, но, как говорят в народе, кости у него еще недостаточно отвердели – он еще не возмужал как следует, не набрался сил. Конак одним рывком кинул его на землю, вцепился в горло.

– Испугаешься, да еще как испугаешься, ишак! Нехотя испугаешься! Мигом сейчас дух испустишь! Ну-ка, скажи – будешь пасть свою раскрывать или же, как щенка, удавить тебя? – прерывисто дыша, спросил Конак.

– Пусти, говорю, скотина! – ответил Асхат, пытаясь вырваться.

– Вы посмотрите на этого осленка?! – с искренним удивлением сказал Конак, растерянно глянув на товарищей. – Что делать? Оллахий, нам ничего не остается, как придушить его, собаку, и выбросить в Черек!

Все в Асхате вскипело, запротестовало – как, вот так просто и бесславно погибнуть от рук этих мелких воришек? Нет уж! Этого не будет!

Изловчившись, он сумел вывернуться, и в тот же миг Конак, вскрикнув, обеими руками схватился за низ живота и, вертясь как юла, со стоном повалился на землю. Пока Цапай и Шамиш приходили в себя, Асхат убежал.

– Ну, ишаки, погодите! Вы еще получите свое! – лишь раздался из темноты его голос.

– Что случилось? Что с тобой? – Цапай и Шамиш обступили товарища, пытаясь помочь ему подняться с земли. Но тот, вырвавшись от них, простонал:

– Да чтоб сгорели ваши дома – не упустите же его!

Оба кинулись вслед за Асхатом. Минут через двадцать они ни с чем вернулись обратно. И Конак к этому времени почти что оправился. Цапай и Шамиш, на время забыв о своем незавидном положении, всю дорогу назад шутили и смеялись над тем, что Асхат, видно, сделал вдовой бедную молодую женушку их дружка при живом муже, а потом, когда увидели согнутую в три погибели фигуру Конака, вновь чуть было не расхохотались, но вовремя спохватились и постарались унять в самих себе так некстати нахлынувшее веселье. К тому же еще было темно, и Конак никак не мог что-либо заметить по их лицам.

– Эх, вы! Не догнали? – спросил Конак, а по голосу чувствовалось, что ему все еще нестерпимо больно, хотя он и старается храбриться.

– Попробуй догнать! Какой же дурак даст себя догнать, коль ему угрожают смертью?! – сказал Цапай, выдержав солидную паузу, чтобы подавить в себе смех, дабы об их настроении Конак не догадался по голосу.

– А что теперь будем делать? – спросил Шамиш, удивляясь и радуясь тому, что по голосу вовсе и не догадаться о том, что он и сейчас еле удерживает себя от смеха.

– Что будем делать? Что будем делать? – зло передразнил Шамиша Конак. – Раньше надо было об этом думать! Два мужика – и не смогли одного мальчишку удержать!

– Ничего себе! А мы здесь при чем? Выпустил-то зайца из рук ты сам!

– Но вы-то на что? Если упустил – поймали бы вы!

– Тейри, даже к лучшему то, что ему удалось убежать, а то ты, сгоряча, мог и действительно задушить его. И тогда б беды не миновать.

– Можно подумать, что теперь тебя по головке поглядят. Держи рот пошире! – ответил Конак. – А если б придушили этого щенка да выбросили в Черек – все было бы шито-крыто. А теперь...

– Нет уж! Убить человека – дело нешуточное, далеко не уйдешь, – возразил Цапай. – А теперь что? Ни-че-го! Мало ли что привиделось темной ночью мальчишке? Кто скажет – с нами он встретился или с шайтанами?

– А овцы, дурак? – спросил Конак, чувствуя, что в словах Цапая что-то есть.

– А что овцы? Отгоним обратно к кошу – и все. Можно даже и в сарай их обратно загнать...

Добравшись до коша, Асхат заглянул в овчарню – двери были открыты настежь, овец не было. Сперва Асхат хотел зайти в кош, где ночевали мужчины постарше, и рассказать, но потом подумал о том, что ему ответить, коль спросят: «А что ты делал ночью в селе?» – и засомневался. Ведь ясно же, что потом, когда уляжется весь этот шум-гам, непременно будут говорить: «Как Асхат из Темиркановых ночами из ущелья к своей женушке бегал». И тогда мелькнула мысль: «Подумаешь, дюжина овец – не разорится же из-за этого Большая Балкария» – и он пошел к себе и лег на свою постель. «А если решат искать пропавших овец, пойду и я, тогда они у меня попляшут. Столько-то овец за два-три часа они все равно разделать и спрятать не смогут», – успокоил свою совесть Асхат.

Прошло еще немало времени, прежде чем рассвело и люди стали вставать. Как и всегда, раньше всех поднялся Солтан из Киштиковых, повар коша. Асхат услышал его возмущенный голос:

– Что за люди? Хорошо еще, что от коша далеко не ушли. А то, если бы их волки загрызли, я бы посмотрел тогда, что вы сами грызли бы!

Раз Солтан на ногах, то и другим покоя не будет, скоро начнут вставать и остальные. Так что никто теперь не обратит внимания на то, если поднимется и Асхат. Асхат вышел наружу. Было уже совсем светло. Солтан копошился у очага, разгребая золу и собирая вместе угольки, готовясь развести костер.

– Салам алейкум, Солтан! Чем недоволен?

– Как чем? Разве не видишь – овец на ночь не загнали в загон. Хорошо еще, не ушли куда-то. А если б волки загрызли? Из чего тогда вам готовить?

Овцы паслись рядом с кошом.

– Идем-ка, Солтан, к Ахмату – я расскажу, почему бараны оказались не в загоне.

И в шалаше старших еще не все встали, хотя уже никто не спал.

– Аланы, что вы бродите спозаранку? – спросил Ахмат, одеваясь.

Рассказ Асхата о том, что произошло ночью, все выслушали с удивлением и возмущением.

– Ну и подлецы!

– Ты посмотри на них – вот собаки!

– Бессовестные! И как, интересно, они теперь выйдут на улицу?

– Оллахий, говорю серьезно – надо сказать Крыму и выгнать их вон из общества.

– Но как? Если б они не вернули овец – это было бы просто. Теперь ведь ничего не докажешь!

– Как бы там ни было, а жамауат должен об этом знать. Пусть, по крайней мере, народ их проклянет!

– Давайте сделаем так, – сказал Ахмат, и все притихли. – Не будем из-за этих негодяев попусту тратить время, будем продолжать работать. А когда нас заменят, мы всей группой пойдем в правление и все расскажем Крыму. Раз они вернули овец обратно, то уже трудно их уличить в воровстве. Потребуем, чтобы об этом было сообщено во время следующего схода – народ пусть их проклянет. Согласны?

– Согласны!

– Пусть будет так!

– Если сейчас мы займемся ими, будет урон работе – ты правильно говоришь.

Прошло пять дней, и, сменившись, группа Ахмата из Аланбиевых в полном составе пришла в правление, где обо всем и было рассказано старшине. Вскоре о происшедшем уже знала вся Большая Балкария. А спустя не так уж много времени стало известно, что семьи Хакима из Залгановых и Таусо из Зугуловых уехали из Большой Балкарии и поселились в Кашхатау.

– У этих, оказывается, было хоть немного совести, не выдержали народного презрения, уехали, а у Конака из Батыршаевых, наверное, лицо из бычьей шкуры сделано – никакой стыд его не берет, – говорили и старики на ныгыше, и молодежь на кошах, и женщины в домах.

К середине лета, ко времени начала самой страдной поры – сенокоса, дорога с обеих сторон, снизу и сверху, дошла до Красных Скал. Этому событию в Большой Балкарии были рады все – и стар, и млад. Еще бы – теперь строительство дороги не будет помехой сенокосу, а сенокос – строительству дороги. Потому что основные работы по прокладке дороги уже завершены, а на работах по устройству полутуннеля сбоку Красных Скал более одной группы не требуется. Эта группа, разделившись на две

бригады, работала сразу в двух местах – внизу и наверху. А ведь почти все лето ежедневно на дороге было занято по двести человек. А теперь – только по двадцать-двадцать пять. Они выдалбливали отверстия в скалах, куда закладывался порох для взрыва. Хотя уже многие джигиты владели молотом и штырем недурно, но все равно работа была тяжелой, отнимала много времени – каждая бригада продвигалась вперед за день не более, чем на аршин.

Как бы там ни было, но дорога уже не мешала заготовке сена, не отвлекала от домашних дел многих людей одновременно. Может, и поэтому, но на ныгышах и в других местах, где собирается народ, теперь больше стало разговоров не о дороге, как было совсем недавно, а о сене. Сейчас все: старики и джигиты, женщины и девушки, по возможности, на заготовке сена. Джигиты косят, женщины сгребают сено, а взрослые мужчины ставят копны. И погода, кажется, сжалась над бедным горцем, вечно обремененным заботами, и решила хоть на время сенокоса не чинить ему особых препятствий – установились ясные погожие дни. Лишь вечерами на небе появляются легкие облака, словно днем, когда было жарко, они прятались где-то в тени, а теперь вот, когда стало прохладней, вышли подышать свежим воздухом...

Но вот однажды утром по всей Большой Балкарии, передаваясь из уст в уста, перелетая из селения в селение, разнеслась Недобрая Весть. К полудню она обошла все ущелье; не осталось ни села, ни глухого переулка, ни двора, куда бы она не сунулась, не проползла. Только к одному месту не осмеливается приблизиться – то ли из боязни, то ли из жалости. Это место – дом Науруза из Аланбиевых. И это неспроста – слишком уж недоброй, безжалостной была та весть. И вот, за день прорыскав по всей Большой Балкарии, к вечеру уставшая, подошла она к дому Науруз-бия и, распластавшись, обложила его плотным кольцом, словно осадившая крепость вражеская армия. Не находя ни возможности проникнуть в дом, ни одной живой души, могущей ей помочь, Недобрая Весть ходила вокруг да около дома Науруз-бия, воя голодной волчицей, до самых вечерних сумерек. В отчаянии оглядывает она селения и улицы, дома и переулки, дороги и тропинки в поисках кого-нибудь, кто бы помог ей, Недоброй Вести, проникнуть в дом Науруз-бия. И кажется уже, что не проникнуть, не проползти ей сегодня, как хотелось, в этот заветный дом, так как никого нет вокруг, кто бы не знал о ней, коварной, и не сторонился бы ее, как чумы. Никто не хочет ей помочь, никто не хочет занести в дом Науруз-бия ее, Недобрую Весть. И тут она заметила одинокого всадника, спускавшегося в селение Сауту со стороны Сукана, пригляделась к нему внимательно и радостно запрыгала: это был Шамиль – младший сын самого Науруз-бия. Он ничего еще о ней, подлой, не знает и она сможет обмануть его и вместе с ним проникнуть в дом. Недобрая Весть кинулась к всаднику и тут же сдружилась с его черным джином. И тот прямо-таки вцепился в горло своего хозяина и стал требовать, просить-умолять: «Ты устал, жажда мучает тебя – заверни на минутку в дом Сафара. И вообще – ты не так уж часто бываешь в доме дяди!» Самого Сафара дома не было, а потому Недобрая Весть, оборотившись в Жансурат, ждет не дождется Шамиля прямо у ворот.

И вот Шамиль, ничего не подозревая, кинул уздечку коня на кол у ворот и, входя во двор, сказал, как обычно:

– Добрый вечер, келин! Дай мне чашку айрана, а то я умру от жажды.

Недобрая Весть в образе Жансурат, не говоря ни слова, пошла, принесла чашку айрана и, опять же ничего не говоря, подала Шамилю.

А тот, все еще ничего не замечая, с удовольствием выпил айран, вернул пустую чашку и спросил:

– Сафар тоже, наверное, на заготовке сена.

– Да, на сенокосе, – ответила Жансурат, и он, удивленный ее голосом, необычно грустным, посмотрел ей в лицо. И только теперь он заметил, что перед ним стоит не Жансурат, а Недобрая Весть в ее обличии.

– Что случилось, келин? Почему ты так невесела? – спросил он, заранее страшась ее ответа.

Недобрая Весть, оттолкнув в сторону Жансурат, гиеной кинулась к горлу Шамиля:

– И не спрашивай – за сегодняшний день сердце мое почернело от горя!

– Что ты говоришь? Что случилось?

– Так жалко, так жалко стало Алима, душа моя вся истерзалась.

– Что случилось-то? Скажешь ты, наконец, или нет? – крикнул Шамиль не сдержавшись, лицо его побелело в предчувствии беды.

– Только начал было расправлять крылышки, мой орленок, и их у него отрезали! Уж лучше б мне умереть!

– Ты можешь мне сказать – что случилось?! – закричал Шамиль, схватив Жансурат за плечи.

– Этот собачий сын Бекболат из Залимхановых вчера ночью украл Нюржан! – сказала Жансурат.

У Шамиля, боявшегося того, что, наверное, случилась какая-то беда с самим Исмаилом или с Алимом, даже отлегло от сердца. Но вскоре, когда прошел страх от самых плохих ожиданий, до него начала доходить вся жестокость этой новости и она острой болью вонзилась ему в грудь. И, осознав всю тяжесть случившегося, он, согнувшись от этой тяжести, поплелся со двора. Он и не помнил, как садился на коня, как доехал до дому. А Недобрая Весть, вцепившись в согбенную спину Шамиля, пробралась в дом Науруз-бия и, словно залив водой очаг, остудила дом, потушила в нем радость и веселье. И тогда Науруз-бий, тяжело опускаясь на топчан, упрекнул сам себя: «Эх ты! Неужели ты все упирался, не хотел уходить туда, куда тебе давно положено, для того лишь, чтобы дожить до такого дня! Роду нанесено оскорбление, у любимого внука разбито счастье!» Недобрая Весть поразила всех в доме, лишила их дара речи, сковала движения. И увидев все это, она решила, что ей здесь уже делать нечего, и поспешила поскорее покинуть Большую Балкарию, выбраться из ущелья. Недобрая Весть спешила теперь в Нальчик, в Хулам, в Баксан, в Дигорию...

Через некоторое время, немного придя в себя, Шамиль обратился к отцу:

– Что же нам делать, отец? Почему ты ничего не говоришь?

– Что же мне сказать, сын мой? Если б это случилось в мои времена, мигом надо было собрать из родни, соседей, односельчан молодцов-

джигитов и послать их отбить и привезти девушку. А теперь ведь, кроме адет-тёре – народных обычаев, есть еще и государство, и закон. Если поступить, как раньше – будет ли это правильно, законно, будет ли хорошо? А если прольется кровь – ведь не скажешь же, что это произойти не может – что тогда? Тем более, если твой брат сам олицетворяет и государство, и закон. Но сидеть вот так, как бабы, и ничего не предпринимать, кроме как охать да ахать, тоже не дело. Не знаю, что и сказать! И откуда взялся этот проклятый Нальчик – если б твой старший брат был здесь сам, наверное, он что-нибудь сделал. А я и не знаю, что делать, в какую реку кинуться!

– Отец, если ты согласен, соберем джигитов и пойдем отобьем девушку. У нас на это есть полное право – Алим и Нюржан обвенчаны по закону.

– А если девушку украли по согласию родителей или же по ее собственному желанию – что тогда? Что тогда получится?

– Что ты говоришь, отец?! О ее родителях я ничего не знаю, но это сделано не по желанию самой Нюржан! Слышишь?!

– Слышу, слышу! И я не верю в то, что это сделано по согласию самой девушки. Но что бы мы ни говорили, женщина – есть женщина, и что у нее на душе – кто знает?

– Отец, не говори так! Не бери на душу грех – здесь Нюржан не виновата!

– Но что же это такое тогда – не имея ни согласия самой девушки, без ведома родителей? Да разве может не сумасшедший на такое решиться? Что они – звери, что ли? Ведь чтобы девушку украсть, тоже надо иметь какие-то причины, основания, на это также надо иметь какое-то право! Если, скажем, без согласия девушки, родители выдают ее замуж за нелюбимого, или же она любит джигита, но боится, что родители ее за него не отдадут – что-то в этом роде. Разве можно так – украсть девушку, не имея на это ни одобрения родителей, ни согласия девушки, словно волк ягненка из овчарни? Так же не делается!

– Оставь пустые разговоры, отец! Я сейчас быстро схожу к Карабиевым. Если скажут, что, мол, это дело совершено без нашего ведома, девушка засватана за вашего джигита – вот и поступайте, как велит вам честь и достоинство вашего рода, то надо немедленно идти и отобрать девушку. Иного выхода я не вижу.

– Иди! Возвращайся быстро! Оповести там всех, кого надо – и Сафара, и Алий-Солтана. Завтра спозаранку кого-то надо послать в Нальчик – твой старший брат должен быть здесь.

– Хорошо! – крикнул на ходу Шамиль, выскакивая из дому.

Прошло не так много времени, и Шамиль вернулся вместе с Ахматом, старшим сыном Сафара.

– Науруз, извини за то, что я стал говорить первым, – заговорил сразу же с порога Ахмат, – но я думаю, что надо немедленно собрать джигитов, поехать и отобрать девушку. В первую ночь, как и положено по обычаю, она была, наверное, гостьей, если они уж совсем не потеряли человеческий облик. Но в эту ночь Нюржан там не должна остаться!

– Что сказал Крым? – спросил Науруз.

– Крым, говорят, еще с позавчерашнего дня в Нальчике. Хаждауют сказал, что все это сделано абсолютно без их ведома. Говорят, послали

сына и дочь Тохтамыша из Аскербиевых – узнать что-нибудь, но они еще не вернулись. Отец, давай сделаем так, как говорит Ахмат.

– Что же ты предлагаешь, Ахмат? – спросил Науруз, совсем потерявший голову.

– Надо поехать, отобрать девушку и привезти сюда, Науруз. Что тут говорить? И по адету-тёре, и по закону-шариату мы вправе так поступить. Девушка помолвлена с нашим джигитом, фактически она – наша невестка. И по согласию родителей, и по ее собственному желанию – что еще здесь сомневаться?

– Кровь! Кровь может пролиться – вот что заставляет меня сомневаться! А вдруг на нас обрушится еще большая беда – вот чего я боюсь! Раз вы хотите так уж до конца все выпытать!

– А почему о чести и достоинстве рода нашего не хочешь думать, Науруз, а?! Если мы это дело оставим без последствий, как же тогда нам селу-жамаату показаться? Не станут ли плевать нам в лицо, говоря: «Позор вам – испугались этих Залимхановых, дали им затоптать честь вашего рода!» Плунут, оллахий!

Науруз-бий с минуту молча стоял, а потом решительно и гордо поднял голову.

– Нет! Честь рода своего затоптать никому не позволим! Будь что будет! Лишь бы не позор! Соберите таких джигитов-молодцов, что будут готовы на все, когда прозвучит клич: «А ну, джигиты!». Не будьте самонадеянны, соберите джигитов побольше – мало ли что, один Аллах знает! Сообщите Мисировым, Мамаевым, Джанибековым и всем, у кого есть джигиты – в такой день в Верхней Балкарии никто нам в помощи не откажет. Когда будете в Косфарты – дайте знать и Шахархановым, кто знает, может сыновья Фазий дома окажутся. Соберите человек двадцать, не меньше – и идите! Быстро!

Через час-полтора двор Аланбиевых и прилегающая к их дому улица была полна народом. Тридцать с лишним джигитов сидели в седлах. Прослышав об этом деле, собрались все джигиты Верхней Балкарии, что сегодня оказались дома, а не на сенокосе. Если б не страдная пора, конечно, их набралось бы и больше сотни, но и этих, уже готовых выступить, нетерпеливо ожидающих разрешения, вполне достаточно. И братья Крыма, Таубий и Сарыбий, тоже здесь, и Хамзат, сын Гиргока из Аскербиевых.

– Джигиты, – обратился к собравшимся Науруз-бий. – Спасибо вам, что в такой день вы оказали уважение и мне, и Хаждауоту, двум нашим родам, и пришли сюда. У меня есть к вам только одна просьба – постарайтесь сдерживать себя, не очень горячитесь. Скажите так: «Мы поговорим с девушкой. Если она оказалась в вашем доме по собственному согласию – у нас нет к вам никаких претензий. Но если вы увезли ее насильно, в то время когда она обручена с другим – тогда вы неправы, тогда позвольте нам по-хорошему, без шума увезти ее». Так и скажите. А теперь – в добрый путь, джигиты!

– Не бойся, Науруз! Все будет как надо! Приготовьте комнату для келин!

– Пусть попробуют только пикнуть! – с такими возгласами джигиты припустили коней и стремительно помчались вниз – в сторону селения Косфарты, где жили Залимхановы.

Теперь, когда о происшедшем уже все знали, у дома Науруз-бия толпился народ; люди, проклиная Залимхановых, ждали, чем все это кончится. Без ведома Аланбиевых привели в дом Мисировых даже и гармонистку, чтобы сразу же начать той, на тот случай, если джигиты отберут Нюржан и привезут ее сюда. Мужчины собрались в доме, а женщины и девушки ждут вестей во дворе... Поближе к полуночи вернулись джигиты. Хотя никто из них не молвил и слова, женщины сразу же догадались, что дела плохи: если б все было хорошо, они не были бы такими хмурыми, какими-то обмякшими, как в воду опущенными. Медленно, тяжело ступая, Ахмат зашел в дом; а джигиты кто сошел с коня и прислонился к забору, кто так и остался в седле – но никто не обмолвился и словом. Женщины первыми не выдержали тягостную паузу.

– Что это вы такие грустные, да перейдут ваши болезни ко мне? – спросила Рахимат из Болатовых у Алия из Мисировых.

– И не спрашивай, Рахимат. Еще вчера, оказывается, впустили парня к девушке.

– О, Аллах! Что ты говоришь? Как же так – ведь в первую ночь девушка считается гостем? Ой собаки, а!

– Они ведь звери, не знающие ни чести, ни обычаев. А потом они, видимо, учли и то, что сегодня-то Аланбиевы уже узнают о происшедшем и навряд ли оставят у них Нюржан...

Вскоре Ахмат вышел из дому и сказал:

– Извините нас, джигиты, за беспокойство, спасибо! Теперь-то ни вы, ни мы уже ничего, наверное, поделать не можем, уже поздно, завтра всех вас, конечно, ждут дела – идите, отдыхайте...

В этот момент к дому галопом подскакал всадник и, не сходя с коня, спросил:

– Хамзат здесь?

Это был Алийбек, сын Тохтамыша из Аскербиевых – все удивились: он ведь оставался там, в Косфарты, в доме Залимхановых!

– Здесь я! Что теперь-то случилось, да чтоб сгорел ваш дом?! – подскочил к Алийбеку, ухватился за уздцы Хамзат.

– Быстро! Идем со мной в дом Крыма!

– Да говори ты – что случилось? Таубий с Сарыбием тоже здесь!

– Как только вы уехали, Нюржан ударила себя в живот ножницами, она умирает!

И братья Крыма, и Хамзат, потерявшие головы от этой горькой вести, с трудом сели на коней и тут же все четверо помчались туда, в сторону Косфарты.

– Ой, джигиты, кажется мне, что вы где-то поступили не так, – сказал через некоторое время Науруз-бий. – Кто из вас заходил к Нюржан? – спросил он у Ахмата.

– Как кто? Сарыбий, Таубий, Хамзат.

– А они с самой Нюржан встретились?

– Не знаю. Наверное, нет. По их рассказу, Алийбек вышел им навстречу и сказал: «Дело сделано с ведома родителей девушки и с ее согласия. К тому же уже прошлой ночью был совершен неких и парень с девушкой остались вместе – что вы теперь ходите? Зачем поднимать скандал, шуметь?»

– А потом?

– А что потом? Братья отца девушки вернулись к нам и рассказали – так, мол, и так. Теперь, сказали, что толку шуметь. Мы и вернулись.

– Эх вы! Как же вы могли так – взять и вернуться, не встретившись с самой Нюржан?!

– Ну, рассуди сам, Науруз, – заговорил Ахмат, – Сарыбий, Таубий и Хамзат зашли в дом, потом вышли и говорят – так, мол, и так. Откуда мне было знать, что они не встретились с Нюржан? А я, как только услышал то, что они сказали, просто был не в состоянии о чем-либо подумать, спросить – настолько мне было обидно и больно! Лишь потом, на полдороге, когда спросил, что же сказала сама Нюржан, я узнал суть дела. И тогда только осознал, что мы не так поступили, зря поспешили уехать – но не возвращаться же было обратно?

– Именно надо было вернуться! Раз понял, что все до конца не выяснили, почему бы и не вернуться? Как это ты, взрослый мужчина, не мог догадаться о том, что Алийбек просто-напросто обманул вас! Скорее всего Нюржан сумела вчера ночью защитить себя, осталась невинной, если даже и впустили в ее комнату этого идиота. Она, видно, надеялась на то, что если даже не люди отцовского дома, то, по крайней мере мы, люди рода Аланбиевых, с одним из джигитов которых она обручена, вызволят ее. Нет, она не только надеялась – она была уверена в этом! Все, что она могла, обязана была сделать в ее положении – это защитить себя, сохранить свою честь, пока ее не вызволят из дома Залимхановых. Она, бедная, выполнила свой долг. А вы... – Науруз махнув рукой, тяжело опустил на тахту, не в силах дальше говорить.

Неожиданно свалившееся горе привело всех в уныние и отчаяние.

– Не надо, Науруз! И без твоих упреков у меня сердце разрывается! – воскликнул Ахмат.

– Что бы мы теперь ни говорили – что толку? – сказал, горестно вздохнув, Шамиль. – Говорим, лишь бы душу отвести. Судьба, наверное, что делать-то...

– Идите туда и вы – кто знает, если захотят привезти Нюржан домой, помогите. Возьмите с собой троих-четверых джигитов, – сказал Наурузбий, скорбным голосом, не поднимая глаз.

Рано утром тело Нюржан привезли домой, в Ышканти. Просили Залимхановы, говорили: «Что бы там ни случилось, но она, бедная, уже считалась человеком нашего рода – оставьте ее здесь, не надо увозить!» Но Хаждауют был непреклонен – он без всяких обиняков заявил, что Нюржан будет недовольна, если ее тело для захоронения вынесут из того дома, который она не пожелала посчитать своим.

На похоронах Нюржан народу было много, так много, что казалось – во всей Большой Балкарии не осталось ни одного человека, который бы не пришел сюда, к дому Карабиевых, чтобы выразить свои соболезнования. Так было не только в день похорон, но и в следующие три дня поминок – дууа. Молодая жизнь Нюржан оборвалась, словно задули только что зажженную свечу. И это вызывало боль в душе каждого.

А Исмаил из Аланбиевых не смог все три дня после похорон, как и положено, ходить на дуа – вечером первого же дня Алим, когда остались одни, сказал отцу:

– Отец, не стыди меня, пожалуйста, но я не могу больше здесь находиться – хочу завтра же уехать вниз, если можно.

– Это будет не очень-то прилично, если мы уедем, пока не завершился дуа, сын мой.

– Но я не могу здесь быть, отец! Как это ты не понимаешь?!

– Хорошо, сын мой. Завтра поедем вместе.

– Я прошу тебя – уедем пораньше, чтобы люди нас не видели.

– Хорошо, сын мой, хорошо.

Поздно вечером, уходя спать, Исмаил сказал отцу и матери, брату:

– Вы не беспокойтесь, мы выедем рано, так, чтобы к рассвету выбраться из села.

Он пошел ночевать в одной комнате с сыном. Но сон не шел.

– Ты держись, сын мой, жизнь – это не такая уж и легкая штука. Тем более для мужчины. Не положено мужчине падать духом, что бы там ни случилось. Говорят, ни к кому беда не приходит по приглашению – что поделаешь? Такова жизнь, – сказал Исмаил и выжидательно помолчал. Но Алим ничего не сказал в ответ.

– Человек живущий – это тоже как бы скалолаз, – вновь заговорил Исмаил. – Не следует оглядываться назад, вниз – закружится голова, ослабнут руки, ноги, и тогда не миновать беды. Тот, кто идет в гору, должен смотреть только вперед, перед его взором должна быть только его цель – вершина горы. Так и мы, люди живущие, никогда не должны упускать из виду главную цель своей жизни, мы день и ночь должны думать о ней, лелеять ее в душе и идти вперед, к ней. А если иначе, если мы, столкнувшись с трудностями, встретившись с бедой, сломаемся, опустим руки – считай, что все пропало. Потому-то, сын мой, ты сейчас крепись, выдюжь некоторое время, потом к тебе вернуться и сила, и воля, чтобы идти дальше, вперед – чтобы жить. Вот об этом я тебя прошу. Я понимаю, сейчас тебе больно и обидно, настолько больно и обидно, что и белый свет кажется черным, и нет в жизни теперь ничего существенного. Но я тебе говорю: крепись, держись, пройдет время, настанет час, и ты вновь увидишь, что мир прекрасен, и жить интересно, и сияющую вершину горы – свою мечту – ты увидишь совсем вблизи! Не бойся, сын мой! Все в воле Аллаха. Он ведь сам сказал: «Постарайся – и я помогу тебе!»

Алим и слышал слова отца, и понимал их смысл, но... ничего не слышал, ничего не понимал. Он молча лежал в своей постели. Перед его глазами стояла Нюржан и не позволяла ему отвлечься на что-либо другое. И хотя перед его мысленным взором быстро-быстро проносились, сменяя друг друга, картины прошлого, но все это происходило на фоне Нюржан, заполнившей собой все пространство перед его глазами – то веселой и улыбающейся, то капризной и рассерженной, и все время сердце его сжимала боль от сознания того, что ее уже нет и никогда уже не будет – что она ушла навсегда...

– Отец, а что – Залимхановы всегда были с нами в вражде? – спросил довольно долго молчавший Алим.

– Судя по легендам и сказаниям, мы никогда не были в приятельских отношениях.

Молчание опять длилось слишком долго.

– А почему, отец? – спросил вновь неожиданно Алим.

– Откуда теперь нам это знать. Судя по легендам, давным-давно с Востока к нам в Большую Балкарию прибыли два джигита. Один из них – князь, а другой – его товарищ. По их рассказам, их отцы, здешние жители, были еще в детстве захвачены врагами в качестве пленников и проданы в рабство в Мисир. Там они подросли и стали воинами-мамлюками, участвовали во многих сражениях, постоянно проявляя героизм и мужество. Особенно отличался храбростью и полководческими способностями джигит, который, как говорят, был по происхождению бием – князем, значит. Конечно же, такие герои-джигиты были в милости у правителя Мисира и ни в чем не нуждались. И вот, умирая, тот, бывший князь, вызвал к себе сына и вроде бы сказал ему: «Когда похоронишь меня, сын мой, постарайся в дальнейшем думать только о том, как найти пути-дороги, чтобы вернуться на Родину, на Кавказ. И женись там, и будь сыном своего народа, и род наш продолжи. А здесь, хоть и грех жаловаться на судьбу, но мы чужие, как бы в гостях. Мне не удалось осуществить свою мечту, вернуться на Кавказ. Пусть тебе это удастся – да поможет тебе Аллах!» Сын его, говорят, еще несколько раз участвовал в битвах. И вот, во время последнего сражения, когда вновь была одержана еще одна победа над врагом, повелитель вызвал к себе на пир наиболее отличившихся военачальников. Среди них был и сын того князя. Когда он предстал перед повелителем, тот спросил: «Что мне сделать для тебя за твою храбрость, за твое мужество? Скажи!» И вот говорит этот доблестный воин-джигит:

– Мой отец, да будет он обитателем Жаннета, был с Кавказа, был сыном одного из аланских князей, всю жизнь мечтал вернуться на Родину и, умирая, завещал мне исполнить его несбывшуюся мечту – вернуться на Кавказ. Если не будешь против, у меня одно желание, одна просьба – дозвожь мне отправиться на Родину, к своему народу!

– Наверное, я как-то нечаянно обидел тебя, – ответил повелитель, – если это так, скажи откровенно – и я искуплю свою вину. Хочешь, подарю тебе обширный надел, хочешь, дам много денег и драгоценностей?

– Благодаря твоей милости, – ответил джигит, – у меня есть и земельные владения и богатство. Спасибо! Если б не завещание отца, лучшей доли в своей жизни я бы и не искал, кроме как быть верным твоим слугой.

– Хорошо, – ответил повелитель. – И твой отец, да будет его душа в Жаннете, служил мне преданно и честно, так же и ты служишь – разрешаю. Можешь взять себе охрану, из скольких хочешь воинов – дорога нелегкая. И доброго тебе пути!

Но джигит от охраны отказался, дабы не наносить урон войску повелителя, а попросил лишь взять с собой своего побратима, сына друга своего отца, и это ему было дозволено.

Так, говорят, он и его друг вышли в путь. Шли они, шли, искали Родину, как и учил его отец. И пришли, наконец к нам, в Большую Балкарию в селение Кюннюм. Здесь они и остались, здесь они и женились,

здесь от них и пошли Аланбиевы и Мисировы. Потомки джигита-бия стали называться Аланбиевыми, а потомки его товарища – Мисировыми.

– А почему наш род назвали так – Аланбиевы?

– Те двое джигитов, оказывается, искали народ по имени «аланы». «Мой отец был сыном одного из аланских биев, он жил здесь и его народ должен быть здесь», – говорил первый из джигитов. А народ-то – разве не знаешь? – то «а где этот алан-бий?», то «а у алан-бия сын родился, слышали?», то «а алан-бия на той пригласили?». Вот и стал он сам Аланбием, а род его – Аланбиевыми. А так как они пришли сюда из Мисира, то другой джигит стал родоначальником Мисировых.

– А Залимхановы? Почему мы именно с ними оказались во вражде?

– Кто его знает, сын мой. По легенде известно, что в то время здесь, в Балкарском ущелье, из княжеских домов в большей силе и богатстве были Залимхановы. Со временем роды Аланбиевых и Мисировых росли и крепили, люди этих двух родов, как и их предки, крепко дружили меж собой, словно близкие родственники, и помогали друг другу. Они стали авторитетными родами, уважаемыми людьми. Тот джигит, что положил начало роду Мисировых, хотя и был другом другого джигита, но как тебе сказать, не слугой был, а как бы его воином, а потому он не был причислен к княжескому сословию, и род его стал считаться узденским родом. А в те времена соперничать с князьями могли только князья, а потому Залимхановым особенно не по нутру было то, что рос и крепчал род Аланбиевых. Возрастал их авторитет. Долго продолжалось соперничество за первенство между этими двумя родами, и, в конце концов, Аланбиевы взяли верх. И, насколько мы знаем, хотя между нашими родами и не было войны, кровопролития, но и дружбы не было никогда.

– А почему тогда Бекболат был у нас на тое, когда ты вернулся домой с войны?

– Видимо, его привел с собой кто-то из его дружков, скорее всего Алийбек из Аскербиевых. А так, ни мы их, ни они нас ни на какие тои – ни на свадьбы, ни на курманлыки – не приглашаем. Лишь когда кто-то умрет, нельзя не пойти на похороны, на дууа – смерть выше суетных земных интриг и ссор.

– Значит, мы – как Капулетти и Монтечки?

– Похоже.

– Если отношения между нашими родами не были б такими, Бекболат пошел бы на это?

– А кто его знает, сын мой. Разве то, что человек с человеком, род с родом не могут прийти к согласию, дает кому-либо право на подлость? Нет, конечно. Это, скорее всего, оттого, что сам он негодай, не человек.

И опять долго молчали.

– А имя того джигита, от которого пошел наш род, не сохранилось?

– Да что ты! До седьмого колена – и то многие знают имена своих предков. А это когда было-то! Поспи-ка немного, сын мой – уже, наверное, за полночь перевалило.

– Хорошо, отец, – ответил Алим и умолк.

Алим долго лежал молча, не шевелясь, чтобы отец подумал, что он уснул. И вот, наконец, отец перестал ворочаться в постели, и Алим

понял, что он уснул. Понял, и самому как-то стало легче: ведь он старался только для отца, чтобы тот подумал так – раз сын спрашивает, разговаривает на такие темы, то, слава Аллаху, не так уж ему плохо, а не от того, что ему очень уж хотелось еще раз услышать легенду о двух джигитах, пробиравшихся к родному Кавказу из Мисира через горы, реки и пустыни. Нет, не о них он думал и не они стояли у него перед глазами. Чтобы никто не догадался, как ему плохо, Алим громадным усилием воли, взяв себя в руки, ходил и на похороны, и в первый день на дуа, разговаривал и с домашними, а на самом деле ему хотелось убежать куда-то в горы, в пустыню, хоть в ад, лишь бы никого не видеть, никого не слышать и остаться одному со своей бедой, со своей болью.

То ему приходит в голову мысль подкараулить и распороть живот этому негодю Бекболату, то хочется убежать в ущелье и там броситься со скалы или в Черек-реку. Но тогда перед глазами встает картина – вот, после того, как он бросился со скалы, несут домой его труп, окровавленный да запачканный песком и грязью. И мать, потерявшая рассудок, рыдает и рвет на себе волосы, отец стоит молча, а слезы текут и текут сами по себе. Или же, если бросится он в Черек-реку, то люди с баграми по всей теснине станут искать его тело в реке, найдут через день-другой, уже наполовину обглоданного рыбами, испачканного илом, принесут домой. Вновь он почти вьявь видел, в каком состоянии будут и в этом случае мать и отец, сестры, бабушка и бабушка. И тогда Алим понимал, что он не имеет права на то, чтобы принести своим самым близким людям столько горя и страдания. Вот если бы можно было как-то совершенно незаметно для всех, никому не причиняя ни боли, ни страдания, исчезнуть с этого света, кануть в небытие! Но в этом проклятом мире нет и такой возможности!

Что делать ему на этом свете, где нет Нюржан, Алим никак себе представить не мог. Хотя он и не осознавал, как именно, но он все время горел желанием сделать что-то хорошее, полезное для народа, но теперь оборвалась и эта мечта. Как же не оборваться этой мечте – с кем, как и что хорошего он может сделать для народа, если нет рядом Нюржан, если она не будет радоваться, если не будет помогать? Кому и что хорошего может сделать человек, если он сам рыдает – воет от боли, словно раненый волк? Алим знал, что ему теперь, проживи хоть тысячу лет, не сделать никогда хоть одного полного глотка радости из этого мира. Теперь одна-единственная задача его в этом мире – это, несмотря на то, что сам истлел и превратился в пепел, не показать этого отцу и матери, сестрам и братьям, родственникам и друзьям, а сделать вид, что живешь – по-прежнему работаешь, ходишь, разговариваешь. И больше ничего. Вот если б можно было найти причину, чтобы уехать, куда-нибудь далеко-далеко, на самый край земли, и там, один-одинешенек, скуля и твякая, как побитый пес, прозябать бы одному – это было бы лучше всего. Но где найти такую причину? Эх, как было бы хорошо, если б до сих пор продолжалась та война, где был отец. А там – кому нужна такая жизнь? – не думая ни о смерти, ни о чем, вперед и только вперед! А там, как говорят русские, иль голова в кустах, иль грудь в крестах! Грудь в крестах... А что с ними, с крестами-то, делать?..

Почему это Нюржан не боролась, не рвалась домой? А, может,

боролась?.. Наверное, этот ишак насильно ее удерживал... Отец уехал из-за работы, а почему я уехал из села?.. Работа, дом... А это еще что за штуки такие?.. Семья... Да, надо сказать отцу – пусть не удерживают, пусть выдают замуж и Халимат, и Алтын... Хы, а ведь интересно устроен этот мир – чтобы для них открылись двери счастья, надо было чтобы засохло на корню мое счастье. Ну и дурак, что ты болтаешь – ведь после твоего тоя для них была свободна дорога. После твоей свадьбы сразу же стали бы готовиться и к свадьбе Халимат, а там – и Алтын. А теперь, чтобы не обидеть тебя, дурака, отложат помолвку Халимат на пять-шесть месяцев... Твоя вина... Почему это, интересно, Крым не разрешил, когда люди хотели прогнать с дуа Залимхановых... Неужели правда, что не без ведома Крыма все делалось? Нет, нет! Это неправда. Почему это Крыму больше хотелось бы породниться с Залимхановыми, чем с Аланбиевыми? Не знаю... Может, калым побольше дать обещали? Да ну – как будто у Крыма самого мало богатства! Тогда что?.. Бекболат?.. Обида, что отец стал первым лицом в селе? Ну и что – ведь он опять стал старшиной, первым лицом в селе. Что тогда?.. Пустые разговоры, наверное. А если пустые – тогда почему же Крым не дал согласие на то, чтобы прогнали Залимхановых с дуа, почему не отдал под суд Бекболата, а ведь мог, если б хотел? Да, что там было, не было – теперь-то что? И зачем я встревожил отца? Да, если человек слабавольный... А, может быть, стерпеть и остаться еще и эти два дня на дуа?.. Нет, надо уехать. Разве ты не видел этих женщин, которые сразу же разрыдались в голос, как только увидели отца и меня. Если мы опять пойдем на дуа, они вновь расплачутся... Нет, надо уехать. Здесь, куда бы я не пошел, чтобы не делал, Нюржан постоянно со мной, покоя не дает. А если уеду, наверное, она отстанет... Отстанет ли? Или же, несмотря на то, что умерла, она все время будет со мной? А она, интересно, там меня вспоминает? Если правда, что есть Жаннет, Жаханым, если люди толпятся в долине Арасат, если допрашивают, выслушивают свидетелей – значит, и там есть какая-то жизнь. Или же там люди забывают все, что с ними было на этом свете? А если забывают, то как же их допрашивать? Говорят – это грех, если человек сам себя убил. Неужели из-за этого и там будут ее мучить? Так ей и надо – поторопилась туда, побежала, подвиг какой совершила! Лучше бы этими ножницами пырнула в живот Бекболата и побежала бы домой. И вправду, почему она не сделала так?..

С улицы глухо послышались крики петухов. Алим встал с постели, разбудил отца. Исмаил быстро привстал, сел на постели.

– Что случилось, сын мой? – тревожно спросил он.

– Петухи кричат – наверное, и до рассвета уже недалеко, поедем, может быть?

– Поедем, сын мой, сейчас поедем, – успокаиваясь, сказал Исмаил.

Уже рассветало, когда двое всадников проехали последнее село Большой Балкарии – Зылгы, и направились дальше вниз, по ущелью.

Улугбек ЕДАУЛЕТОВ

Аул и город

Все аулы в будущем, быть может,
Превратятся в чудо-города.
Человек аулы уничтожит
И о них забудет навсегда.

И, увы, в загоне, а не в поле
Летом будут лошади пастись,
Только в снах им видеть неба высь,

Стройного табунщика и волю.

Нервы человека – что там сталь...
Техника волнует цепкий разум.
Тем, кто подчинен ее приказам,
Ни аулов, ни земли не жаль.

Посетив по случаю музей.
Юрту обозрев под слоем пыли,
Прошипит надменно ротозей:
«Надо же, в каких лачугах жили...»

И получит премию и приз
Тот, кому архивы стали нитью
Путеводной к смелому открытые,
Что напиток был такой – кумыс.

Лишь асфальт, куда ни наступи.
Но кому-то ведь необходимо
Различать, помимо гари, дыма,
Пряный аромат ночной степи.

Обласкает ветерок степной
Людам веки, губы, брови, скулы,
Скажет им: «Пожалуйста за мной»,
Превращая города в аулы.

Хочу увидеть

От горизонта, от будущего
приятных известий я жду...
Пусть сердце
разрывается мое
от добрых новостей.

Хочу увидеть дни такие –
чтоб люди никогда не знали
смерти,
чтобы никто не унижал их,
чтобы народы все на свете

не видели бы слез
и кровь не видели.
Хочу увидеть дни такие –
чтоб люди все болезни позабыли,
чтоб поколение в поколение
шло здоровым,
чтобы заряды злые
силу потеряли,
и люди позабыли

про войну...
Хочу увидеть дни такие –
чтоб никого не посещало горе,
планета наша чтоб качалась
в колыбели дружбы,
и влюбленные
не расставались...
Хочу увидеть дни такие,
а дни такие увидят ли меня?

Не беспокойтесь за поэта –
Ему не страшен долгий той¹.
Душа, стремящаяся к свету,
Поднимется над суетой.

Живое, пламенное слово,
Пройдя сквозь тысячи невзгод,
Расплавит вечные оковы
И все ненужное сожжет.

Не отнимайте у поэта
Его свободного пера:
Поэт нарушит все запреты
Во имя правды и добра.

Не забывайте про поэта:
Над мирозданием летя.
Он ждет поддержки и совета,
Как беззащитное дитя!

Верю я...

Верю я:
Ты загорись вновь,
Станет небо над тобою алым.
Захлестнет меня твоя любовь,
Как Иртыш,
Бегущий по увалам

Верю я:
Протянешь мне весло,
Как судьбу, помчимся по стремнине.
И отступит, распадется зло,
Душу леденившее донине.

Верю я:
Зло превратится в лед,
В легкий пар, а мы – в цветы, в сиянье!
И опять в нас сердце оживет,
И смешаем мы свое дыханье.

¹ Той (каз.) – празднество, веселье.

Знаю я:
Обманчив мир, но все ж
Он не может пересилить счастья.
Быстротечна жизнь, и ты пройдешь
От весны до зимнего ненастья.

Знаю я:
Пока наступит май,
Могут ветви омертветь от стужи.
Черным кронам, где вороний грай.
Дым весны вернувшейся не нужен.

Верю я:
Скопленья звезд ночных
Так на слезы горькие похожи,
И полны глаза...
С ресниц моих
Кто смахнуть созвездия поможет?

Верю я:
Обманчив чувств поток.
Многие до нас в него вступали
И тонули, но, хлебнув глоток,
Мы теперь отступимся едва ли.

Верю я:
Не разминуться нам,
Хоть такие за спиной потери!
Но не верю ледяным словам,
Равнодушным взглядам я не верю.

Родная земля

Я вижу степь родной страны
Из окон милого мне дома,
И облака плывут, как сны,
И дым клубится так знакомо –
Приветом им со стороны.
И мои окна влюблены
В рассвет.
Сады цветут в округе,
В дороге ждут вестей о друге –
Следы мои уж не видны.

И окна моет дождь опять,
И в капле – неба цвет особый.
Из дома выбегаю, чтобы,
Как ручеек, к земле пристать.
Земля родная, позови!
У нас с тобой – враги одни,
друзья одни,
судьба одна.
А если нет к тебе любви,
То грош и мне цена.

Хасан ТХАЗЕПЛОВ

*Посвящается моему другу
Аслану Гаеву*

НА ХВАЛУ

Для меня хвала – как стимул,
Как живительный заряд,
Чтобы дух порой не стынул,
Проходя вселенский хлад;

Чтобы в вечном все мирское
Торопя и торопясь,
Не забыть в себе людское,
С миром обнаружить связь;

Чтоб, соперничая с веком,
Знать – насколько преуспел
И остался Человеком,
Но таким, как сам хотел;

И какая бы дорога,
И куда бы ни вела, –
Чтобы с помыслами Бога
Сочетал свои дела;

Чтобы не утратил веры
В самого себя, но здесь
Надо знать: хвала без меры
Гордость превращает в спесь.

Зависть – спутница успеха.
У хвалы подкладка есть –
Что ни слово, то прореха –
Унизительная лесть.

Похвала без лести – стимул.
Чем неожиданней, тем сильнее,
Как весенний запах прынул
В круговерти зимних дней.

ТАМ, НА КРУТОМ БЕРЕГУ

Русская поэзия – одно из чудес света. Она подобна солнцу: кто сближается, сгорит, не достигая. Ее надо использовать по назначению – греться издали, получать тепло и свет, которых так не хватает в наше время.

Александр Пряжников – один из тех, кто пришел вместе с языком пламени и сливается с этой поэзией. Музыка его стиха, образность его мышления, любовь к окружающим, широта загадочной русской души – все слилось в единое целое. Он тот поэт, который умножает друзей своего великого народа, еще больше роднит нас с его величавой литературой.

Сердце Александра полно любви, ее хватается всем. А потому он говорит:

*Наших чувств не написать с натуры,
И любовью оскорбить нельзя.*

Творчество Пряжникова отличает фетовская нежность, которая ныне утрачена, но в которой нуждается каждое живое существо, трава долин и снег вершин.

Подтверждение моим словам – это добрая половина всех стихов, что я успел прочитать. Сам поэт, как будто знает свою особенность, поэтому вот эти строки:

*«Как счастлив тот, кого при жизни
Наш громкий мир не оглушил» –
я знаю, написаны о себе.*

Да, его не оглушил наш гремучий мир. Он слышит каждого, а это счастье, особенно сегодня, когда мы не только слышать, но и видеть разучились.

Пряжников слышит и переводит своих современников на русский язык. И они благодарны за все то, что он делает для них. И в этом деле хочется отметить его щедрость и самоотдачу. Он один из первых взялся за эту тяжелую работу. Работу, которая незаслуженно была забыта, и когда переводческая школа находилась в руинах.

Переводя других поэтов, сам поэт отдает частицу своей души, частицу своей жизни, но вместе с тем сам переводчик обогащает свою собственную поэзию.

*Нам не нужно быть осторожными –
Наши судьбы у нас в заложницах.
Забирай все, что есть хорошего,
И тогда оно преумножится.*

Желаю удачи и вдохновения, счастья и трудолюбия, здоровья и новых книг моему другу Александру Владимировичу Пряжникову. Его будущее, я уверен, будет на той стороне, где возвышается берег величия русской поэзии.

Александр ПРЯЖНИКОВ

Оскорбить любовью невозможно.
 наших дней осенний гололёд
 Очень часто объявляет ложным
 Всё, о чём мы знали наперёд.
 Захлебнувшись спелым листопадом,
 Мраморная статуя дрожит,
 Чтобы мы с тобой кленовым златом
 Наконец избавились от лжи.
 Ложь влюблённым – горькая микстура.
 Пусть рассветы холодом грозят.
 наших чувств не написать с природы,
 И любовью оскорбить нельзя.

Ночная мгла неторопливо
 Опять поет простую песню,
 Что началась, как подобает,
 От неизбежной ноты «до».
 И эти радостные звуки
 Пусть ловит юноша счастливый,
 Который по аллее мчится
 В своём распахнутом пальто.
 В раскрытых окнах замирают
 Раздоры, ссоры, разговоры,
 Успев кому-то показаться
 Наивной, детской игрой.

Аллея, а за нею город
 Некрепко спят об эту пору,
 Но их ничуть не потревожит
 Простая песня мглы ночной.
 Созвучий проще не бывает
 Но сочинитель неизвестный
 От нас с тобою непременно
 Аплодисменты заслужил.
 Какая чудная погода!
 Как хороша простая песня,
 Как счастлив тот, кого при жизни
 Наш громкий мир не оглушил.

Мне снова снится первоцвет,
 А это значит: рядом смерть.
 Ползет неслышно, как змея,
 Вот, только, знать бы, где и чья?
 Животный страх берет разгон,
 И я хватаю телефон,
 Все позабыв, сто раз на дню
 Друзьям и недругам звоню.

«Быть может, это только сон?» –
 Поет апрель со всех сторон
 И завязя первая уже
 Крепчает в кроне-шалаше.
 Вдруг раздается женский крик,
 Хрипит проклятья грузовик,
 В кювет летит бездомный пес...
 Ну, Слава Богу, обошлось...

Под желтым знаком полумесяца
 Растут оливы и смоковницы,
 И ночь в воде холодной плещется,
 Изнемогая от бессонницы.

А люди спят. Коротким отдыхом
 Вознаградив себя за хлопоты,
 И волны в золотистых сполохах
 О чем-то рассуждают шепотом.

Сон устраняет расстояния
И нас влечет тропею странной
От ожиданья к ожиданию,
Как от азана до азана.

Пусть зла не держит старый город,
Как зла не держит старый друг.
Всю ночь во сне я видел горы,
А, значит, мне пора на Юг.
Там, в синем облаке, как в ножнах
Кривого месяца клинок...
У тех, кто никому не должен,
Быть должен в этой жизни долг.

ОКТОБЕРФЕСТ

Богатый урожай
Ни в чем не знает меры,
И солнечная ржа
Преобразила скверы,
Взяла наперечет
В охапку каждый лучик,
И радугой течет
Из посветлевшей тучи.
Все жарче, все бойчей
Осенние пожары,
Все чаще у печей
Смеются браговары,
Румянцем на щеках
Встречая первый холод,

Бросают в облака
Горстями хмель и солод.
Пусть грохнет поздний гром
Всем бургерам на диво,
И проливным дождем
Пускай прольется пиво.
Пусть пенится простор,
Пускай ручьи запляшут
И понесутся с гор
В подставленные чаши.
На сотню миль окрест
В беспамятстве бессонном
Звени, Октоберфест,
Стекланным перезвоном.

Спозаранку плачет небо
От колючей, от простуды:
Время Севера отведать
Невеселым, серым людям,
Время пледов и каминов,
И галош старорежимных,
Время липкой, бурой глины
На колготках и штанинах.
Плачет дом окном печальным,
Что в соседстве с водостоком,
За окном потеет чайник,
Щеголяя серым боком,
И шитьем на серых пятаках
Проступают чьи-то лица...

Серым инеем пылятся
Бесконечные страницы.
Плачет кот на голой ветке
От тоски и от обиды,
У стареющей кокетки
Плачет зонт, выдавший виды,
Плачет тушь ресниц древесных,
Что моргают часто-часто:
Нынче ветер слишком резво
Гонит тучи серой масти.
Плачет день, осознавая,
Что на день он непохожий,
И дрожит воронья стая
В сером небе черной дрожью.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ

У Боровицкой башни ни души,
 И кто-то скажет: «Разве так бывает?»
 Бывает, если не спугнула жизнь
 Воскресных снов предутреннюю стаю.
 Холодный ветер звездами скрипит
 И гонит прочь с простуженного места,
 Но, если разобраться, и в степи
 Ему подчас бывает тоже тесно.
 Он бьет меня наотмашь под ребро,
 Как гопник ночью в темной подворотне,
 Но мне – плевать... От первого метро
 Я шел сюда пешком, чтоб все запомнить.
 И этот свет, и цвет, и пустоту,
 И на воде продрогших серых уток.
 Должно быть, им московскую мечту
 Найти помог утиный их рассудок.
 В ушах еще звучит дорожный звук,
 Ведь эту ночь порвал на лоскуты я,
 И для чего? Чтоб видеть наяву
 Гостиницу по имени «Россия».
 Я в это утро ехал из краев,
 Откуда мне не суждено уехать.
 Там серые вороны на Покров
 В садах воруют спелые орехи.
 Там в легких платьях девушки спешат
 По золотым коврам осенних парков,
 Там так легко и хорошо дышать,
 Хотя, порой, бывает очень жарко.
 А день воскресный тучами набряк,
 И, проклиная стылую столицу,
 Я молча пил из горлышка коньяк,
 Не в силах ни согреться, ни напиться.

Пыль на моих книгах,
 Соль на моем поле,
 Мой огненный ангел
 Носит на крыльях золу...
 Если идти некуда,
 Если незачем спорить,
 Мой огненный ангел
 Будет служить злу.
 Словно след от удара
 Ноет день отошедший,
 Мой огненный ангел
 Скван тяжелым сном.

Я в своем доме молча
 Переставляю вещи.
 Мой огненный ангел,
 Что же будет потом?
 Что же со мной станет,
 Если он не проснется,
 Мой огненный ангел
 Болью наполнит быль.
 Верить ли? Неужели!
 Встало над полем солнце.
 Мой огненный ангел
 С книги сметает пыль.

Черенные дождем	Гонять их под навес,
Покорно мокнут здания,	И донимать советами,
И слякоть за окном	Как покорять принцесс
Не ищет оправдания,	Кленовыми букетами.
Прощения не ждет,	От сырости разбух
Одно лишь зная точно:	Мой старый календарь, и я
Теперь ее черед	Учусь считать до двух.
Брести канавой сточной.	От первого гербария,
Дразнить учеников	От первого лото,
Своей нехитрой азбукой:	И первого пенала,
От луж и облаков	От первого: «Потом
До кашля и до насморка.	Я все начну сначала...»

Все, что было во мне хорошего,
Для тебя берегу с младенчества.
Приходи, забирай, ну что же ты?
Для начала возьми доверчивость.
И пускай она не ко времени,
Словно шаль из кладовки бабкиной.
Новый год без нее потерянный,
И конфеты совсем не сладкие.
Вот слеза над больной собакою,
Вот слеза над пустою мискою.
Так везет далеко не всякому,
Чтоб взрослеть, прозревать и выстоять.
Запах первых страниц прочитанных,
Старых карт на полу расстеленных,
Цвет земель никогда не виданных
И просторов никем не мерянных.
Нам не нужно быть осторожными –
Наши судьбы у нас в заложницах.
Забирай все, что есть хорошего,
И тогда оно преумножится.

Беслан ШИПШЕВ

«Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал», –
Сказал поэт, и так красиво,
Как будто сердцем написал.

Когда из сердца строчки льются,
Сердца пронзают у других.
Стихи в душе лишь создаются,
Сама любовь рождает их.

Любовь к Отчизне и народу,
Любовь к отцам и матерям,
К любимой женщине, к природе,
Иль просто к мудрости словам.

Стихи из сердца – вот свобода,
Которой шире не найти.
Порою выше небосвода,
Приходится за ней идти.

Свободы запах ощущая,
Рождаются стихи любви.
Как воздух, сердце наполняя,
Свободы ритм бьет в груди.

Творя стихи, поэт летает
До самой высоты небес.
В душе его всегда витает
То ангел, то коварный бес...

Водопад

Я был в плену у водопада,
Под струями его стоял.
И надо мной неслась громада,
Из чистых капель бурный шквал.

О, свежести поток холодный!
Ты – как язык могучих скал.
О, времени глоток свободный!
Ты с сердцем в унисон стучал.

Мой водопад, моя свобода,
Полет воды, полет души.
Всегда свое берет природа,
Не вечны в этом мире мы.

Едва успеем насладиться,
Короткий миг – и сразу ввысь...
И миг тот, что не возвратится,
Мы называем словом «жизнь»...

Хочу побыть под водопадом,
Как можно больше, как и все,
Чтоб только люди были рядом,
С которыми тепло в душе.

Мой водопад меня уносит,
В мир мыслей о своей судьбе.
А сердце воли полной просит,
Свободу требует во мне.

Тебе всецело доверяю,
Мой водопад, мой верный друг.
И в омут молча уплываю,
Повсюду лишь вода вокруг.

Как водопад, судьба проходит,
И жизнь, короткая, летит.
И время все с собой уносит,
И только память сохранит...

Лебединая верность

Как лебедь по воде скользит,
Так и она идет красиво.
О чем-то тихо говорит,
И улыбается игриво.

Движенья рук ее пластичны,
А взгляд наполнен чистотой.
И остальное все вторично
В сравненьи с этой красотой.

Запоминающийся образ,
Запавший в сердце навсегда.

И завораживает голос,
Который шепчет тихо: «Да».

Как лебедь, верностью привязан,
К своей любимой и родной,
За счастье это я судьбе обязан,
Что сердцем предан ей одной.

Красивой лебединой парой,
Мечтаю только с ней я быть.
Гитару струны делают гитарой,
Так без нее и мне не жить...

Душа на свободе

Прохладный дождь стучит по крыше,
Он запах свежести несет.
И звуки те, что я услышу,
Мне шум дождя произнесет.

Сквозь капли в даль смотрю я с
грустью,
Годам минувшим суть ищу.
Вздохну я молча, и отпустит –
Душе плохое ни к чему.

Как киноленту прогоняя,
Я в мыслях вижу жизнь свою.
Утихнет дождь, слезу роняя,
И сердцем внемлю я ему.

Приятно чувствовать прохладу
Холодных капель на щеках,

Осознавать, что в жизни надо,
Ведь эта жизнь в твоих руках.

Не так легко понять свободу,
Еще сложнее обрести.
Никто из нас не смотрит в воду,
И надо лишь вперед идти.

Суметь собраться, продолжая
Дорогу дальнюю нести.
Добиться, силы смысл зная,
Своей достичь в душе мечты.

Оставить сердце на свободе,
Открыть простор любви, добру,
Отдаться всей душой природе,
Взлететь до неба и достать звезды...

Тодур ЗАНЕТ,
гагаузский поэт, писатель,
драматург, фольклорист, режиссер,
сценарист, публицист

Возвращение в отчий дом

Говорю я дому «здравствуй»,
возвращаясь из долгих
странствий.

Двери распахни свои,
зря обиду не таи.

Не скрипи... и сам я вижу:
стала крыша твоя ниже –
не по силам тяжесть лет,
коль опоры должной нет.

Старики – отец и мать:
дом без сына не поднять.

Никудышной стала печь:

Не сварить в ней, не испечь...

В огороде – чья вина? –
лебеда и бузина.

Старой груше год от года
всё мучительней забота:
всё не знает, как ей быть –
для кого плоды растить?

Разлетелись кто куда
мы из отчего гнезда,
а родителям остались
одинокчество и старость...

Не таю своей вины я:
– Ничего, мои родные,
ждали сына своего –
я вернулся... Ничего.

В пояс дому поклонюсь,
помолчу, как поклонюсь.

Сердце дрогнет под рукой:
Всё! Отсюда – ни ногой!..

Человеку необходимо

Человеку необходимо,
чтобы мать у него была,
чтоб с надеждой выходила
на дорогу за край села,
чтоб верила и ждала.

Человеку необходимо,
чтобы был у него свой дом,
чтоб над крышей труба дымила,
чтоб стены хранили в нем
память светлую о былом.

Человеку необходимо,
чтобы жизнь его стороной
солнце вечное не обходило,
согревало порою оно,
когда холодно и темно.

Человеку необходимо,
чувство родины и корней,
ощущение связи единой
и былых, и грядущих дней
с беспокойной судьбой своей.

Перевод с гагаузского Виктора Чудина

Другу

В. Михалчану

Ты редко пишешь мне,
Так редко...
За окнами желтеют ветки.
В заботах ты?

Или забыл,
Кем для меня когда-то был?
Как изменились времена,
И не моя ли в том вина?..

И остается мне тревога.
Я жду, старея понемногу,
Я жду вестей,
Себя кляню.
Как будто, чувствую вину.

Дом

Когда ломают старый дом,
Что в сердце слышится твоим?
Здесь предок твой когда-то жил,
Приютом этим дорожил.
Так пусть хотя б одна стена

Спасется от забвенья.
Пусть вечно слушает она
Счастливых внуков пенье!
Когда ломают старый дом,
Что в сердце слышится твоим?

Сонет

Когда я шел с тобою рядом,
Казалось: вся земля поет,
Конец, я верил, не придет
Признаниям и нежным взглядам.
Была ты песней и отрадой,
Душа моя рвалась в полет.
Но, словно молния над садом,
Судьба сверкнула в свой черед.
И бесконечная дорога
Кривою улочкою стала,
Затерянной в глуши села.
И все звенят колокола.
И хочется вернуть начало
Той музыки, что в нас была...

Стоит сарай.
Квадраты стёкол-глаз
Устремлены, недвижные,
На нас.

А рядом пёс
В ночной тоскует мгле.

Прибита колом
Цепь его к земле.

Глазами пса
На яркий мир смотрю,
Цепь несвободы
Разорвать хочу.

Перевод с гагаузского Любови Фельдшер

Ночной любви сторожа

Занавеской осеннего дыма
Ночь затянулась кругом.
Стёрла погода на небе пустынном
Малой Медведицы дом.
Запах духов и осеннего дыма
Замерли вместе в твоих волосах.
Мы сражены уж стрелой Купидона –
Исчез без следа ожидания страх.
Все затянулось Кинжальным узлом –
Ласки, и судьбы, и тел единение.
На потолке ложились ковром
Узоры от ритмов сердцебиения...
Молчали в то утро все петухи,
И солнце взошло не спеша...
Нас приняли сны в объятья свои –
Ночной любви сторожа.

Авторский перевод с гагаузского

МОЙ КАВКАЗ

С почтением и любовью сына
Скажу: вы в сердце навсегда,
Как два крыла, чья суть едина, –
Балкария и Кабарда.

В могучем колосе Кавказа
Я только малое зерно.
Не нужно долгого рассказа –
Взгляни в открытое окно:
Увидишь белые вершины,
Над ними чистый небосвод,
И благодатные долины
В оправе быстротечных вод.

Здесь другом станет чужестранец, –
Радушно встретит всех Эльбрус.
Неповторим кавказский танец,
Незабываем хлеба вкус.
Улыбки, словно солнце юга,
Согреют радостью сердца.
И расцветет с приходом друга
Жилище деда и отца.

Летят небесные светила,
Заворожив земной простор,
И в тишине таится сила –
Раздумье величавых гор.
Благословен своей судьбою –
Кто видел это все хоть раз.
Люблю тебя, горжусь тобою,
Седой и праведный Кавказ.

С почтением и любовью сына,
Скажу: вы в сердце навсегда,
Как два крыла, чья суть едина, –
Балкария и Кабарда.

Зоя АФАШАГОВА

МАТЬ ЕСТЬ МАТЬ...

По пыльной, давно не видевшей дождя дороге мы с отцом ехали на велосипеде. Солнце пекло, от колес поднималась густая пыль и оседала на черных сапогах отца и на моих красных сандалиях, окрашивая их в серый цвет.

- Тебе не страшно, дочка? – беспокоился отец.
- Нет, папа, не страшно!
- Молодец, ничего не бойся! Мы скоро доедем.
- А тебе не страшно, папа?
- Нет, дочка!

– Мамадец, папа! Не бойся! Я буду держать тебя, чтобы ты не упал. – Я крепко обняла отца, и тут он не выдержал и громко рассмеялся.

- Ты – моя маленькая Маличипх! Ты вырастешь достойным человеком!

Жара была невыносимой, но вдалеке уже слышались глухие раскаты грома. Вскоре на дороге появились темные пятна от редких тяжелых капель. Капли участились, дождь прибил удушливое облако пыли. Разгоряченной головой и спиной я почувствовала освежающую прохладу.

А впереди, на обочине, нас уже поджидала Жанпаго – моя тетя. Радостно встретив, завела в дом, сняла с меня мокрую одежду, передела в сухую, которую папа взял с собой, просушила волосы и уложила в постель.

– Спи, моя девочка, спи, родная. Такая жара, а потом дождь, конечно же, ты устала. Спи, куколка... Как же вы добирались? – эти слова были обращены уже к моему отцу. – Ладно бы машина была...

– Не переживай, добрались, да еще и с шутками, с прибаутками. В общем, просьбу твою, сестра, я выполнил. Привез тебе ребенка, любите его, воспитывайте, заботьтесь...

– Ах ты, боже мой! Еще как буду любить, еще как заботиться! Ни за что не переживай.

– Тогда, Жанпаго, с сегодняшнего дня Залина – твоя дочка. Дай бог, чтобы вы приняли друг друга душой и сердцем. Ее мать не совсем довольна, но она все же мать, ее можно понять. Но за все в ответе ты и я, поэтому дай бог, чтобы мы не пожалели. Она еще дитя, ничего не понимает.

– Пусть бог наградит тебя. Люди говорят: «Если единокровная сестра довольна тобой, то удачной будет твоя дорога». Я очень тобой довольна, пусть любая дорога будет для тебя легкой. Пусть твои дети будут такими же счастливыми, какой ты сегодня сделал меня.

– Спасибо, сестра. Пусть с появлением этого ребенка в доме счастье придет к вам, – сказал папа и ушел.

Этот разговор, хоть я и не все в нем поняла, встревожил меня. А если вам интересно, что было дальше, слушайте.

Жанпаго была гармонисткой, все ее знали, ценили ее виртуозное владение инструментом, приглашали играть на свадьбах. И вот после одной

из таких свадеб пятнадцатилетнюю красавицу-гармонистку, вместо того чтобы отвести домой, умыкнули. Старшие семьи, в которой она оказалась, уладили дело миром, сделали все, чтобы успокоить девушку, сказали ей много красивых слов и уговорили остаться. Пять лет она прожила с мужем душа в душу. Но время шло, и его родители стали беспокоиться, что у молодой пары нет детей. Она решила обратиться к врачу. Обследование, к сожалению, показало, что Жанпаго никогда не сможет стать матерью. Видя, как переживает муж, как страдают его родные, она сама ушла из этой семьи.

Прошло еще какое-то время. К ней посватался разведенный бездетный пастух Даулет. Ему было почти сорок лет, и он тоже был бесплоден. Общей горе сблизило их, они стали супругами. Жили в любви и согласии, но и еще одно чувство сопровождало их на протяжении последующих десяти лет семейной жизни – зависть к тем, у кого есть дети. После долгих раздумий Жанпаго решила обратиться к одному из своих братьев и взять на воспитание его ребенка. Но кого из братьев можно было попросить об этом? Она провела еще немало бессонных ночей, прежде чем приблизилась к своей мечте.

Мне тогда было два годика, понятно, что рассказываю об этом со слов старших. Моя девятилетняя сестра, которая приглядывала за мной в тот день, отвлеклась по какой-то необходимости, и я упала с крыльца и осколком стекла рассекла левую щеку. Рана оказалась глубокой, меня положили в больницу, вместе с мамой, и нам пришлось провести там две-три недели.

Дня не проходило, чтобы нас не навещали Жанпаго и Даулет. Они приходили и к нам домой, справлялись о здоровье бабушки, о делах Андемиркана – моего отца. Однажды Жанпаго заговорила о наболевшем.

– Мы давно хотели поговорить с вами об этом, но никак не могли решиться. И если вы сейчас поймете нас и не осудите...

– Не волнуйся так, сестра, – сказал Андемиркан. – Спокойно объясни, в чем дело.

– Говори, дочка, что случилось? – попросила бабушка.

– Ничего страшного не случилось, мама. Вы и сами знаете, как у нас обстоят дела. Знаете, что мы не можем быть счастливыми, не имея детей... У меня есть три брата, нас всех родила одна мать. Но больше всех я люблю тебя, Андемиркан, поэтому с этой просьбой обращаюсь к тебе и Гуаше: отдайте мне Залину на воспитание. Пусть она будет мне дочкой. Родная кровь, она даже лицом на меня похожа...

В комнате установилась тишина. Даулет сидел, опустив голову, и ждал, что же ответит Андемиркан.

– Я бы не хотел, сестренка, чтобы ты даже день, даже минуту переживала по этому поводу, – сказал мой отец. – Но сейчас, без согласия матери девочки, я не могу решить этот вопрос. Давай дождемся, когда они выпишутся из больницы, и тогда я дам тебе ответ.

Даулет поднял голову и с жаром воскликнул:

– Клянусь тебе, Андемиркан, я буду любить этого ребенка, как своего собственного! Она ни в чем не будет нуждаться. Поговори с Гуашей, прошу тебя, подумайте и помогите нам.

– Гуаша не скажет ничего плохого. Разве они нам чужие? Не сомневаюсь, они достойно воспитают эту девочку, – сказала бабушка Хура, глядя на Андемиркана. – У вас еще трое детей остается. Дай бог им вырасти здоровыми.

Жанпаго поднялась со своего места.

– Спасибо тебе, мама, дай бог и тебе здоровья. Пусть Залиночка быстрее поправляется. А мы пойдем, пока не стемнело. Пусть всех твоих детей обойдут стороной несчастья. Пусть все плохое, что должно было случиться, закончится с падением Залины. Мы будем надеяться на положительный ответ.

– Дай бог, Андемиркан, чтобы ты увидел счастье твоих детей. До скорой встречи, – Даулет тоже встал и пожал на прощание руку Андемиркана.

– Дай бог, – ответила Хура. – Счастливого пути.

Недели через две после возвращения из больницы отец решил рассказать маме о просьбе Жанпаго и Даулета. Но как бы деликатно он ни говорил, мама все равно испугалась, когда узнала, в чем дело. Ей показалось, что меня у нее забирают насильно. «Отдать только что выздоровевшего ребенка золовке, которая к тому же мне много обидных слов сказала!» – мама всем своим видом дала понять, как она возмущена этим разговором, и вышла из комнаты. Так они спорили больше двух месяцев. Отцу это надоело, и он решил положить конец всем разговорам:

– Гуаша, во-первых, если ты мать этому ребенку, то я – отец. Во-вторых, мы отдаем ее не чужим людям, а моей родной сестре и зятю. В-третьих, я дал им слово, они надеются на меня и ждут. Я никогда не нарушал своего слова и впредь не собираюсь этого делать. И ты это прекрасно знаешь. Так вот, дорогая, будет лучше, если мы по-хорошему решим этот вопрос. Подумай и соглашайся.

Мама промолчала, она знала, что отец не уступит. Потом уединилась и долго плакала, а перед сном нежно погладила меня по голове и пошла спать. На следующее утро она не вышла на работу, ходила по дому молчаливая и очень грустная. Когда же проснулся папа, он попросил бабушку Хуру собрать все мои вещи, одеть меня и покормить. Бабушка все сделала. Папа повесил на руль велосипеда сумку с вещами, привязал к раме маленькую подушку, на которую меня посадили. Мы с папой обвязались широким ремнем, бабушка на прощанье погладила меня по голове своей высохшей от времени рукой, и мы пустились в путь. Вот так началась эта неприятная история.

Переодетая в сухую одежду, я спала в доме Жанпаго, которая теперь должна была стать для меня матерью. Она вошла в комнату и тихо позвала:

– Залина, Залиночка, просыпайся. Ты ничего не ела с тех пор, как приехала, девочка моя. Нужно поесть. Пойдем, куколка. Мы сейчас с тобой очень вкусно поедем. – Взяла меня за руку и повела на кухню. Там сначала привела мои волосы в порядок, расчесала и заплела в косички. Покормила, поела сама, потом мы сидели во дворе, и она рассказывала мне интересные сказки.

Вскоре я подружилась с соседской девочкой Саихат. Она стала заходить к нам, но меня к ним домой не пускали. «Ты еще никого из них не знаешь, Залина. Потерпи, пройдет время, и ты тоже будешь к ним ходить», – говорила Жанпаго. Я могла играть только с этой девочкой, она была нашей ближайшей соседкой. Дома здесь стояли довольно далеко один от другого: чей-то выше по течению, чей-то ниже, чей-то у подножья горы, а еще на самом берегу реки.

Даулет был пастухом, поэтому часто оставался на отгонных пастбищах. Два-три раза в месяц возвращался домой. Нет слов, чтобы описать радость, которую он испытал, вернувшись и увидев меня. Я долго сидела у него на коленях, а он гладил меня по голове, целовал в щечку, на которой остался шрам от пореза, тайком утирал свои слезы и не уставал повторять:

– Дай бог счастья этому ребенку, который вошел в наш дом. Андемиркан сдержал слово, понял нас, нашу тоску. Пусть все его дети будут счастливыми. Дай бог ему здоровья и многих лет жизни.

– Дай бог, Даулет. Андемиркан честный и добросердечный человек. Он не похож на остальных моих братьев, поэтому я и обратилась именно к нему.

– Маленькая моя, солнышко мое, – Даулет убаюкивал меня. Он был человеком мягким, добрым. Побыл с нами с неделю, а затем вернулся на пастбища.

Время шло, мне исполнилось четыре года. Больше всего мне не хватало товарищей по играм и игрушек. На стене висела большая кукла.

– Мама, пожалуйста, сними мне эту куклу. Я хочу с ней немного поиграть. Я ее не сломаю. Я буду очень осторожна.

– Нет, Залина. Она слишком большая для тебя. Она тебе не нужна, – коротко отрезала она.

Через несколько дней я снова попросила поиграть с куклой, но она накричала на меня и сказала, что не даст. Я испугалась и больше о кукле не заикалась.

Как-то вечером к нам в гости пришла Хитхан – сестра Жанпаго. Та приняла ее очень радушно. Сидели до позднего вечера, потом все отправились спать. Утром же, когда проснулась, я услышала, как они, смеясь, готовят на кухне. Я лежала и смотрела на куклу. Очень хотелось с ней поиграть. И я решила ее снять, пока никто не видит. Встала на кровати, обхватила куклу двумя руками и потянула вниз. Не получилось. Снова потянула. Получилось! Но в ту же секунду паучок, который жил на спине куклы, прыгнул мне на руку, заполз под сорочку и побежал по голой коже. Я испугалась до смерти и начала кричать. Страшно было так, что даже пошевелиться не могла. Перепуганные сестры прибежали ко мне в комнату.

– Что случилось, Залиночка? – спросила Хитхан.

– Что с тобой?! Что тебя так напугало? Почему молчишь? – вторила ей Жанпаго. Но я была так напугана, что ответить ничего не могла.

Хитхан взяла меня на руки, посадила на колени. Я понемногу успокоилась и рассказала им и про куклу, и про паучка.

– Ах, вот в чем дело! Сколько раз я тебе говорила, что нельзя брать

куклу! Так тебе и надо, если не понимаешь! Следующий раз будешь слушаться.

Вмешалась Хитхан:

– Перестань, видишь, как она напугана. Это же ребенок. Она просто хотела поиграть с куклой. Разве мы сами не играли в куклы, пока не вышли замуж? Ей еще нет и пяти лет. Зачем тебе нужна старая кукла, если эта девочка, которую ты выпросила, не будет с ней играть? Неужели ты сама не могла снять ей эту куклу? А если не хочешь, почему не купишь другую? Ради бога, скажи, для чего ты ее хранишь, если не для того, чтобы с ней играл ребенок? – сердито говорила она сестре.

Я, хоть и успокоилась немного, но все еще продолжала плакать и трястись, думая, что паук еще на мне.

– Ты гостья, так веди себя как гостя и не зли меня! И молчи!

– Ай-ай-ай, сестра. Не знала я, что ты так бессердечна к этой девочке. Бог поэтому и не дал тебе детей. На месте Андемиркана и Гуаши я бы ни на час не оставила тебе своего ребенка! – Хитхан обиделась и стала собираться. Перед уходом приласкала меня, взяла сумку и, толком не попрощавшись с сестрой, ушла.

Я боялась Жанпаго. Тихо оделась, умылась. Но она не сказала ни слова, молча взяла куклу и повесила ее на место.

Наша соседка Саихат больше к нам не приходила. И меня к ней не пускали. Однажды, когда мне стало очень скучно, я без спросу ушла к другим соседям. Жанпаго пришла с прутиком в руках и пригнала меня домой, приговаривая: «Пойдешь еще, бессовестная! Взяла привычку!» Повторяя это, она била меня прутиком по ногам.

Как-то раз я увидела через забор, что Саихат с мамой и с братом заходят в свой двор. У нее в руках была красная гармошка. Подружка тоже заметила меня и крикнула:

– Залина, а мне гармошку купили! Хочешь, приходи к нам, я дам тебе поиграть.

Я – бегом к матери, которая сидит во дворе и сплетает луковицы.

– Мама, мама! Пожалуйста, купи мне маленькую гармошку. Хорошо, мама, купишь?

– Хорошо, хорошо. Куплю.

– Давай завтра пойдем. Ладно, мама?

– У нас сейчас нет денег. Вот папа вернется, мы возьмем у него и купим.

Хоть она и пообещала, но так и не купила, и даже не вспоминала о этом. А я плакала, когда слышала, как Саихат играет на своей гармошке. Я стучала пальчиками по краешку ступеньки, представляя себе, как будто играю, а мелодию напевала.

Если не давать ребенку то, что он сильно хочет, то не стоит удивляться, что он сделает что-то нехорошее. Например, мне пришлось в голову: когда мамы не будет дома, а Саихат с родными будут в саду, взять ее гармошку, принести к нам и тайком поиграть немного. Потом тихо отнесу обратно, пока никто не видит. И вот все складывается так, как мне нужно. Я тихо иду к Саихат, захожу в дом, беру гармошку, которая лежит на кровати, и, никем

не замеченная, возвращаюсь домой. Я долго любовалась инструментом: клавишами, золотистыми мехами, блестящими металлическими накладками. Вдоволь наигравшись, я незаметно отнесла гармошку обратно. Как у меня поднялось настроение. Казалось, мне на самом деле ее купили! Я была счастлива.

После месячного отсутствия вернулся отец. Он приехал на подводе, запряженной волами. Я радостно выбежала ему навстречу.

– Папа, папа! Смотри, как я выросла.

– Ух ты! И вправду выросла, пока я тебя не видел! – он поднял меня и покружил.

Я наклонилась, чтобы волосы касались земли, и сказала:

– А смотри, какие у меня длинные волосы, папа.

Папа, распрягая волов, посмотрел.

– Тьфу-тьфу! Какие красивые и длинные у тебя волосы! – взял меня за руку и повел в дом.

Папа Даулет очень меня любил, и я всегда с нетерпением его ждала. Грустила, когда он уезжал на пастбища. А Жанпаго была красивой и умной женщиной, и готовила она лучше всех. Не забывала своих родственников, часто навещала их. Наверное, из-за того что у нее не было родных детей, она меня не любила. Если быть точнее – она не чувствовала детей, не знала, что им нужно. Не понимала, что важно для меня. Для матери ребенок – это ее плоть и кровь, это все для нее, она может пожертвовать всем ради своего ребенка, она каждый день молится за него. Но я не была дочерью Жанпаго. Она не стала мне матерью и не могла почувствовать, что это такое. У нее никогда не болело сердце за меня. Я для нее была вещью, к которой не надо было проявлять сострадания. А разве не должна женщина, назвавшая себя матерью, быть ласковой. Только чувствуя материнскую любовь, ребенок начинает любить своих родных, братьев и сестер, людей, мир вокруг. Только в родительской любви ребенок растет счастливым.

Как-то раз, когда мой папа Даулет был дома, они решили разобрать сапетку с подгнившими прутьями. Негодные пруттики ломали на мелкие части и складывали отдельно. Я стояла рядом и наблюдала. Тут мама Жанпаго говорит мне:

– Залина, а ты будешь носить разломанные пруттики на кухню и складывать возле печки.

Я с удовольствием принялась за работу. Когда отнесла три-четыре охапки, заметила, что они загорелись, и из кухни повалил дым. Перепугавшись, я закричала: «Папа, папа! Прутики загорелись. Пожар!» Они бегом бросились тушить. Когда с огнем справились, я увидела, как Жанпаго с тоненьким прутиком в руках идет в мою сторону.

– Ах ты собачье отродье! Мы чуть не сгорели из-за тебя!

Даулет быстро подхватил меня на руки.

– Клянусь, я не дам тебе ударить ребенка! Она же не нарочно! Ты сама виновата. Тебе самой нужно было показать, куда именно класть прутья. Уйди, я сказал!

– Клянусь богом, я не уйду, пока ее хотя бы один раз не ударю. Я ведь сказала, куда сложить.

– Успокойся! Разошлась тут! – снова прикрикнул на нее Даулет.

Жанпаго отступила. Села на маленький стульчик во дворе. Папа, устав держать меня на руках, тоже сел на табуретку. Я боялась даже смотреть в сторону Жанпаго, а Даулет гладил меня по голове и приговаривал:

– Залина – умная девочка. Она всегда быстро выполняет все поручения. Столько прутьев она перенесла. Я знаю, Жанпаго, что Залина станет очень хорошей, самой лучшей. Правда, моя девочка?

Слова отца успокоили меня. Потом взрослые поднялись и снова принялись за работу. И я стала складывать прутья там, где мне показали.

Наступила зима. Играть на улице было нельзя из-за холода. Мне было очень скучно. Я сидела и часами смотрела на узоры, которыми мороз разрисовал наши окна, или на кружившийся в воздухе и бесшумно падавший на землю снег. Иногда в окошко было видно, как соседские дети катаются на деревянных санках. Кто бы меня покатал, и где мне найти санки. Никому не было до меня дела.

Однажды мне от скуки пришло в голову сшить платье и рубашечку для большой куклы, которую мне не дали. Ткани у меня не было, и я решила отрезать куски от юбки Жанпаго. Раскроила и сшила, как смогла. И вот я кладу на кровать подобие юбки и рубашки. Жду, когда вернется Жанпаго, чтобы примерить кукле обновку. Она входит в комнату. Надеюсь на похвалу, я показываю свою работу и прошу снять куклу. Мама смотрит на новый наряд для куклы и глазами начинает искать свою юбку. Когда же находит ее, изрезанную, на моей кровати, хватает меня и начинает бить.

– Ах ты дрянная девочка! Ты что наделала? Ты зачем мою юбку изрезала? Будешь еще так делать? Будешь?!

Я плакала от боли. В доме защитить меня было некому. У меня носом пошла кровь. Не помня себя, я кричу: «Да, да!»

– «Да» говоришь? – удары стали еще сильнее. Кровь текла ручьем, а она била меня по лицу, рукам, всему телу. От сильной боли я начинаю понимать, что ответила неправильно. Кричу: «Нет, нет!» Мне с самого начала казалось, что я сказала «нет». Она перестала меня бить, подняла голову и увидела выходящую из наших ворот Гуашнашхо – мать Саихат. Та, видимо, дошла до коридора, услышала, что меня бьют, и решила уйти.

– Ах, чтоб тебя! Подслушала нас и ушла. Теперь всему свету разнесет, что я тебя бью. И приврет с три короба. Сплетница! Чтоб ты оглохла! Черт тебя подери!

От побоев и вида собственной крови я упала в обморок. И лицо, и вся одежда были в крови. Жанпаго быстро принесла тазик, кувшин с водой и умыла меня. Я снова потеряла сознание. Смутно помню, что было потом. Утром следующего дня я проснулась с головной болью, отекившим лицом и вся в синяках.

Перепуганная Жанпаго не выходила на улицу, если кто-то стучался в ворота. Если кто-то доходил до крыльца, она заводила пришедшего в другую комнату и говорила: «Залина спит. Захворала малость. Будет лучше, если мы не будем ее тревожить».

Она же могла просто отругать меня или по-хорошему сказать, что

можно, а что нельзя делать. Но я ведь ей не родная, с чего ей меня жалеть! Я для нее была вещью. Хотя – нет, к вещи относятся бережно. Я не могла есть, совсем обессилела. Ко времени, когда Даулет вернулся с пастбищ, я понемногу пришла в себя, окрепла, на мне уже не было синяков. Но я не помчалась, как обычно, с радостным криком ему навстречу, мне было очень грустно.

– Что случилось с этим ребенком? Почему она такая бледная, грустная? Раньше она бежала ко мне со всех ног, обнимала, весело щебетала.

Он присел на корточки, обнял меня, посмотрел в лицо и спросил:

– Девочка моя, что с тобой случилось?

– Она кашляла немного, – ответила за меня Жанпаго. – Вроде горлышко у нее болело, температура была. Поэтому и настроения нет.

– Это так, маленькая? Нельзя кушать снег...

Услышав ласковые слова, я не выдержал и начала плакать навзрыд. Я боялась рассказать правду.

– Не плачь, маленькая! Больше не ешь снег, хорошо?

Я успокоилась. Отец посадил меня на колени, и скоро я сладко заснула. Потом он отнес меня на кровать и укрыл теплым одеялом.

Даулет задержался из-за меня на пару дней. Следил, чтобы я была тепло одета, играл со мной во дворе. Убедившись, что я повеселела, он уехал на пастбища. Помню, как я кричала ему вслед: «Папа, папа, возьми меня с собой!»

Наступила весна. Жанпаго граблями собирала прошлогоднюю листву, а я собирала камни и кучкой складывала их в стороне. Однажды к нам пришел младший брат моего родного отца – Каралбий. Жанпаго накормила его, а когда он отдохнул немного, спросила:

– Что нового у вас? Все ли здоровы?

– Все, слава богу, здоровы, да вот только Андемиркана арестовали. Его обвинили в какой-то мелочи и посадили за решетку.

Жанпаго выставила меня из кухни, и дальше они говорили сами. Наверное, говорили и обо мне, потому что, прощаясь, уже в дверях, Каралбий посмотрел в мою сторону и сказал:

– Она не годится тебе в дочери, ты не сможешь ее воспитать, Жанпаго. Отвези к матери и отдай обратно, пока нет Андемиркана.

В пятьдесят шестом году началось возвращение из высылки балкарцев. И кабардинцы, жившие в Кенделене, стали переезжать в Заюково. Им всем выделили участки, и люди занялись строительством. Куда не глянь, повсюду делали саманные кирпичи. Ну и мы тоже. Сначала построили домик, где можно было готовить и спать, потом потихоньку, в меру сил и средств, возводили большой дом. Мне тогда шел седьмой год.

Однажды к нам пришли две женщины, составившие списки детей школьного возраста. Меня тоже вписали – в сентябре я должна была пойти в первый класс. После того как они ушли, а это были школьные учительницы, мы отправились на праздник к родственнице моей родной матери Гуаши. Людей было много, шум, веселье. И вот, когда я осталась одна в какой-то комнате, ко мне подошла незнакомая женщина и тихо спросила:

– Залина, ты знаешь, кто твоя настоящая мама?

Я молчала, не зная, что сказать.

– Не бойся, ответь мне, дорогая...

Мне вдруг стало страшно, на глазах выступили слезы. Женщина, заметив это, погладила меня по голове, дала конфет, баранок. В комнату вошла еще одна женщина – очень красивая, с большой чашей пасты. Увидев меня, ласково улыбнулась. Затем подошла и крепко обняла. Слезы потекли по ее щеке.

– Вот, Залина, твоя настоящая мама, – осторожно сказала первая женщина. – И ты обними ее. Жанпаго не мать тебе, – добавила она и поспешно оставила комнату.

А мама принялась нарезать пасту. Я следила за каждым ее движением, и она посматривала на меня и улыбалась.

Праздник закончился, мы вернулись домой. Но все мои мысли теперь были об этой красивой женщине. Я не знала, что мне делать, в моем сердце снова проснулась любовь к матери, и это чувство приводило меня в смятение. Так прошло два месяца, и однажды я заметила, как по улице, мимо наших ворот прошла черная лошадь в белых «носочках». Я позвала ее, потом побежала следом. Пытаясь догнать ее, я убежала довольно далеко от дома. Даже и не думала о том, что надо остановиться, что меня будут ругать. Чувство беспричинной радости увлекало меня. Когда устала немного, замедлила шаг. Теперь я была очень далеко от дома Жанпаго. А дом моей настоящей матери – совсем рядом. Я остановилась в нерешительности. Что делать? Если вернусь – Жанпаго меня накажет. А если пойти к маме, к настоящей? Она хороший человек, она не даст меня в обиду. Решено, я иду к ней!

Душа прыгала от счастья, но ноги тряслись. Остановилась перед домом своей родной матери. Назад дороги нет. Вошла. Во дворе все – и моя родная мать, и бабушка, и братья, и сестры. Они смотрели, не веря своим глазам. Мама Гуаша подбежала ко мне.

– Ты одна, Залина?

– Да, одна.

– Как же тебе отпустили одну? Или ты пришла без спроса? – спросила бабушка.

– Без спроса. Я побежала за лошадью, увидела ваши ворота и зашла. А домой идти боюсь...

– Чего ты так испугалась, Залина? – спросила мама Гуаша.

– Мама Жанпаго очень сильно бьет меня, до крови. Я не хочу возвращаться. Разве не ты моя мама? Не отправляй меня обратно, пожалуйста...

Мама заплакала, и тогда бабушка Хура сказала:

– Уже темно. Да и некому ее сейчас вести домой. Пусть переночует здесь. А утром они сами за ней придут. Иди, покорми ее, пусть с ребятами поиграет.

Я была не голодна, поэтому сразу пошла играть. Вечером мама всех нас покормила и уложила спать. Задержалась возле меня, нежно поцеловала в лоб, убрала непослушную прядь с лица. Потом провела пальцем по шраму на щеке и спросила:

– Так больно, Залина?

– Нет, не больно, – ответила я, вспомнив, сколько раз меня била по лицу Жанпаго.

– Спи тогда, ни о чем не переживай, девочка моя. – Она укрыла меня теплым одеялом и погасила свет.

Не знаю, сколько я спала, но проснулась с криком, потому что кто-то царапал и кусал меня. Гуаша включила свет и подбежала ко мне.

– Залина, почему ты плачешь? Тебе плохой сон приснился?..

Оказалось, в моих волосах запутались два огромных жука. Чтобы не напугать меня, мама, ничего больше не сказав, взяла полотенце, сняла их и выкинула в окно. Затем зеленой обработала царапины на голове, повязала платком, взяла меня на руки и стала убаюкивать. Я чувствовала, что она тихо плачет. Мамины слезы, капавшие мне на щеку, напомнили о том дне, когда мы с папой ехали на велосипеде к Жанпаго и на нас капал дождь. Мне было хорошо и уютно у Гуаши на руках. С Жанпаго я никогда не испытывала такого.

– Девочка моя маленькая, – все больше расстраивалась мама, – сколько же тебе пришлось пережить: в годик ты чуть не умерла из-за болезни, в два года порезала щеку. После всего этого, без моего согласия, тебя отдали Жанпаго. И там тебе пришлось намучиться. Не переживай, Залина, я скоро заберу тебя. Только никому об этом не говори.

Поздно вечером пришел Мухамед – старший сын брата Андемиркана, который разыскивал меня. Ему сказали, что я здесь, и отправили назад, передать, что со мной все в порядке. Утром Гуаша ушла на работу. Она предпочла не встречаться с Жанпаго. А та отвела меня домой и сразу начала кричать:

– Бессовестная! Как ты смогла, не побоявшись меня, уйти так далеко? Что, твоя мать сказала, что заберет тебя? Думаешь, она тебя очень любит? Да ей просто служанка нужна. Я тебе ноги перебью этой палкой, если еще раз уйдешь!

Палку, которой угрожала мне, она поставила за дверь, а я, обрадованная, что в этот раз обошлось без побоев, шмыгнула в дом.

Пришла пора идти в школу, Жанпаго повязала мне красный бант и проводила до школьного двора. Там первоклассников встретила учительница Маира, познакомила со старшими учениками, завела в класс, рассадил по партам. Нам и нашим мамам объяснили, во сколько нужно приходиться и что необходимо для занятий.

На следующий день я пошла в школу без Жанпаго, но с какой-то старшеклассницей. А вскоре, когда запомнила дорогу, стала возвращаться с одноклассницей: сначала до их дома, потом через их сад попадала в наш. Иногда ходила сама. Однажды, заблудившись в густом тумане, попала не в наш сад, а в чужой. Я долго плутала, замерзла, устала и только к вечеру смогла добраться до дома. Во дворе сидела Жанпаго с родственницей моей матери Цацей. Она гадала на картах. Сердце мое сжалось от страха. Жанпаго сорвала с меня школьный ранец, усадила на стул и крикнула: «Давай, ешь!» Я сдерживала слезы, потому что знала – если заплачу, она меня ударит. Ком

стоял в горле от обиды, я не могла проглотить ни крошки. «Мать», заметив, что я не ем, вlepила мне пощечину. Тут я не выдержала и заплакала. Цаца, видя все это, рассердилась.

– Да как ты можешь быть такой жестокой к этому несчастному ребенку?! Ты ее для того выпросила, чтобы избивать? Если ты пожалела, что взяла ее, отдай настоящей матери. А если так переживала за нее, почему не вышла навстречу? Так бы поступила любая мать. Хочешь, обижайся, но она не твоя плоть и кровь, поэтому ты ее и не жалеешь. Я в этом сейчас убедилась. – Цаца продолжала, уже смягчив тон и обращаясь ко мне: – Не плачь, Залиночка, не плачь, лучше покушай. Вот тебе теплый пирожок, мягкий сыр. Все очень вкусно...

Если бы не она, у меня в тот вечер сердце бы разорвалось. Я стала бояться Жанпаго еще больше.

«Не переживай, я скоро заберу тебя. Залиночка, потерпи еще немного», – мамины слова, обнадеживая, звучали у меня в ушах.

Жанпаго не особо следила за моей одеждой, за тем, в каком виде я хожу в школу. Голову мыла редко. Я сама, как могла, расчесывалась, кое-как заплетала волосы. Иногда повязывала голову косынкой, как бабушки, и так отправлялась на занятия. Очень часто, когда я собиралась в школу, Жанпаго в доме не было.

А между тем возмущенная Цаца рассказала Гуаше все, что видела своими глазами.

– Пока она не покалечила твоего ребенка, – советовала матери, – пока нет Андемиркана, заведи ее. Верни девочку, Гуаша, пока не поздно. Ее там очень обижают. Жанпаго никогда не станет ей хорошей матерью. Ты пойди в школу, посмотри, во что она одета. Чем она хуже других твоих детей. Подумай, дорогая, не тяни. Если не прямо сегодня, то завтра заведи ее. Мучается ребенок.

– Спасибо тебе, Цаца. Я все поняла. Так и сделаю. Да продлит Аллах твою жизнь за твое участие ко мне.

После двух уроков мы выскочили во двор на перемену. И сразу я увидела маму, идущую в нашу сторону. Бросилась со всех ног навстречу. Она обняла меня, расцеловала. Слезы счастья на лице...

– Я пришла забрать тебя, Залина.

– Забрать? И я больше не вернусь к Жанпаго?

– Не вернешься. Я тебя забираю навсегда. Прямо сейчас, – мама целовала меня и плакала.

– Ведь ты же моя настоящая мама, Гуаша?

– Я твоя мама, Залина. Я! Я больше никому тебя не отдам, никогда! А сейчас надо переговорить с твоей учительницей, и мы пойдем к Жанпаго.

Дома мы застали только Даулета. Он приветливо улыбнулся Гуаше, крепко обнял меня, предложил маме присесть, спросил о здоровье, а потом сказал:

– Жанпаго скоро должна вернуться. Придет и сделает все, как положено, для встречи дорогих гостей.

– Нет, нет, спасибо. Я пришла к вам не в гости, Даулет. Я пришла

забрать своего ребенка, которому так плохо с вами.

– Подожди, Гуаша. Жанпаго вернется...

– Хотя это и моя дочь, ее забрали без моего согласия. Я еле пережила это решение Андемиркана. Но Залина – не дочь Жанпаго, и поэтому для твоей жены не станет ударом, если я сейчас заберу ее, – решительно говорила мама. – Покричит, поворчит и успокоится. Ты не знаешь всего, Даулет. Ты работаешь в поле, месяцами не бываешь дома. Многие люди говорили мне, что Жанпаго избивает девочку. И я молю бога, чтобы он никогда не простил ей этого. Мы не навязывали, вы сами выпросили нашу дочь. Посмотри на нее, Даулет. Во что она одета? Неужели Жанпаго не может умыть, одеть, обуть одного ребенка? Зачем тогда взялась за это? Я была сегодня в школе. Неприглядней Залины там никого нет. И еще, сегодня ведь не было дождя, даже не моросило. Так почему она пошла в школу в резиновых ботах? У нее нет туфель? Вы опозорили себя, Даулет. А если бы у вас было двое, трое детей...

Папа Даулет сидел очень грустный, опустив глаза, и я переживала за него. Но радость от того, что я ухожу, взяла верх. Мама передела меня в новые вещи, которые принесла с собой, расчесала мне волосы, вплела в них большой белый бант. А еще я надела новые красные туфельки. Меня было просто не узнать! На прощанье я обняла Даулета крепко-крепко. Нагруженной шершавой ладонью он погладил меня по голове. Поцеловал в лоб, щеки. У него на глазах появились слезы.

– Девочка моя милая, я так буду по тебе скучать. Но я буду навещать тебя. Дай бог тебе здоровья и счастья. – Даулет вытер слезы и продолжал: – Этого ребенка я люблю как своего родного. Если бы мог, не позволил увести ее. Но, как бы то ни было, я очень доволен тобой, Гуаша. Я никогда не видел и не слышал от тебя ничего плохого. Ты хорошая, терпеливая женщина. Дай бог тебе увидеть счастье твоих детей. И Андемиркан пусть вернется к вам поскорее.

Мы попрощались и пошли. Немного пройдя, я оглянулась. Даулет смотрел нам вслед, его обветренное лицо было печально, в добрых зеленых глазах стояли слезы. Мне стало жаль его. Я побежала назад, крепко обняла его, поцеловала и своими маленькими руками утерла ему слезы.

– Доброго пути, родная. Дай бог тебе счастья.

Я тоже заплакала. Он еще долго смотрел нам вслед, иногда махая своей большой рукой.

Мне было семь с половиной лет, когда я вернулась в семью, из которой меня забрали пять лет назад. Весь мир мне казался раем. Меня все любили, дети играли со мной. Мне казалось, что даже птички радуются за меня, потому что теперь все мои друзья. Но иногда мое сердце холодело от страха – я не могла поверить, что я у своей родной матери. Мое сердце замирало, словно в тисках. Когда мой отец привез меня к Жанпаго, шрам, который у меня был на щеке, оказался все лишь маленькой царапиной по сравнению с тем шрамом на сердце, который оставила она за пять лет жизни с ней.

Мать есть мать, с ней никто не сравнится.

Владимир САРИШВИЛИ,
координатор по международным
связям Союза писателей Грузии

Путеводная звезда Салиха Гуртуева

«Я прочитал ряд образцов лирики Салиха Гуртуева, и представление о его творчестве сформировалось как-то само собой. Это – лирика мудрого сердца, исколотого страданием, но не озлобленного несправедливостью и нелепостью окружающего нас мира. Голос его Музы негромок, но этот голос явственно различим даже в звоне литавр и среди громахания пустых бочек так называемых новаторских откровений.

*Не знай, мой милый, жажды
Перекричать других.
Кто хочет, тот однажды
Поймет тебя, Салих!*

Нас, грузинских писателей, с балкарскими литераторами связывают давние, можно сказать, вековые узы дружбы и творческого сотрудничества. Но мы не сделали для балкарской культуры и малой доли того, что сделал для Грузии один из лучших балкарских поэтов Салих Гуртуев. Он принес в дар перевод на балкарский язык священной книги нашего народа – «Витязя в тигровой шкуре». И, как отмечал еще 30 лет назад выдающийся поэт Кайсын Кулиев, «перевод Салиха я считаю вкладом в нашу культуру, событием в ее развитии. Такая работа требовала от поэта не только незаурядного дарования, но и такого же трудолюбия, усидчивости, дисциплины, знаний. Кроме того, книга переведена размером подлинника – шаири. Эго удавалось далеко не всем переводчикам. Поэт взял на себя большую ответственность, решив переводить Руставели, но, по моему, труднейшая задача решена успешно».

Не рискуя ошибиться, выражу общее мнение: подобные встречи в наш век разобщенности стран, народов, даже родственников и старых друзей, выполняют созидательную функцию – они служат добру и свету. Нам сегодня особенно необходимо единство – в условиях утраты морали, в эпоху предания забвению идеалов рыцарства. И, уверен, наше сегодняшнее собрание, центральной фигурой которого является господин Салих – это пусть и не грандиозный по масштабам, но твердый и достойный ответ на темные вызовы нашей эпохи».

...Я позволил себе начать рассказ о творческом вечере Салиха Гуртуева в Зеркальном зале Дворца учащейся молодежи со своего

приветственного слова, потому что проникся обаянием поэтического дара балкарского поэта. И не сразу и вдруг, а вчитываясь в его стихотворения, когда помогал вникать в русские тексты переводчице на грузинский язык лирики Салиха Гуртуева, председателю Союза писателей Грузии Маквале Гонашвили.

На вечере Салиха Гуртуева узнаваемых лиц было много – собравшиеся представляли те или иные сферы искусства и науки. А главным организатором выступил президент «Фонда Кавказа», председатель Комиссии по научному сотрудничеству со странами Кавказа АН Грузии, профессор Гиви Гамбашидзе. В своем вступительном слове он подчеркнул, что сегодня мы встречаемся с одним из ярких представителей кавказской культуры, кавказской цивилизации, к которой принадлежат все здесь собравшиеся. А эту культуру, с ее благородными традициями гостеприимства и братства, не поколеблют никакие веяния глобализации.

Мой старший брат Салих Гуртуев – автор более 20 сборников стихов, эссе, пронизанных любовью к Кавказу, его духу и плоти... И особое место в его сердце занимает любовь к Грузии. Любовь эта была неоднократно подтверждена славными делами: в конце 1970-х вышло первое издание «Витязя в тигровой шкуре» в переводе Салиха, в 1981 году – второе, и в 1992-м – третье издание бессмертной поэмы Шота Руставели в переводе на балкарский язык, причем переиздания осуществлялись по просьбе читателей – об этом свидетельствуют письма в редакции Налъчика. Салих Гуртуев – один из тех великих тружеников и одаренных поэтов, кто воплотил в жизнь слова академика Нико Бердзенишвили, сказанные о «Витязе»: «Поэма Руставели – порождение грузинской культуры. Но одновременно это и порождение культуры всего Кавказа, потому что Кавказ живет и будет жить теми нравственными принципами, которые заложены в основу этого произведения». Благодаря давней и трогательной дружбе Салиха Гуртуева с председателем СП Грузии Маквалой Гонашвили родилась и воплощается в жизнь другая масштабная идея – вот уже много лет господин Салих работает над созданием антологии грузинской поэзии на балкарском языке, и работа эта близится к завершению, – сообщил профессор Гамбашидзе.

Маквала Гонашвили выступила на вечере и как автор грузинского перевода книги лирики Салиха Гуртуева «Мой Кавказ», которая была презентована всем присутствующим на вечере. И в первом же стихотворении книги, «Мой вопрос к поэзии», отображено жизненное и творческое кредо Салиха Гуртуева:

*Но только правда без прикрас и грима
Должна быть путеводною звездою
Для каждого, кто на моих скрижалях
Надеется и свой оставить росчерк*

*Нет правды – грош цена любым изыскам,
Нет правды – нет гармонии в помине,*

*Боишься правды – чистый лист бумаги
Не оскверняй напрасными словами.*

Известный широкому кругу читателей балкарский поэт, переводчик, общественный деятель, давний член СП России Салих Гуртуев родился в 1938 году. Школу окончил в Средней Азии, в годы ссылки туда балкарского народа, и мировоззрение его сформировалось в условиях жесточайшего ограничения в правах. После возвращения из ссылки в 1958-м поступил в Кабардино-Балкарский госуниверситет, по окончании которого получил диплом преподавателя балкарского и русского языков и литератур. Салих Гуртуев возглавлял Госкомитет Кабардино-Балкарской республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Он автор более 20 книг поэзии, литературных эссе, переводов на родной язык лучших произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Нерис, Мустая Карима, Айтматова, Маяковского, Есенина, Тихонова, Евтушенко, Рубцова... Стихи самого Салиха Гуртуева переведены на польский, сербский, турецкий, венгерский, киргизский, туркменский языки.

Заслуги Салиха Гуртуева были высоко оценены на родине и за ее пределами. Он является заслуженным деятелем культуры Кабардино-Балкарии, обладателем литературной премии им. Желюка (Украина), литературной премии Министерства культуры Кабардино-Балкарии, награжден грамотой Верховного Совета Грузии за вклад в развитие литературных взаимосвязей между народами. В настоящее время Салих Гуртуев является президентом Межрегиональной общественной организации «Клуб писателей Кавказа».

«Селение Ак-Су (Белая речка) раскинулось к югу от Нальчика, у вечнозеленых вершин Кавказского хребта. Со всех сторон его окружают леса. В этом, одном из прекраснейших уголков Балкарии, в деревне на склоне Эльбруса, родился замечательный балкарский поэт Салих Гуртуев. Мальчик еще не умел отличать правой руки от левой, когда умер его отец. Мать растила четверых осиротелых детей одна. Салих Гуртуев излил печаль сиротства в автобиографической поэме «Дерево четырех яблок», где боль его сердца отражена в прекрасных стихах. Все его творчество пронизано великой школой человеколюбия... У поэта особенное, нежное отношение к Грузии, грузинской поэзии. Много прекрасных стихотворений посвятил Салих Гуртуев грузинским мастерам искусства и, как пишет сам поэт, «я дружбу обожествляю». И действительно, в сборнике «Мой Кавказ» весь второй раздел так и назван – «Песни любви к Грузии». Здесь мы встречаем такие стихотворения, как «На могиле Нодара Думбадзе», «У Григола Абашидзе», посвящение композитору Нуну Габуния «У памятника «Мать-Грузия», лирические миниатюры «Кура нашептывает мне», «Тбилисское небо», «Мцхета», «Мтацминда», «Мартовский снег в Тбилиси» и, наконец, «Тост, который невозможно не произнести», завершающийся чеканным:

*Мир не заново открылся, мир, большой и милый,
Грозный мир, в котором много всяческих затей,
Это тост людского Братства, давшего нам силы
На земле пахать и сеять, и растить детей.*

«Я счастлива, что моя родина воздала по достоинству Салиху Гуртуеву за его труды, за его любовь к нашей земле и к нашему народу, удостоив балкарского друга Грузии званием Почетного гражданина Тбилиси», – так завершила свое приветственное слово Маквала Гонашвили.

– Я много ездил по свету, но нигде не встречал народа и отдельных его представителей, которые так самозабвенно любят свою культуру, свою поэзию, и ее вершину – поэму великого Руставели, – сказал в своей краткой эмоциональной речи Салих Гуртуев. – Здесь говорили, что я подарил Грузии перевод «Витязя в тигровой шкуре» на балкарский язык. Но в первую очередь я подарил эту жемчужину мировой поэзии своему маленькому народу, носителю древнего, красивого языка. Балкарский язык выдержал «испытание гением Руставели» – он справился с поставленными сложнейшими задачами и доказал, что по праву может считаться членом семейства развитых и богатых языков. Кайсын Кулиев, благословляя меня на перевод, сказал, что все уважающие себя народы имеют перевод на свои языки «Витязя», и балкарский язык не должен быть вне их числа. Особую просьбу Кайсына Кулиева сохранить размер и строфику шаири я исполнил, невзирая на все трудности, и за это – еще раз спасибо балкарскому языку, на этот раз как совладавшему не только со сложнейшей лексикой, но и с архитектурикой шедевра Руставели. И я горжусь тем, что когда балкарцы прочитали Руставели на родном языке, семьи стали называть новорожденных именами его героев – у нас есть Автандилы, Тариэли. Но так иногда называли младенцев и до моего перевода – слово шло из уст в уста через горные вершины.

Добрим словом – и заслуженно! – вспомнил Салих Гуртуев единственную в мире тбилисскую Главную редакционную коллегию по художественному переводу и литературным взаимосвязям – животворный очаг литературного взаимообмена, где готовились подстрочники, проводились консультации, принимались и наделялись долговременными заказами иностранные переводчики...

– Перевод «Витязя» на балкарский также зародился в стенах этой коллегии, как и идея антологии – мне из коллегии было выслано 20 (!) печатных листов грузинской поэзии, над которыми я работаю до сих пор – спустя уже десятилетия после закрытия этого великолепного центра, возродить который я считаю первоначальной задачей для литературного сотрудничества Грузии с другими странами, – особо отметил балкарский гость.

Ярким и необычайно интересным стало выступление Резо Чхеидзе, прославленного кинорежиссера, постановщика «фильма

на все времена» – «Отец солдата»:

– Грузинский народ мечтает увидеть на экране поэму Руставели. И это вполне понятно и закономерно. Пока что у нас – только снятый Котэ Микаберидзе давным-давно эпизод взятия Каджетской крепости. Дело не в том, что материал «Витязя» не привлекает наших кинематографистов, дело в том, что существуют трудности передачи поэтики этого шедевра на язык кино, того же «перевода». Голый сюжет отснять не проблема, но это будет примитивизация гениальной поэмы. А вот перевести символику, глубину и мудрость «Витязя» – тут нужен талант необычайной, дерзновенной силы. И – подход не прямолинейный. Вспоминаю, как юношей работал ассистентом у великого Михаила Чиаурели, и как-то он, вынашивая замысел съемок «витязя», распорядился связаться с такими же великими руствелологами академиками Кекелидзе и Барамидзе, чтобы снять «Путешествие Автандила» по принципу фильма «Путешествие Марко Поло». Именно такой глубокий и нешаблонный стратегический подход нужен для воплощения замысла фильма «Витязь в тигровой шкуре», именно такой «перевод» на киноязык может иметь успех.

«Виновника» вечера приветствовали профессор политологии Муса Гулиев, руководитель НПО «Институт Кавказской цивилизации» «Кауказюп» Аслан Кодзоев, представители многих знакомых народов Северного Кавказа, ведущие деятельность в Грузии или специально приехавшие, чтобы выразить любовь и почтение Салиху Гуртуеву. А музыкальную часть вечера, по просьбе Салиха Гуртуева, Гиви Гамбашидзе и Маквалы Гонашвили, взяла на себя недавно вернувшаяся с гастролей по Москве и Петербургу поэт и бард Людмила Орагвелидзе, с успехом исполнившая авторские песни.

Эльмира ГЕЛЯСТАНОВА
кандидат филологических наук, доцент
КБГАУ им. В. М. Кокова

Проблема национального характера в балкарском романе

В современных условиях стало очевидной настоятельной необходимостью изучение такого важнейшего феномена, как национальный характер.

Развитие национальных процессов в нашей стране и в мире, особенно в последние годы, показывает, что без глубокого исследования национального фактора в целом, в том числе и национального характера, общество испытывает массу проблем.

В последние десятилетия наблюдалось не столько ослабление внимания к национальной проблематике в ее действительной глубине и сложности, но и падение роли национального фактора в обществе. Это обусловлено многими причинами, в том числе непониманием специфики духовной жизни, некомпетентностью организаторов культурной политики и т. п.

Все это приводит к следующему выводу: без глубокого, конкретного и объективного анализа этого феномена невозможно понимание закономерностей развития национальной культуры и плодотворное управление национальными процессами и их прогнозирование.

В наши дни осознается реальная сложность как самого национального характера, так и процесса его научного анализа. Качественное превосходство в связи с этим имеет изучение этнического психотипа, отраженного в произведениях художественной литературы и отличающегося конкретностью, наглядностью, яркостью и многообразием проявлений. Писатели и поэты, стараясь уловить нечто типичное, общее для представителей конкретного исторического времени, понять современного человека, обращают внимание и на национальные черты психических и ментальных структур личности, складывавшиеся веками, шлифовавшиеся под влиянием специфических особенностей, таких, как природная среда, климатические условия.

Художественная литература дает возможность основательного изучения национального характера, запечатленного в конкретных поступках и действиях героев, позволяет проследить его трансформацию на разных этапах личной истории и истории народа.

Изображение национального характера в произведениях художественной литературы помогает народу осмыслить свое собственное бытие.

Вопросами изучения национального характера ученые, философы, писатели занимались на протяжении многих лет. Интерес был вызван разными причинами и, соответственно, в зависимости от этого выбирался определенный метод, способ исследования.

Повышенный интерес к этой проблеме возникает на переломных этапах развития народа, страны. В такие моменты истории наиболее ярко

проявляется нравственно-философская сущность характера, как отдельного индивида, так и нации в целом. Отсюда и повышенное внимание литераторов к важным историческим событиям, оставившим след в народном сознании – революции 1917 года, Великой Отечественной войне.

Весьма существенным является и то, что берется за предмет исследования в национальном характере: нравственно-философский комплекс духовного мира или признаки социального порядка. Литература рассматривает преимущественно нравственно-философский узел проблем.

Выделение литературного характера как эстетической реальности, хотя и вносит специфику в его изучение, не отменяет возможности использования тех приемов, которые существуют в психологии, социологии, философии. Индивидуальная определенность художественного образа выступает незыблемым законом в создании характеров. Следовательно, характер в произведениях литературы необходимо рассматривать как выражение определенной человеческой личности, выявление ее своеобразия, психики и мироощущения. Художественные характеры, с одной стороны, возникают на основе характеров, существующих в жизни, с другой они – результат творческого процесса, сознательно направленного на художественное обобщение черт, особенностей и свойств ряда людей.

Писатель не только обобщает различные вариации человеческих характеров, но и ставит перед ними конкретные жизненные задачи. В разрешении этих задач, в столкновении различных жизненных позиций, идей и стремлений вырисовывается характер-тип как результат творческого воображения. Создание характеров – не самоцель для писателя, а способ выражения социально важных идей и позиций.

Национальный характер, как известно, понятие сложное, трудно поддающееся точному описанию и определению и все еще недостаточно и не до конца изученное. На наш взгляд, его следует понимать как совокупность этнических, исторических, философских и психологических качеств, идеалов и представлений, выработанных народами веками, неодинаково обнаруживающихся в отдельной личности, исторически изменяющихся и, тем не менее, устойчивых. В своих основных, ведущих чертах национальный характер кристаллизуется под воздействием социально-экономической и культурно-исторической действительности, что не исключает и влияния биологических, этнических факторов, роли природной, географической среды и т. п.

Характер героя в любой национальной литературе – это его внутренний психологический мир, совокупность индивидуальных свойств его личности, доминирующий тип поведения человека в различных обстоятельствах. Но характер – это и проявление определенных, свойственных данному обществу и данному времени качеств, то есть в индивидуальной оболочке характера заключено обобщающее ядро, в котором сконцентрированы исторически сложившиеся качества представителя определенной нации и определенного общественного устройства. С этой точки зрения не является искусственно созданным понятие «национальный характер». В большей или меньшей степени, но национальные и общественно-формационные черты проявляются в характере обязательно.

Черты национального характера могут быть изучены, прежде всего, по их объективным проявлениям в достижениях и ценностях подлинно национального масштаба: в искусстве народа, его фольклоре, в разнообразных сферах его творчества, традициях, обычаях, нравах, привычках. Древние легенды и сказания позволяют не только понять историю народа, но и уяснить характер его чаяний, идеалов, систему его моральных и социальных ценностей.

Нередко приходится сталкиваться с тем, что те или иные из общечеловеческих черт, например, храбрость, свободолюбие, трудолюбие, юмор, объявляют достоянием лишь определенной нации, а другим в этом отказывается. Но сказать, что данный народ «свободолюбив» или «трудолюбив», вовсе не значит – раскрыть специфику его духовного облика. Потому что эти и другие прекрасные качества свойственны народам всех стран. Суть дела в том, как, в каких формах проявляются эти общечеловеческие качества.

Специфику национального характера, видимо, следует искать в неповторимом сочетании общих для человека психических свойств, а не в наличии неких исключительных черт. Подобрать точный и однозначный ключ к тому, что есть национальное естество, – задача трудная, так как суть национального характера многообразна и многогранна. В каждой эпохе она складывается по-новому. Но главный критерий здесь – это народность национального характера, место духовных ценностей прошлого в общественном прогрессе.

Современными кавказскими литературоведами (Л. Бекизова, А. Гутов, А. Мусукаева, З. Толгуров, Ф. Урусбиева, Р. Фидарова, Т. Эфендиева) отмечается, что с изменением основ жизни меняются личность и сам тип характера, современные образы горцев мало похожи по своему психическому складу на прежние, что существует «громадная разница» между современным колхозником-балкарцем и горским юношей послереволюционных лет.

Современная балкарская проза обнаруживает новые конфликтные ситуации: между растущими духовными потребностями человека и не удовлетворяющими его условиями и формами существования, между активизацией личности и потребительской тенденцией. Наблюдается процесс психологически углубленного противостояния характера героя жизненным обстоятельствам. Характер героя, его моральные качества раскрываются в сложных нравственных испытаниях, требующих от него прямых действий и определенности проявления своей жизненной позиции. Таковы повести Э. Гуртуева («Ах, ворон, птица скверная»), А. Тепеева («Дорога нашей печали»), З. Толгурова («Алые травы») и других балкарских прозаиков.

Возникновение нового героя связано с рядом обстоятельств: с изменениями в самой национальной действительности, с новой концепцией личности в балкарской литературе. Ее герой становится психологически более емким и объемным, чем прежде. Он существует не в готовом, сформировавшемся виде, а рождается в процессе трудных поисков истины.

Таким образом, мы приходим к выводу о «текучести», изменчивости

характера в балкарской литературе, пребывающей в динамике. И это является залогом более реалистического, психологически углубленного и достоверного изображения национального характера в будущих произведениях балкарской литературы.

Современный эпический роман, являясь высшим художественным завоеванием любой литературы, наиболее зримо выражает черты ее национального своеобразия. Произведение больших масштабов, эпический роман раскрывает жизнь личности и жизнь народа в их нерасторжимом единстве, выявляет исторический и социальный смысл событий, постигает философию истории и современности; ему одинаково доступны и широта воссоздания социально-исторических картин действительности, и глубина проникновения в потаенный мир душевных движений героя. Именно в романе образ героя, получая наибольшее типическое обобщение, достигает в то же время и предельной полноты, предельной конкретности изображения.

Взяв на себя некоторые функции народного эпоса, роман не перестает, однако, быть идеалом прозы. Он оказывается весьма солидным, новаторским явлением в балкарской прозе, способным запечатлеть жизнь народа в широком плане. В отличие от эпоса, роман тесно связан с жизнью народа. В нем ставятся существенные проблемы современной действительности – истории, культуры, экономики. Испытывается и утверждается новая поэтика, вырабатывается собственно романский стиль. Это сложный, продолжительный процесс. И порой очень долгим бывает путь достижения романом той вершины, когда он почувствует себя способным философски осмыслить жизнь народа.

Необходимость познания сложных явлений, душевных исканий возникает с углублением эстетического сознания художника слова. Таким образом, роман как концепция мира и художественное осознание действительности возникает именно в результате общего подъема культуры народа, в результате углубления эстетического отношения к действительности.

Как и другие северокавказские романы, балкарский роман начался историко-революционной тематикой. С ней связано художественное осмысление народных истоков национального характера с историко-революционной темой, которая в 50-60-е годы приобретает новые качества, возникшие на пересечении национального художественного опыта и достижений советской многонациональной литературы. В эти годы происходит более полное раскрытие культурно-исторического, социально-нравственного опыта народа, более широкое восприятие национального эстетического опыта.

Обращение к историко-революционной теме было попыткой осмысления народной истории. Для молодого балкарского романа это было еще и школой исторически конкретного, реалистического изображения жизни.

Но главным достижением этого жанра было, пожалуй, открытие поступательного движения событий в связи с эволюцией сознания героя, притом в центре внимания писателя становится проблема становления новой личности, несущей в себе мощный заряд революционного переустройства жизни.

Так, к примеру, сюжетно-композиционная структура романа Ж. Залиханова «Горные орлы» подчинена одной идее: автор стремится показать революционное пробуждение народа, выход его из тесных горных ущелий на широкие просторы с тем, чтобы завоевать для себя свободу. Для этого писатель основное свое внимание сосредоточивает на показе жизни сироты Мазана, с пятнадцатилетнего возраста батрачившего у бая, долго ищущего свое предназначение на земле и впоследствии ставшего на путь активной революционной борьбы. Здесь движение народной судьбы воплощается в духовном возмужании Мазана. В его формирующемся национальном характере и, следовательно, в балкарском психотипе, можно выделить такие черты, как горский патриотизм, народная сплоченность, воинская доблесть, мужество, стойкость, суровый нрав, сдержанность, непоколебимость. Естественно, что все эти черты присущи и другим этносам. Речь же, в данном случае, идет о том, как они выражаются в балкарском национальном характере.

В другом произведении, повествующем о революционных событиях в Балкарии, – романе М. Шаваевой «Мурат» – наиболее пристальное внимание обращено на судьбу горянки. Формирующийся характер Асият, показанный на национальном фоне, вбирает в себя исконно национальные черты, такие как обостренное чувство равенства, справедливости, горской независимости, свободолюбия, жажда любви и привязанность к родным местам, трудолюбие, терпение, почитание и уважение старших. Лиричный, женственный, сильный, действенный образ Асият является символом грядущей жизни.

Но главным героем романа балкарской писательницы является все же не Асият, а ее брат Мурат. М. Шаваева избирает в герои романа не революционера, народного предводителя, как это делают многие балкарские прозаики, а простого горца. История его роста, становления социально-активной личности есть отражение формирования и развития национального характера на фоне исторических событий.

Стремление к широкому охвату жизни, к художественному обобщению новых фактов действительности, вторжение в реальность, попытки психологического анализа – все это способствовало развитию в балкарской прозе образа положительного героя, несущего в себе лучшие черты национального характера. Автор создает характер движущийся, психологически достоверный. История духовного роста Мурата – это мучительный процесс перерождения, который делает его социально-интересным, типическим характером. История Мурата – это отражение жизни дореволюционной Балкарии.

Убедительно прослеживается влияние исторических событий небывалых масштабов на формирование личности, на качественно новый тип развития национальных черт характера и в образе Ибрагима Ибрагимова (роман Б. Гуртуева «Новый талисман»).

Писатель раскрывает характер главного героя в разных жизненных ситуациях и бытовых коллизиях, художественно конкретизируя его духовную и социальную ограниченность. Понимание многомерной сущности человека, исторической и бытовой обусловленности стало реальной осно-

вой романа Б. Гуртуева. «Новый талисман» отличает от предшествующих историко-революционных произведений большая детализация, разветвленная система образов. Для реалистического понимания и воплощения в образах героев первых балкарских романов того общего, что присуще литературному характеру вообще, независимо от национальной принадлежности, и того своеобразного, что отличает балкарский психотип, писатели используют целостную систему художественных средств. Она включает в себя наследование и развитие идейного содержания фольклора, особое внимание к социально-историческому аспекту, философские нотки и, наконец, психологически обоснованное воссоздание индивидуальных черт личности.

Первое широкомасштабное обращение к решению проблемы национального характера в балкарской романистике, как, впрочем, и в северокавказской литературе в целом, связано с изображением переломных моментов истории. Наибольший интерес для писателей в этом плане вызывают революция 1917 года и последующие коренные изменения в сознании и образе жизни горцев. Глубина этих событий предоставляет богатый материал для художественного изучения национального характера, черты которого наиболее ярко проявляются в поворотный этап времени и истории.

Выявляя грани национального характера в созданных литераторами персонажах, писательское видение проблемы, мы не можем не обратиться к краткому анализу сюжетной канвы произведений, так как черты народного типа не могут быть показаны в абстракции, а только в столкновениях, взаимоотношениях с различными индивидуальностями в смоделированных или реалистически воссозданных жизненных коллизиях. Говоря же о сюжетном построении произведения, наряду с важными и интересными находками и творческим освоением опыта русской литературы на пути становления самобытной балкарской литературы, мы отмечаем и ряд недостатков, преодоление которых в свое время помогло развитию молодой литературы. Это, прежде всего, схематизм в обрисовке событий и образов героев, документализм и фактографичность, подменяющие собой художественность, «однаправленность» характеров. Однако, учитывая ошибки, неизбежные при эволюции литературного движения, балкарские писатели на качественно новом уровне продолжили исследование национального характера.

Описательное, поверхностное изображение фактов, прямолинейное объяснение поступков героев, событий в их жизни, которые наблюдались в первых балкарских романах, сменились художественным обобщением, более строгим отбором фактов, их анализом. Историческое движение жизни народа и судьбы отдельного литературного героя находятся в неразрывном единстве, и процесс роста сознания как героя, так и народных масс предстает перед нами как неизбежный результат общественного развития.

Становление крупных прозаических жанров, требующих не только углубленного анализа характеров, но и постижения закономерностей исторического развития, усиливающееся внимание к нравственным проблемам стали ведущими тенденциями развития северокавказской литературы данного периода. Литература художественно исследует усложнившиеся

общественные отношения, усиливающуюся роль различного рода объективных и субъективных обстоятельств в жизнедеятельности личности, утверждает необходимость не только рационального, научного подхода ко всем возникающим перед обществом проблемам, но и эстетического, чувственного. Если раньше писатели уделяли главное внимание непосредственному взаимодействию индивида с обстоятельствами предельно широкого плана в условиях особого, «эпического» состояния мира (революция, гражданская война, коллективизация и т. д.), то теперь их интересует опосредованная связь индивида с процессами всеобщего характера (через быт, среду, различные ступени общественного и экономического механизма). Социально-экономические и общественно-политические отношения, входя в литературу, требуют глубочайшего философского и этического постижения каждого из своих проявлений: научный прогресс, новые взаимоотношения между городом и селом, индивидом и обществом, личностью и природой, наукой и человеком, историей и современностью, национально-своеобразным и общечеловеческим, традиционным и современным.

Объектом художественного исследования в ряде произведений стал современный крестьянин, живущий не в патриархальной деревне, а в век покорения космоса, в век ядерной физики и сверхмощного оружия. Именно в деревенской жизни такие писатели, как З. Толгуров, А. Теппеев, Э. Гуртуев, Х. Шаваев и другие балкарские писатели ищут ответа на вопросы, что такое национальный характер, кто является носителем устойчивых нравственных ценностей, кто сохранил полноту единения с природой, а следовательно – с миром, в чем корни реального демократического духовного сознания?

Особенностью не только балкарской, но и всей северокавказской прозы настоящего времени оказывается стремление выдвинуть весь спектр взглядов героя как некий нравственный центр, что обусловлено рядом факторов. Здесь следует выделить общественно-психологический фактор: возрастающую интеллектуализацию личности, расширение научного познания, повышение культурного уровня современного человека, способности к более широкому, чем ранее, ассоциированию разнообразных представлений и впечатлений действительности. Происходит обогащение искусства знанием законов развития природы и общества, что открывает перед ним новый взгляд на мир и человека, углубляет его духовные потребности. Обращение балкарских писателей к герою-крестьянину существенно меняет структуру их произведений, открывая особые связи характера и обстоятельств, подчиняясь своеобразной художественной сверхзадаче – раскрыть мировоззрение простого человека, его связи с движением времени.

Идя от жизни и активно внедряясь в жизнь, балкарские прозаики честно и правдиво говорят об упущениях и недостатках политической и практической деятельности партии и народа, о негативных тенденциях в экономике и социально-духовной сфере. Давая «уроки правды», трезво оценивая действительность, ведущие балкарские писатели художественным исследованием новых противоречий и конфликтов, постановкой новых актуальных проблем убедительно доказывают необходимость обще-

ственно-политических и социально-экономических изменений, которые осуществляются в настоящее время. Ответственный анализ прошлого и современности влияет на формирование будущего.

Литература все органичнее вписывается в контекст научного познания, принципиально углубляя существование представления о человеке и мире. Особую роль в этом процессе играет взаимодействие литературы с философией и этикой. Ориентация на художественно-философское постижение действительности – одна из ведущих тенденций современного литературного процесса. Из социально-бытовой и социально-психологической проза все более превращается в нравственно-психологическую и нравственно-философскую. В настоящее время усилилось внимание литературы к глубинным корням народной жизни и национальной культуры. Эти корни прорастают ныне не только новой тематикой, представлением о новом герое, но и новым отношением к нравственным ценностям. Важным компонентом такого процесса выступают миграция сельского населения в город, столкновение его с культурой и бытовым укладом города, а также сопутствующие этому явления психологической и социальной адаптации в новой среде, которые зачастую чреватые острыми нравственными конфликтами. Такие социологические и психологические аспекты находят свое отражение в творчестве ведущих балкарских прозаиков – З. Толгурова и А. Теппеева.

Героиня повести З. Толгурова «Белая шаль» не выдерживает «натиска цивилизации», поддается искушениям современной жизни и теряет право на белую шаль невесты, что хранила для нее мать. Мысль писателя здесь ясна и прозрачна: настало страшное время забвения не только народных обычаев и ритуалов, но и народной этики, нравственных законов.

Само название повести ориентирует нас на категорию женской чистоты как на субстанциальную. Белый цвет в названии этой повести, как и предыдущей, полемически актуализирует эту ценность как не поддающуюся инфляции. Эмблемно зафиксированная в названии, категория эта так и остается застывшим символом. Как бы в подтверждение этого, шаль в конце повести убирается героиней, не выдержавшей «экзамена», в кованный сундук. З. Толгуров сумел показать в своей повести столкновение этнической народной психологии с современной «городской» моралью, изменение характеров, жизненных ценностей и моральных установок молодых представителей горских народов.

В балкарской прозе история и современность тесно взаимосвязаны. Балкарские писатели стремятся создать образ современника. В их произведениях молодое поколение стоит перед нравственным выбором: остаться в городе или вернуться обратно, в село, к престарелым родителям. И выбор здесь не только места жительства, так как здесь проблема гораздо шире: какой образ жизни, какие моральные ценности, какое будущее, наконец, выберут молодые. В этом контексте важную роль играет проблема «отцы и дети». Раскрывая в поэтических картинах традиционные трудовые начала жизни деревни, писатели выражают сожаление по поводу невосполнимых потерь от обрыва живых связей с этими здоровыми началами, с самой природой все большего числа людей в каждом новом поколении общества.

Писателей интересуют внутренние мотивы, определившие поведение героев, персонажей. Достоверность и объективность изображения, исследование жизненного процесса в теснейшей связи истории и современности составляют яркую черту их произведений 1990-х годов. Драматизм человеческих судеб обусловлен в них драматизмом исторического и общественного развития. Писателей привлекают ситуации, когда герой остро чувствует близость к своей среде, из которой он происходит, или разобщенность с ней, так как в этой ситуации создаются оптимальные условия для выявления духовной сущности человека, открытия черт национально-го характера.

Таким произведением, моделирующим условия раскрытия характера, является повесть А. Теппеева «Дорога нашей печали», как и «Белая шаль» З. Толгурова, тяготеющая к романной форме.

Повесть А. Теппеева «Дорога нашей печали» – произведение психологической прозы. В центре ее – жизненный выбор героя. У Мамая и Сакинат необыкновенно сильно развито чувство долга. Их жизненная позиция основана на вековых народных ценностях – взаимовыручке, готовности прийти на помощь, способности к самопожертвованию во имя высших целей. Бекир же – предатель. Он отступает не только от долга воина, защитника, но и от устоев народного характера. Писатель указывает на неизбежность духовной гибели человека, который оторвался от своих истоков, разорвал нить своего рода, оборвал духовные связи с семьей, родиной, домом.

Важнейшие проблемы прошлого, созвучные духу современности, способствуют пониманию преемственности эпох, позволяют верно осмыслить значение событий истории и извлечь из них социально-нравственные уроки.

Историческая память народа, стремление осмыслить его жизнь и судьбу – вот какие проблемы волнуют современную балкарскую прозу. Именно поэтому принципы художественного осмысления героического прошлого народа в балкарской литературе в целом, изменились в сторону исследования нравственно-психологических и социально-общественных его истоков.

Изображение внутреннего мира человека определяется авторским стремлением раскрыть характер в развитии. Психологизм является обязательным компонентом принципа историзма, становящимся одной из важнейших черт современной северокавказской прозы.

В этом смысле показателен историко-революционный роман. Он художественно исследует, как постепенно, под влиянием хода истории, человек, народ осознают необходимость активной борьбы за преобразование основ существующего мироздания на гармоничных началах.

Произведения о революции, написанным в 1980-1990-х годах, анализирующим грандиозные исторические события и их роль в духовном самосознании народа и личности, по сравнению с первыми балкарскими романами на ту же тему, свойствен глубокий интерес к социально-психологическому исследованию человека, его активного, творческого взаимодействия с миром. Им присуще стремление осмыслить историческую,

жизненную правду через правду характера, в нерасторжимых причинно-следственных связях личных и общественных черт. Литература настойчиво пытается высветить духовность, познать то, что скрыто глубоко в душе героя, стремится изучить человека «изнутри», сочетая социальный и психологический анализ. Кроме того, качественные изменения, произошедшие в современном художественном мышлении народов Северного Кавказа, прежде всего выразились в поисках литературой новых существенных связей между характером героя и действительностью. Обогатились принципы типизации, а также социальный и психологический анализ, заметно изменив характер балкарской литературы.

Так, в романе «Большая Медведица» З. Толгуров показывает процесс формирования национального характера (прежде всего, в образе Казака), выясняя, как доброе и злое проявляется в нем. Писатель особое внимание уделяет исследованию роли социальных явлений в этом процессе. Общественная среда развивает и воспитывает характер. Не отрицая роли природных задатков личности, художник связывает развитие характера с теми жизненными условиями, которые окружают личность. Причем Толгуров рассматривает воздействие окружающей среды на развитие характера как бы с двух сторон: с одной – формирование нравственных черт характера (этический аспект), а с другой – влияние окружающей действительности на развитие познавательных особенностей характера (интеллектуальный аспект).

Показывая в романе процесс формирования черт – новой общественной психологии человека, Толгуров доказывает, что они являются следствием диалектного отрицания старых черт и развиваются на их основе: озорство перерастает в бунтарство, сострадание к людям – в желание им помочь, неведение – в духовное прозрение. Общение Казака с различными людьми, представителями различных слоев общества, помогает ему понять и увидеть всю сложность и противоречивость человеческого характера.

Политические, экономические, идеологические изменения в жизни нашей страны способствовали «революционным преобразованиям» в романном жанре как на историко-революционную тематику, так и на тему Великой Отечественной войны. В центре внимания писателей оказался анализ формирования психологии и самосознания человека в новых общественно-политических условиях. В основу своих произведений художники слова положили нравственный конфликт. Тем самым они направили усилия на то, чтобы художественно решить важнейшие общественные вопросы в исторически сложившейся ситуации. Эта проблематика разрабатывается в единстве с анализом многообразных взаимоотношений личности и общества.

Следует отметить, что многие нравственные проблемы современности проверяются на прочность сопоставлением с духовной атмосферой военных лет. Обращаясь к опыту исторически поворотных лет – политическому, нравственному, военному, – писатели стремятся найти ответы на многие вопросы современности, сделать достоянием современников бесценные идейно-нравственные уроки из героического прошлого своего народа.

Первое крупное прозаическое произведение К. Кулиева – роман-сказание, роман-исповедь – рассказывает о тяжком испытании, выпавшем на долю советского народа, о подвиге горцев, выстоявших в смертельной борьбе с фашистскими захватчиками. Здесь трагедии отчаяния, хаосу К. Кулиев противопоставляет нравственную стойкость, готовность к самопожертвованию, героизму подвига. В духовном мире героев романа главным является чувство долга, определяющее их поведение, характер отношений с людьми.

Значительное место в сюжетной канве романа «Была зима» занимает образ юноши Асхада. В его характере органично сочетаются традиционнo-национальные и новые черты, адекватные своему времени. Асхад является ярким воплощением балкарского национального характера. В его образе К. Кулиев отразил диалектику взаимодействия традиционного и современного.

Итак, в третьей главе мы приходим к выводу, что развитие балкарского романа, как и всей балкарской прозы, на современном этапе идет по пути усиления психологического начала. Углубленный психологизм при изображении событий художественно обусловлен, так как следует полнокровно отразить глубину и сложность внутреннего мира человека, его духовные искания, художественно-эстетические потребности и особенности изменяющегося национального характера.

Изучение форм проявления национального в искусстве вообще и в литературе в частности, особенно во время больших исторических сдвигов, общественного и культурного взаимодействия народов, приобретает в наши дни особый интерес как проблема теоретическая и практическая одновременно. Ее решение требует разностороннего внимания к общественно-историческому и культурному опыту народа, к «материальному и духовному» его бытию, учета органической их взаимосвязи.

Национальное как таковое в жизни и в искусстве воплощается именно через созидание, в котором мы отмечаем две его стороны: материальную, носящую предметно-конкретный характер, и духовную, раскрывающую глубинные, нередко потенциальные возможности и стремления народа.

Национальное в искусстве постигается двумя путями: через сотворенное народом глубже познается сущность самого творца-народа, и, наоборот, познание народа во временном и пространственном измерениях служит залогом более верного понимания специфики и установления конкретных черт его творческого созидания. В подходе к вопросу, что же является особенным в искусстве, необходимо прежде всего выявить реальное содержание специфически национальных черт художественной формы, обнаружить содержательную, созданную народной жизнью сторону своеобразия по этике и стилю, чтобы присущее искусству одного народа выступало и как известная общность с тем, что делается в искусстве другого, и одновременно как выражение его самобытности и неповторимости при раскрытии и содержательном наполнении его качеств.

Национальное может выражаться через художественный образ, в котором в ядре сталкиваются многовековые традиции народа, запечатлевается его психический склад, образ мышления, то есть специфика «взгляда на

вещи» (В. Г. Белинский). Литература каждого народа хочет и должна быть народной, то есть отличаться от литератур других народов. Но чем же? Не идейным содержанием, потому что оно является общечеловеческим продуктом абстрактного мышления, не мотивами, ибо они общенародны, не средой изображаемой жизни, потому что она поверхностна. Национальное в литературе создает воплощенная в ней психология народа – способ его восприятия и мышления.

Основные особенности художественной мысли народа обнаруживаются уже в фольклоре, который занимает исключительное место в искусстве народа. Эстетическое миропредставление в народном творчестве свидетельствует о своеобразном преломлении исторического опыта народа. Проблему национального своеобразия связывают с конкретными, специфическими историческими условиями жизни страны, оказывающими определенное влияние на развитие народного национального характера литературы.

Ибо, как известно, каждая страна имеет свою национальную специфику, являющуюся результатом тысячелетней истории жизни и борьбы, условий быта и характера народа. Все это находит преломление в творчестве писателя, в облике его героев, в неповторимом психологическом складе нации, в воссоздании типичных национальных характеров.

Разработка исторической и историко-революционной темы составляет одно из характерных направлений как в балкарской литературе, так и во всей северокавказской. Здесь определилась и своя типология. Это движение жанра от формы романа-биографии к роману многогеройному, широкоохватному. Воссоздание революционных событий в ходе движения истории представляло для балкарской литературы в идейно-художественном отношении определенные трудности. Диалектическое соотношение истории и общества, народа и человека, являющееся основным принципом и требованием реализма, наиболее зримо и отчетливо скрывалось в практике самой революции. Это помогало балкарским романистам изобразить героическое прошлое своего народа, историческую масштабность революционного времени.

Произведения балкарских писателей свидетельствуют об усилении философской насыщенности балкарской литературы, а также о возросшем интересе к полнокровному изображению национального характера. Духовно-философские поиски решения проблемы становления национального характера, исследование его этнических основ лежат в основе современной балкарской прозы, а задачи ее развития вызывают пристальный интерес литературоведения по такому важному компоненту писательского освоения национального мира, как категория национального характера.

В современной балкарской прозе очевиден процесс углубления писательского понимания человека, его общественно-социальных параметров, его биологических, психологических, генетических возможностей, многообразия отношений к жизненным обстоятельствам.

Сборник рассказов Фатимы Кучинаевой (Казаковой) «Любовь с оглядкой» посвящен студенчеству, жизни молодёжи, любви, становлению личности. Герои её рассказов романтики, верящие в добро, высоко ценящие честность, порядочность, человечность, нетерпимые к предательству. Но жизнь есть жизнь. У нее крутые подъемы, стремительные повороты и головокружительные падения. Не всем удаётся в круговерти жизни найти ту дорогу, которая приведёт к мечте. Но к этому надо стремиться всей душой. И герои рассказов Фатимы, преодолевая все преграды,

встречающиеся в пути, веря в добро и справедливость, становятся личностями.

Фатима Ануаровна по образованию филолог. Окончив КБГУ, несколько лет работала редактором газеты «Университетская жизнь». Давно занимается переводами прозаических произведений балкарских писателей.

*Хасан Тхазеплов,
заслуженный работник культуры РФ,
академик АМАН*

Фатима КУЧИНАЕВА (КАЗАКОВА)

ЛЮБОВЬ С ОГЛЯДКОЙ

Сегодня с утра у меня не было настроения, и день как-то не заладился. Прошло три месяца, всего три месяца, с тех пор как я с успехом окончила филологический факультет нашего университета. Позади студенческие годы, экзамены, зачеты, разлетелись по местам распределения мои друзья-однокурсники. Где-то они сейчас? А я все никак не привыкну, что все это уже закончилось и не вернется уже никогда: не вернуться коллективные подготовки к экзаменам по литературе, когда всей группой собирались в любой свободной аудитории и рассказывали друг другу прочитанное, не вернуться увлекательные поездки и походы, не вернуться зажигательные студенческие вечеринки в стиле диско.

После студенческих лет, таких оживленных, какие были у нас, особенно остро чувствуешь одиночество. Чувствуешь себя потерявшейся в огромном чужом мире, не нужной никому.

Проснувшись сегодня рано утром, я оглядела свою комнату. Огромный серый кот (моя любимая игрушка) смотрел на меня печальными зелеными глазами. На тумбочке недочитанная книга. Я люблю читать ночью, когда в

доме все спят, нисходит какая-то благодатная тишина, и никто и ничто не мешает, и не прерывает увлекательного чтения.

За окном занимался рассвет. Я привычно потянулась за книгой, но вдруг вспомнила, что сегодня мне надо идти на работу.

Настроение сразу упало. Неделю назад я планировала на этот день загородную поездку, но так получилось, что именно сегодня у меня первый рабочий день. «Да, – вздохнула я, в очередной раз соглашаясь с классиком, – иногда обстоятельства сильнее нас». А потом добавила: «Они всегда сильнее нас».

На работе было непривычно. Мне, до этого обитавшей в оживленной студенческой толпе, отдельный кабинет казался тесным шкафом с запертой дверью. Мне было душно и неуютно. Но теперь надо привыкнуть и к тишине кабинета, и к тому, что вокруг не суетятся вечно шумные студенты, привлекать к работе, которой, надо сказать, я, в общем-то, была довольна.

День прошел незаметно, но когда я вышла после рабочего дня на улицу, я будто впервые увидела эти деревья в потрясающем золотом уборе – Бабье лето. Самая, пожалуй, очаровательная пора из всех времен года. Я вдруг вспомнила, как в это время мы со всем курсом приходили в парк. У нас там были и любимая аллея, и свои скамейки, на которых мы так любили отдыхать, читать стихи, делиться своими впечатлениями и просто болтать о чем-то своем, студенческом. И вот сейчас мне очень захотелось пойти туда, побродить по тем местам, где мы гуляли с однокурсниками, почитать стихи, которые любили слушать мои друзья, захотелось просто посидеть там, на любимой скамейке.

В парке было пусто, стояла какая-то удивительная умиротворяющая тишина. Пахло горьковатым запахом опавших прелых листьев. Обычно оживленные аллеи парка сегодня никому не приглянулись, и на нашей скамейке никто не сидел. А я шла сюда, надеясь, что здесь, как и прежде, будут ждать меня мои друзья... Как глупо...

Я печально вздохнула, назвала себя «романтичной душой» и уже хотела пройти мимо, когда вдруг заметила блокнот, лежавший на краю скамейки. Вокруг никого не было, не встретила я людей и по дороге сюда, следовательно, он лежал здесь давно. И все же было такое ощущение, будто его только что здесь положили. Я невольно огляделась, пытаюсь отыскать того, кто мог его забыть, – никого.

Я села и взяла блокнот в руки. Обычный девичий блокнот: стихи Асеева, Цветаевой, Щипачева, Кочеткова – все о любви.

Я уже хотела положить его на место, как вдруг оттуда выпала маленькая фотография. Обычная фотография «три на четыре», которые клеивают во всевозможные документы. С фото на меня смотрел молодой симпатичный парень с серьезным взглядом и умными глазами. А на обороте я прочитала:

«Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете»...

Что-то заинтересовало меня, и я снова открыла блокнот. Где-то с десятой страницы пошли записи, то ровные, неторопливые, а то написанные наспех, кое-где вообще неразборчивые. И было в этих строчках что-то такое чистое и светлое, что заставило меня сесть и дочитать дневник до конца...

Январь, 2.

...Это был мой самый счастливый день. Я поняла, что люблю, и еще поняла, что любима. И я не перестану говорить, что я действительно счастлива. Я счастлива, когда ты рядом – что может быть лучше того, чем сидеть рядом с тобой и молчать. Слова не нужны, они такие грубые и ненужные. Говорят глаза, руки, губы. Я смотрю на тебя и слышу: «Я люблю, я жду, ты моя, никому не отдам». И я отвечаю, отвечаю без слов: «Люблю, верю, жду, мой, никому не отдам, прости, что заставляю ждать. Ты пойми, прости и дождись меня, родной мой»...

Январь, 5.

...Каждый раз, прощаясь с тобой, мне кажется, что я больше тебя не увижу, и когда ты уезжаешь, всякий раз я как будто прощаюсь с тобой навсегда...

Я боюсь проснуться: мне кажется, что я вижу прекрасный, дивный, долгий сон, я боюсь лишний раз закрыть глаза: а вдруг я открою их и окажусь в мире, где не будет тебя. И если бы это случилось, и ты оказался бы лишь моим сном, что бы я тогда делала, как бы жила? Нет, это даже представить страшно! Мне не нужен мир без тебя! Я не хочу быть счастливой без тебя! Я хочу всегда, слышишь, всегда, открывая глаза, знать, что увижу тебя. Мне необходимо, как воздух, знать, что ты меня любишь, потому что без твоей любви мир для меня станет серым и бездушным. Я хочу, чтобы всю мою жизнь, всю мою душу, каждый уголок заполнил ты. Я хочу, чтобы ты отдался мне весь, я не хочу делить тебя ни с кем, потому что я люблю тебя. Люблю искренне и горячо, люблю в первый и единственный раз в жизни. Я это знаю...

Январь, 6.

...Неужели ты сегодня не приедешь?

Неужели ты не почувствуешь, как я тебя люблю?..

Приехал! Почувствовал!

Январь, 8.

...Приехал, когда я уже не ждала (обманываю сама себя: нет такой минуты, когда я тебя не жду). Ты был такой измученный, такой усталый и такой родной. А я уже лежала и перед сном заполняла дневник, глядя на твою фотографию. И вдруг – ты!

Знаешь, может, это и смешно, но я жду тебя даже во сне, и я так свыклась с этим ожиданием, что мне кажется, если я проснусь среди ночи и увижу тебя в своей комнате – ничуть не удивлюсь. Правда, глупо?

...Ты, наверное, уже доехал домой, сейчас, вероятно, ложишься спать, а я еще долго не усну. Не усну, потому что завтра экзамен, потому что только что видела тебя, потому что люблю тебя, потому что, потому что...

Спокойной ночи, родной, и пускай тебе снятся хорошие сны...

Январь, 13.

...Сегодня я прочитала новое стихотворение. Оно поразило меня. Знаешь, родной, в нем моя душа:

Ты рядом – и все прекрасно:

И дождь, и холодный ветер,

Спасибо тебе, мой ясный,

За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.
Мы рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо,
За то, что ты есть на свете.
Январь, 20.

Кто сказал, кто придумал, что любви на свете нет. Как это глупо! Спросите у меня – есть ли на свете любовь? И я отвечу: «Люди! Есть на свете любовь! Слышите? Есть! Ее не опишешь пустыми словами, о ней не расскажешь, но она есть. Любовь почувствуешь сердцем, когда она придет.

Январь, 28.

Две недели, целую жизнь, я тебя не видела. И вот ты пришел и такие грустные, любящие, честные глаза, что я не стала тебя ни в чем упрекать.

Я не верю, что все твои слова – ложь и выдумка. Не верю. Просто человек не может так лгать, невозможно лгать, зная, что ложь убьет. И я тебе верю. Верю и люблю, назло всем...

Январь, 29.

Мне дороги минуты, проведенные с тобой. Каждая секунда остается в моем сердце навсегда.

Ты мой, только мой. И единственный.

Единственный, ненаглядный, любимый. Оставайся таким для меня всегда, пожалуйста. Не меняйся, родной мой. Я не переживу предательства.

Январь, 31.

Опять увижу тебя сегодня. Ты будешь рядом, совсем близко – захочу и дотронусь рукой.

Только ты какой-то в последнее время растерянный, будто что-то гложет тебя. Стал задумчив, раздражителен. Что с тобой, любимый, о чем грустишь? Поделись со мной. Я хочу тебе помочь. Перенеси на меня свою грусть: пусть будет больно мне, а не тебе.

Февраль, 14.

С тобой что-то происходит. Я не понимаю что, но с каждым днем ты все больше отдаляешься от меня. Вроде бы ты все такой же, но временами все меняется. Мне стало казаться, что ты меня не любишь. Даже не то. Ты вроде бы хочешь быть со мной, говорить о своей любви, но тебя что-то удерживает. А ведь если любишь с оглядкой, это и не любовь вовсе, а что-то другое.

Откуда у меня такие странные мысли. Мне стало от них страшно.

Мы перестаем понимать друг друга. Я не могу достучаться до тебя. Я боюсь, что мы можем потерять свою любовь, а ты этого не понимаешь.

Февраль, 25.

...Перестая понимать тебя. Не могу объяснить твои поступки. Долго думала о тебе, о том, что происходит между нами.

Я думаю, что у нас с тобой слишком разные характеры, и то, что противоположности притягиваются – у нас не срабатывает. К чему это может нас привести?

Ты так щепетилен в мелочах, перестал доверять мне. В каждом моем слове ты ищешь что-то подозрительное, скрытое, другое значение. Почему? Не понимаю. Мне кажется, ты все усложняешь, а ведь все так просто. Просто я хочу, чтобы меня любили, просто хочу быть счастливой. Хочу уверенности и спокойствия. Не хочу сомнений и тревог. Это много? И что? Раньше так и было. Когда я встретила тебя, все было ясно и просто, и потом у меня тоже не было сомнений, а потом все изменилось. Такое чувство, как будто ты меня проверяешь. Ты такой родной, такой дорогой, любимый и вдруг становишься совсем чужим.

Я боюсь, почему-то я не могу довериться тебе до конца. Хочу тебе верить и не могу. Мне стало казаться, что придет день и я стану в твоей жизни лишней и ненужной. Больно, как больно...

Март, 1.

Так долго опять тебя нет. И неизвестно, когда появишься. И на вопрос: «Где же ты так долго был?», последует ответ: «Как долго, всего несколько дней?» Вот так. И ты не поймешь, как я за тебя боюсь и переживаю. А мне ведь много не надо. Лишь бы знать, что у тебя все в порядке, что ты жив и здоров. Знаешь, что только в голову не лезет за то время, что тебя нет. А тебе как будто все равно.

Май, 6.

...Родной мой, шла к тебе и думала, что скажу, как тебя люблю...

Сдержалась, ничего не сказала, только смотрела и смотрела.

Неужели мы с тобой все-таки будем вместе? Иногда мне кажется, что этого никогда не будет, и так пусто становится на душе...

Май, 10.

...Иногда я представляю нашу с тобой дальнейшую жизнь, когда мы наконец будем вместе. Мы с тобой обязательно поедем куда-нибудь, далеко-далеко. Неважно куда, главное, мы будем вместе, долго-долго. И это будет самое счастливое наше время. Только ты и я, и больше никого. Ты можешь себе только представить: все время вместе, рядом. Неужели такое будет?

А сегодня ты мне позвонишь, и на твое «люблю тебя», я отвечу, что тоже тебя люблю, очень-очень.

А на следующей странице дневника рисунок: большой пушистый кот сидит, подперев лапой пухлую щеку, а на рожице такое комичное, такое недовольное выражение, что я невольно рассмеялась.

А под рисунком подпись: «Ты такой, когда долго не приходишь или не звонишь. Понял? Я не хочу тебя такого. Не будь таким, пожалуйста, родной мой. Хорошо?»

Май, 17.

...Знаешь, сейчас я могу просить у судьбы только одного: жить с тобой долго-долго, а потом, в старости, умереть раньше тебя, чтобы ты сам меня похоронил и оплакал.

Я не хочу, чтобы в моей жизни был день, когда тебе будет больно, и когда тебя не будет совсем. Мне кажется, что этого дня я не переживу.

Май, 19.

...Уехал. Уехал, даже не простился. А ведь тебя не будет целых полтора месяца. Как ты так можешь? У тебя жестокое сердце.

Июнь, 14.

...Когда тебя нет со мною рядом, меня начинают мучить сомнения, но стоит тебе позвонить или приехать, как все сразу становится на свои места. Сейчас ты звонил мне, и у меня долго-долго будет хорошее настроение. Ты был такой веселый, что даже через сотни километров, что разделяют нас, я чувствовала, что у тебя все хорошо. А мне ведь больше ничего и не надо: лишь бы у тебя все было хорошо.

Июль, 20.

Я так хочу и жду от тебя любви, тепла, понимания. А ты сам, сам отталкиваешь меня.

Иногда мне кажется, что ты слишком беззащитен, слишком раним и даже слаб. А сможешь ли ты защитить нашу любовь, если выпадут серьезные испытания? Не знаю. Иногда мне кажется, что не сможешь. Ах, если бы мне это только казалось. Но твои поступки так не сходятся с твоими словами. На словах у тебя все правильно, все хорошо, а вот на деле... Ты причинил мне боль, и мне сейчас очень плохо.

Август.

Этот месяц у меня пройдет без тебя. Самый долгий в году месяц.

Сентябрь, 15.

...Ты стал торопить меня со свадьбой. Хочешь, чтобы мы поженились как можно быстрее. Но все это как-то неестественно, будто ты пытаешься кому-то что-то доказать. А я не хочу никаких сомнений. Я не могу так. Я должна чувствовать, что ты хочешь нашей близости не в угоду кому бы то ни было, и не в доказательство чего-либо, а только потому что мы любим друг друга. Ты не можешь или не хочешь меня понять. Ты злишься и говоришь, что я тоже тебя не понимаю. Но ты сам виноват. Я разрываюсь от противоречий, а ты ничем не хочешь мне помочь. Твои слова, даже слова любви, звучат как ультиматум. Мы отдаляемся друг от друга. С каждым днем ты все дальше и дальше. Я хочу окликнуть тебя и не могу, словно что-то останавливает меня. Ты должен сам понять, что нам будет плохо друг без друга.

А сегодня ты вдруг сказал: «Господи, как же сильно я тебя люблю. Неужели я не смогу тебя забыть? Я ведь забуду тебя? Пусть через год, два, три, хотя бы тогда, когда у меня будут дети...»

Ты пошутил или нет. Я так и не поняла, но мне стало холодно от твоих слов.

Последняя запись не была отмечена ни временем ни датой. Строчки были торопливы, неаккуратны, словно писавший боялся не успеть за своими мыслями.

Говорят, что истинная любовь может преодолеть любые преграды. Значит, твоя любовь была не настоящей, она была ложью? Нет. Ведь я чувствовала, сердцем чувствовала, что ты меня любишь... А что же теперь?..

Теперь все. В моей жизни больше нет тебя и никогда уже не будет. Что в жизни, где нет тебя? Ничего. Пустота. И все безразлично: день, ночь, холод, жара. Нет ничего, даже слез.

Ты нашел в себе силы отказаться от своей любви, от нашей любви, нашел в себе силы предать меня. Да что меня, ты ведь себя предал.

А для меня сегодня кончилось все. Рухнул мир. Я так тебе верила, а теперь я прощаюсь с гобой, прощаюсь навсегда. Вот и развеялась добрая

сказка о любви и верности. Всего лишь сказка...

Понять тебя я не могу. А простить... Прощаю тебе все: нашу любовь, наше несостоявшееся будущее, наших нерожденных детей, нашу луну, одну на двоих, наше солнце, которое уже никогда не будет общим. Прощаю твои слова о любви, твое непонимание и мою боль, прощаю твой последний поступок. Прощаю и прощаюсь с тобой. Будь счастлив, счастлив за нас обоих, любимый, и никогда не почувствуй той боли, которую сейчас чувствую я. А ты, ты сам, понял ли, что ты наделал, сумеешь ли ты простить себя? Ведь наступит завтрашний день, и ты поймешь, что разрушил наше счастье своими собственными руками, и ничего уже нельзя будет изменить. Может, ты и научишься жить с этим, а я вот не могу. И знаешь, что еще? Никто и никогда не сможет любить тебя так, как я, и ты, как бы ни старался, никогда не сможешь меня забыть. В этом я уверена. Я, я сегодня умерла...

Господи! А ведь все могло бы быть совсем по-другому, все могло быть иначе...

Я сидела и машинально перебирала оставшиеся пустыми листы дневника. Листы, оставшиеся немymi свидетелями несостоявшегося счастья.

Горечь последних строк была настолько сильной, что я ясно ощутила ее. Боль потери незнакомой девушки передалась и мне. Такое разочарование в самом начале жизни, такой удар! Конечно, это не пройдет для нее бесследно, но так хотелось верить, что у нее, несмотря ни на что, все сложится хорошо. Я бы очень хотела встретиться с ней, поговорить. Я рассказала бы ей, что в жизни, какой бы сложной и тяжелой она ни была, очень много прекрасного и доброго. И мы на своем пути встречаем гораздо больше честных и чистых людей, чем тех, кто способен на предательство. А еще я сказала бы ей, что любовь все-таки не красивая сказка, придуманная людьми, а настоящее прекрасное чувство, приносящее безграничное счастье и радость. А боль? Боль проходит, и остается светлая грусть, которая уже не причиняет страдания.

Но девушки этой я не знала, и сказать ей ничего не могла.

Положив блокнот на место, я пошла к выходу. Я шла и думала о хозяйке дневника, представляя себе, как она выглядит, что делает сейчас, о чем думает, успокоилась ли она. А он? Как сложно, как тяжело. А из головы все не шло: «...сумеешь ли ты простить и понять себя»...

...Не спалось. Я выключила свет и распахнула окно. В комнату ворвалось безмолвие ночи. На небе сияла луна. Далекая и холодная, «одна на двоих», как писала девушка, потом вдруг до меня дошло: мне не надо ее жалеть. Нет. Жалости достоин скорее он, ведь он потерял чистое, любящее, преданное сердце. Он потерял настоящую любовь, любовь, которую люди могут искать всю жизнь и не встретить. А он встретил, но не смог сохранить. Бедный.

А девушка? Она, пусть не сразу, но все-таки поймет, что из ее жизни ушел человек, который предал бы ее рано или поздно. И пусть он лучше уйдет рано, чем слишком поздно. А она все равно встретит свое счастье. А иначе и быть не может, ведь люди с чистой открытой душой имеют право на счастье.

1978 год. Кремлевский Дворец съездов. Во втором ряду в центре – Ленинский стипендиат студентка 3 курса КБГУ Емузова Нина Гузеровна, ныне – министр образования и науки КБР. Третий справа в первом ряду – заведующий отделом учащейся молодежи и пионеров Кабардино-Балкарского обкома комсомола Анатолий Назирович Шарданов.

Это мероприятие называлось «Фотографирование в Кремле лучших комсомольцев страны». На фотографии – делегация лучших комсомольцев Кабардино-Балкарии. Эта акция была одной из форм поощрения комсомольцев, достигших значительных успехов в труде и учебе, и приурочена она была к Дню Победы.

Анатолий ШАРДАНОВ

Из «Энциклопедии Кабардино-Балкарской жизни»

Критик

– Кубати Тимурович! Мы тут сидим на природе, после важного совещания и подводим итоги в неформальной обстановке. Ну, все понятно. Все хорошо. И на совещании, и сейчас, в тостах, Вас хвалят, Вы же руководитель республики, а я хочу покритиковать Вас.

За столом повисла неловкая пауза. Все занервничали и поникли. Кто-то стал дергать тостующего за пиджак, тянуть новоявленного «героя» вниз, на место.

– Нет, я все-таки скажу несмотря ни на что! – продолжал тот, гордо оглядывая компанию. Затем сделал глубокий вдох и выпалил:

– Так вот, Кубати Тимурович! Нельзя... так много... работать!

«Коли разум не приметит, то и взор не заметит»

Об известном кабардинском философе-моралисте Жабаги Казаного рассказывают такую быль.

Во двор к Жабаги прибежал сосед и с тревогой сообщил ему:

– Жабаги, мне сказали, что тот всадник, который едет сейчас к твоему дому, задумал недоброе, он хочет тебя убить!

Жабаги выглянул из-за плетня и, увидев незнакомого всадника, спокойно вернулся к своему прежнему занятию.

– Жабаги, ты что, не понял с какими намерениями тот джигит едет к твоему дому? – переспросил сосед.

– Да я-то как раз понял, – сказал Жабаги, – это ты не понял. Этого человека я вижу впервые, и ничего хорошего в жизни я ему не сделал, значит – и плохого от него нечего ждать.

«Было бы много ручьев, а море само родится»

Известный в республике поэт решил отдохнуть на природе, поесть шашлык, пообщаться с женщинами. Однако денег на организацию такого банкета у него не было. И он вспомнил о двух своих друзьях. Один из них – профессор, обладатель хорошей коллекции дорогих коньяков и большой любитель женщин, другой – бывший руководитель, не потерявший в обществе уважения даже после перехода на менее значимую работу.

Позвонил поэт профессору и говорит:

– Слушай, Амир, мы тут с Шагбаном сидим на Белой речке, место тебе известное, и ты нас легко найдешь. Есть баран, с нами женщины, бери коньяк и приезжай.

После этого поэт позвонил другому товарищу:

– Шагбан, мы тут с Амиром на Белой речке, на нашем месте, – есть коньяк, организуй барана и приезжай с женщинами.

Весело провели время три друга, провозглашая тосты за щедрость благодатного края и за здоровье друзей.

«Уважения не закажешь, быть мудрым не прикажешь»

Проезжая мимо входа в Парк культуры и отдыха, я увидел уважаемого пенсионера, вышел из машины, поздоровался и поинтересовался здоровьем акакала.

– Все хорошо, сынок, – сказал он, – здоровье нормальное, «по возрасту», только в последнее время стал плохо видеть. Извини, но я что-то не узнаю тебя – ты чей же будешь?

Я назвал себя. Аксакал поинтересовался родом моих занятий. Я сказал, что работаю заместителем большого начальника.

– Жаль, – сказал он, – очень жаль, что ты никогда не будешь большим начальником.

– Это почему же я не буду большим начальником? – с легким недоумением поинтересовался я.

– Да потому, – продолжал он, – что такие, как ты, уважаемые, толковые и порядочные люди не становятся большими начальниками.

Привет-ответ

За непререкаемый авторитет в войсках, вальяжность манер и смуглое лицо его «за глаза» звали «черным полковником».

Конечно же, все знали, что за напускной суровостью начальника военной кафедры университета скрывается доброе и отзывчивое сердце.

Обратился к нему как-то один руководящий товарищ – офицер запаса.

– Послушай, Мажид Тимурович. Меня на днях направляют на высшие офицерские курсы «Выстрел» в Киеве. Позвони тамошнему генералу, попроси, чтобы у меня на курсах было свободное посещение. А на Крещатике я найду, чем заняться.

– Ладно, – ответил Мажид, – но звонить генералу не буду. Ты просто передай ему от меня привет, и он все решит.

Прибыл наш бравый вояка на курсы, зашел к генералу и докладывает:

– Курсант такой-то для прохождения курсов прибыл. Вам привет от полковника Хажиахметова.

– Привет от полковника Хажиахметова положи в шкаф, – услышал оторопевший курсант, – а сам топай на занятия!

Кабардинский кореец

Общительный и острый на язык сын «страны утренней свежести» и верный последователь великих идей «чучхе» волею «отца народов» был выслан из Средней Азии в Кабардино-Балкарию, где жил в одном из кабардинских селений. В зрелые годы работал в образовательных учреждениях города Нальчика и балкарских селах.

Такая разнообразная языковая среда позволила ему овладеть, помимо родного корейского, русским, кабардинским и балкарским языками.

Друзья этого невольного полиглота называли его в шутку агентом четырех разведок, на что он без обиды добавлял:

– Не четырех, а пяти, вы забываете еще одну – израильскую, –

намекая и, видимо, втайне гордясь своей природной хитростью, которую обычно связывают с древнейшими жителями Палестины.

Бог, а если выразиться точнее – Будда, не обделил его талантами, да и жизнь вдали от Родины заставляла его ежедневно доказывать всем, что он ничем не отличается от окружающих. И он мастерски справлялся с этой задачей. В кругу кабардинцев он с балкарским акцентом рассказывал анекдоты о балкарцах, а среди балкарцев те же самые анекдоты рассказывал о кабардинцах.

А о нем самом тоже ходило немало анекдотов.

Вот один из них. Когда он поступал в Кабардино-Балкарский госуниверситет, экзамены у него принимали преподаватели-кабардинцы. После непродолжительной подготовки наш герой пошел отвечать и невольно подслушал диалог, который вели между собой на своем языке преподаватели-кабардинцы.

– Давай поставим, – предложил один из преподавателей, – этому «узкоглазому» тройку, хватит с него и этого.

– Аллахом вас прошу, – услышали оторопевшие от неожиданности преподаватели на чистейшем кабардинском языке, – не ставьте мне тройку, поставьте то, что я заслуживаю, но уже не как корейцу, а как кабардинскому корейцу.

Елена ЯДРИНА

Выпускница Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, факультет хорового дирижирования. Преподаю музыку и физкультуру в школе. Руководжу вокальным и танцевальным коллективами.

Ценю жизнь. Вижу в ней много несправедливого и много прекрасного. Радуюсь всему и огорчаюсь от всего. Чувствую себя самой счастливой несчастной. И мне трудно представить, что можно жить по-другому.

Из цикла «Песни горянки»

ДОМ ГОРЦА

Край кавказский,
Вольный, страстный,
Ты в стихах воспет не раз!
Склоны, кручи,
Край могучий!
Горный, гордый край Кавказ!

Небо ниже,
Солнце ближе –
Греет луг под ними бока.
Шлемы-пики
Гор великих
Пропороли облака!

От пещеры
Вниз к ущелью
Тонкой струйкой бьёт ручей,
Языками
Лижет камни,
Чтобы песнь излить звончей!

В хвойной чаще
Стволяя чаще.
Плотным строем лес стоит.
Кроны сосен
Скрыли просинь,
Даже свету путь закрыт.

Перевалы
Для бывалых

Вдоль обрывов голых скал.
Кто не местный,
Шаг – и в бездну!
Знает тропы аксакал.

У подножья
Конь стреножен,
Чтоб не шёл в чужой табун –
След копыта
В глину вбитый,
Словно оттиск древних рун...

Ритм лезгинки
Острый, пылкий
Режет воздух, как кинжал!
Сердце бьётся,
В пляску рвётся
Каждый мускул задрожал!

Водопады
Льют каскады –
Хор студёных горных рек!
Льёт здоровье
Вниз к низовью
Ледниковый талый снег.

Вдоль долины
Взор орлиный –
Ищет жертву зоркий глаз!
В лад с природой Дух свободы –
Давний, славный край Кавказ!

ТАНЕЦ ГОРЦА

Когда он танцует,
Воздух звенит!
Лезгинкой чарует
Красавец-джигит!

Взгляд чистый и гордый,
Сажень в плечах!
Рождённый свободой
И ветром в горах!

И в каждом движенье
Горская страсть!
Магнит, притяженье!
Пропасть – пропасть!

Рисует узоры
Шагом косым.
Хвалу пойте, горы,
Танцует ваш сын!

СЕРДЦЕ ГОРЦА

В груди у горца бьёт сердце гордое,
Слагая пульсом особый ритм.
Оно большое, оно свободное,
В нём жизни яркий огонь горит.

В нём сила воли и дух неистовый,
Источник мужества в нём могуч,
Им обладает кавказец истинный,
Кровь мусульманская – горячий ключ.

Тепло от сердца идёт огромное,
Но справедливость на первый план.
В общенье сердце простое, скромное,
В любви и страсти – как ураган.

Но в чувствах сердце довольно сдержанно,
Эмоций буйство таит оно.
И всё же сердце своею нежностью
Ко мне единственной обращено.

И это сердце в ладонях бережно
Я близко-близко держу у губ.
Всю жизнь с любовью в мире бешеном
Я это сердце беречь смогу.

Все дни и ночи сумею трепетно
Я сердце сердцем своим хранить.
В словах, в поступках до дня последнего
Не ранить сердце, не повредить.

Мне это сердце безумно дорого,
За это сердце я всё отдам
Не испугаюсь огня и холода,
Не брошу сердце и не предам.

И дорожу им не напрасно я –
Оно любовью ко мне дрожит.
Горда я этим и этим счастлива –
Мне сердце горца принадлежит!

Я ЖИВА

Торжествуй, мой ангел хранитель!
Я жива! Я, как прежде, жива,
Обошел меня жизни каритель,
Я сегодня еще не мертва!

Я жива. Оттого и метели
Не тревожат меня. Я дитя!
К небесам возносят качели,
Баюкая ветром меня.

Оттого, не зная пространства,
Мысли вечно уводят меня
В пышное, снежное царство,
Где царицей являюсь всегда.

Я жива. Жизнь моя бесконечна,
Коли смерть не желает меня.
Буду жить своей жизнью я вечно...
Не пугай, Бес, иллюзию сна...

Этот дом
И пустой переулочек,
Полный сном
Хрустальных шкатулочек,
Этот мир,
Эта ночь неживая,

Вечный пир,
Сущность мнимая рая...
Все не то,
Все фальшивость земная.
Все не те...
Да и я не святая.

Таков наш мир – наш мир коварен;
Чуть-чуть не то – и ты отравлен.
Неосторожен – и пленен,
И язвой сплетен поражен...

...О личной правде умолять?
Или молчать, терпя позоры?
Иль предъявлять свои укоры
И злостью злое отражать?

Коли молчать – терпеть узоры
На фоне жалких будних дней,
Обиду запереть в затворы...
Все – мука... Погружаться в ней?

Коли кричать – святое бросить,
И стыд, и совесть потерять.
Но там... Никто нас и не спросит:
Чего хотел ты отстоять?

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Уважаемая редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария»!

Перелистывая Интернет, я столкнулась с некоторыми номерами вашего журнала. Удивилась тому, как интересно составляется каждый номер, где можно найти много интересного о вашем горном крае, как о жизни проживающих там народов, так и о достижениях во всех основных сферах жизнедеятельности. То, что вы не ограничиваетесь жизнью республики, а публикуете многих авторов из других республик и краев, радует. Это и есть взаимодействие литератур.

Я с удовольствием становлюсь вашим читателем и хочу поделиться некоторыми мыслями по поводу выхода в свет новой книги стихов моей землячки Валентины Ерофеевой-Тверской, изданной в этом году в издательстве «Вешние воды» в городе Орле. Поэзия не только душа народа, но и музыка мира. Я думаю, что читателям журнала «Литературная Кабардино-Балкария» будет интересно ознакомиться с творчеством открытой сердцем и душой сибирячки.

«СИБИРЯЧКА, РУССКАЯ, СУДАРЫНЯ...»

В поэзии Валентины Ерофеевой-Тверской отчётливо, рельефно проявляются и звучат Родина, время, характер и судьба. Они – как четыре координаты пространства, вступая в которое, мы входим в диалог с современницей – страстный, доверительный, поднимающийся порой до ощущения пронзительного взаимопонимания и таинственного родства.

Диалог этот многозвучен, музыкально и эмоционально расцвечен и касается множества тем, близких сердцу, особенно – любящему женскому сердцу:

*Глубина за семью печатями.
Не разгадывай – не получится.
Под звездой родилась отчаянной –
Мне по жизни она попутчица.*

*Вскину голову – взгляд туманится:
Бездна неба неодолимая.
Мне покорною быть не нравится,
Больше нравится быть любимой.*

Первая смысловая координата, – Родина – в стихах Ерофеевой-

Тверской – одновременно чистая музыка и постоянная боль. Музыка проступает откуда-то из глубины, из вечной памяти рода, из звона крови, и, входя в неё, доверяя ей, мы обретаем ясную разгадку – откуда она? – только в конце книги, в лирической поэме о детстве:

*Расписной полушалок бабушкин,
где краснели, что в поле, маки,
я накидывала, как барышня,
и кистями играла мягкими...*

*Ах, горюшко, горе, бреду наугад,
не зная, – достигнет ли твой камнепад?
Лицо подставляю дождю и ветрам
и вести тревожные жду по утру.*

А боль звучит, прежде всего, в дне сегодняшнем (эхом откликаясь в воспоминаниях детства), но – вслушайтесь! – нет в ней ни обречённости, ни уныния, а есть вера и призыв – выстоять, одолеть, быть. Детская беда собственная и нынешняя беда Родины осмысливаются поэтессой в фольклорном ключе, ибо, обращаясь к праобразам, архетипам, в них можно не только почерпнуть языковую мощь – ведь они просты и понятны всем, звучат без надрыва, но верно и грозно.

Когда читаешь в начале книги:

*На семи ветрах слёзы высохнут,
Нам ли недругов потешать?!
Православные храмы высятся,
Бабам помнится, как рожать
Крепких детушек – воин к воину:
Чтоб не смолкла родная речь,
Русь родимую, волю вольную
С Божьей помощью уберечь...*

– опираешься только на музыку и силу слова, но, перелистывая последние страницы, понимаешь, что у этой силы глубокие живые корни, что она кровно связана с землёй и небом России, её сердца – Сибири. И личная судьба поэтессы, её жизненная стойкость становятся залогом верности её слов.

Вторая координата лирического пространства книги – время – тоже представляется как некая единая, цельная двойственность. С одной стороны, народный стих – вроде бы из прошлого – рождается тогда, когда слову нужна особая, глубинная сила. С другой – поэтесса без труда включает современные реалии и словечки в свой поэтический обиход, осмысливает их, не отвергая, а словно приглядываясь к ним, приручая, и потому они не выглядят чужеродными, но чётко, узнаваемо обозначают сегодняшний день.

Впрочем, можно сказать, что самое главное время в книге – это время

любви: расцвета чувств. Для лирической героини любовь – счастье, она, как водится, и неизбежное страдание, и здесь в полной мере сказывается характер: по-настоящему русский, сибирский, одинаково сильный в страсти и верности:

*Мне не нужно ни в чём виниться...
Я уверена в самом главном:
Я умею теплом делиться,
Нераскаянно, с полным правом.*

*Я невзгоды приму любые –
Покаяние, вызов, постриг...
За одно, что меня любили,
Мне не страшно, что станет после.*

Не так уж много сегодня стихов о любви, не рассудочных – безрассудных по-настоящему, стихов о любви как о стихии, проявлении самой природы человека. Характер лирической героини – третья смысловая координата книги – определяется природной способностью искать любовь, верить любви, служить ей беззаветно. Но служение любви она понимает и принимает не как подчинение воле возлюбленного, а как равновесие воли, равнозвучие душ, столь редкое в наше время.

*Луна бродила по округе,
Вселяя странное веселье.
Ветвями яблони весенней
Переплетались наши руки.*

Да, обрести это равновесие очень трудно, и его нужно всё время удерживать, но за мгновения настоящего женского счастья можно выдержать многое – удары судьбы, разлуку, ревность, предательство... Лирическая героиня не устаёт бороться за свою любовь, и её вера крепнет, набирает свет:

*Силы в себе копила,
Нежное берегла.
Счастье весной штормило –
Пенило берега.*

*Вызрело многотравье –
Запах хмельным-хмельной.
Дни отношений странных
Между тобой и мной.
Осень. Кочуют грозды.
Белая даль видна.
Наперекор прогнозам
В сердце цветёт весна.*

Так и складывается её судьба – с верой, в преодолении, обретением счастья. Лирическая поэма, итожащая книгу, словно закольцовывает сюжет в раннем сиротстве, на миру как на лихом ветру, с доброй помощью тех, кто рядом, со светлой памятью об ушедших родных – к любви и силе духа...

Родной город, родная река, родные улицы в книге часто называются по именам и тепло узнаваемы даже теми, кто их слышит впервые – ведь эти имена освещены любовью автора, подхвачены волнами поэтической речи: Омск, Иртыш, Тара, Северные улицы...

Разнообразие стихотворных тем делает книгу объёмной, а музыкальное богатство – полифоничной. Сама поэтическая речь существует в широком пространстве от фольклора до сленга.

Ерофеевой-Тверской не чужды и эксперименты с формой – но только если они работают на содержание. Рядом с традиционными, а порой и народно-глагольными рифмами звучат рифмы экспериментальные, рискованно усечённые, составные. Классическая строгость формы уступает место мелодично-разговорному стилю, который может вдруг превратиться в грозно-заговорный:

*Разгоню тоску.
В чистом полюшке
Поотстонется,
поотплачется.
В чёрном омуте
слезы спрячутся,
Я порадуюсь
скоро вволюшку...
...Рвётся ввысь душа
по-над просекой,
К солнцу ясному,
к счастью просится.*

И всё это – о силе любви и свете нелёгкого счастья нашей современницы, которая гордо говорит о себе:

*И никакая вам
я не мадам,
Я – сибирячка,
русская, сударыня!*

Ей под силу многое, и не случайно из женских, вполне земных забот легко возникает образ небесный, космический, столь родственной как русскому фольклору, так и русскому порыву века двадцатого, откуда поэтесса родом:

*Шагнуть на небо,
словно выйти*

*в поле,
Чтоб звёзды,
как клубнику,
собирать.*

Сегодня Россия, как уже не однажды на своём долгом веку, переживает трудные, смутные, горькие времена. И отраднo знать, что вопреки досужим речам и домыслам, её судьба по-прежнему складывается из судеб таких сильных женщин, как сибирячка Валентина Ерофеева-Тверская, с полным правом и верой утверждающих истину о себе и своей стране:

*А я её за горе не клянц,
Я всё с ней разделяю без остатка.*

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

Мятежны мысли и мечты –
Пугают душу и тревожат,
И если день неверно прожит,
То сердце начинает стыть.
У нас у каждого свой крест, –
Мой колокол церковный звонок.
И если улыбнусь спросонок,
То – веря в благодать небес.
Всему земной отмерен срок.
Я чутким сердцем понимаю,
Живу, пишу и точно знаю:
Есть Божьи знаки в силе строк.

По пути в мой рай, в мой Чегем...

Утро было ясным, солнечным, как моя душа, которая искала радости и ждала чуда там, в Чегеме, куда собрались ехать спозаранку. Эта поездка была столь желанна, как, впрочем, и другие. Но в этот раз Исхак, двоюродный брат моей матери, нас вёз туда с настроением, с желанием увидеть свою малую родину по-новому. Моя тётушка Жаухарат, дядя Исмаил, как и я тоже, стремились туда всей душой. А младшая дочь Халимат впервые отправлялась в дорогу выше Чегемских водопадов. У неё была работа – снимать слайды для моей будущей книги. Она даже не представляла, что величие и божественность этих мест столь поразительны.

Село Элтюбю – колыбель истории, самое сакральное и таинственное, что может быть так близко нам.

Попадая туда, я вижу себя словно в Тибете, в тех уголках, где можешь черпать необходимую жизненную силу, то, чего недостаёт, чтобы задышать полной грудью. Это Чегем, который радует твою душу.

Приехав, окунув свой взор туда, где тебя ждут, наполняя сердце высшим светом, в первую очередь хочется распределить своё драгоценное время, чтобы успеть побывать везде. Что мы и сделали.

В первую очередь мы посетили старое кладбище в Пардыкла, где похоронен наш прапрадед, великий человек, поэт и философ Даут-Хаджи Шаваев. Это место, где нашёл свой вечный покой мастер словесности, известный общественный деятель своего времени, один из самых образованных людей всего Кавказа. Говоря так, я не преувеличиваю, об этом знают в мусульманском и тюркском мире. В далёкой Саудовской Аравии признают то, что можно ехать на его могилу для паломничества. Об этом говорили великие умы и шейхи, которые считают священным то место, где он лежит...

Я думаю, что каждый, впитав смысл его четверостишия, которое столь широко раскрывает его поэтическую душу и глубокий ум, не может думать иначе. Оно звучит так:

*Была бы воля моя,
Не пришёл бы в этот мир.
Исполнилась бы воля моя,
Не покинул бы этот мир.*

Посетив его могилу, мы отправились к историческим местам, где находятся кешенеле (гробницы), оставленные на память потомкам многие века назад. Они находятся под Кукук или Дорбунлу-Кая. Находясь там, не можешь не поверить в сакральность того места у подножья высоченной скалы, над которым парят длиннокрылые орлы и белоснежные облака, молчаливые свидетели происходящего. Эти монолиты-скалы тысячелетиями молча взирают окрест. Много раз они видели, как менялись эпохи. Как проходили войны и восстанавливалась жизнь, как крали невест и плясали

на свадьбах, как джигитов иногда, случалось, встречали на щите.

Много веков в таком порыве проходила жизнь, меняя события, встречая гостей именитых и не очень.

Много всего случалось...

И эти безмолвные свидетели тех событий у подножья Кавказского хребта вызывают огромный восторг. Хочется преклониться перед ними, перед этой мощью, силой и достоинством.

Дальше, следуя к подножью Битикле, где находится Жулу-Кол, мы подходим к греческой лестнице, которая проходит через всю гору и заканчивается наверху, возле пещеры. Здесь всё исторически очень важно. Здесь каждый камень имеет смысл. Отсюда можно начать свой путь вверх, с берега речушки Жылгы, где многие учёные пытаются найти ответы на свои вопросы, изучая знаки на камнях, пещерах и скалах. Эти знаки устами учёных называются руническими письменами. Сколько тысячелетий им, никто сказать не может. Но одно ясно – история балкарского народа начинается в глубокой старине.

Много веков, со дня образования первобытного человеческого общества, люди находили здесь приют, в этой теснине, где суровые природные условия были далеко не идеальны. Но много поколений в каждом из этих топонимических объектов образовывались селения, и в каждом из них жили определённые фамилии. С далёких времён жителям селений Элтюбю, Булунгу, Кам и всех остальных исчезнувших сёл известно, откуда тот или иной род, та или иная фамилия. Ведь определённые фамилии и составляли общины и проживали веками, не покидая свои места.

Во время экскурсии Исмаил и Исхак рассказывали интересные истории об этих важных для истории моментах. Халимат была потрясена увиденным и услышанным. Безусловно, стихия гор впечатляет, а быстрая речушка Жылгы, которая течёт с запада на восток и стремится попасть в объятия такого же быстрого Чегема, – как песенка, в которой многократно признаются тебе в любви. Она столь чиста и горда в окружении и под защитой великанов...

Переходя реку Чегем, мы направились в противоположную сторону от речушки Жылгы, к подножью горы Доннгат, где по пути переходили речушку Кардан (Талая вода). Эта речушка берёт своё начало из ледников горы Ак-Кая.

За речушкой Кардан начинается подъём по очень крутому склону, где растёт барбарис. Когда мы были там, он созрел и красным покрывалом украшал склон. Чем выше мы поднимались, тем чётче открывалась панорама селений Элтюбю, Пардыкла, Булунгу, Кам. Кешенеле тоже внимательно наблюдали за нами, спокойно расположившись у подножья Кукук-Кая, которая крепким монолитом горделиво стояла, наблюдая за всем, что происходит. От впечатлений голова шла кругом, замирало дыхание.

Кешенеле – восьмигранные и четырёхгранные – поражают и сегодняшние умы. Точный расчёт в построении подобных объектов, которые относятся к исторически важной эпохе, свидетельствует о профессионализме мастеров по камню того времени.

Две гробницы (кешенеле), которые находятся чуть в стороне и очень

близко друг к другу, дают повод думать о том, что их связывало нечто большее, чем наличие места. Из определённых источников известно, что кешене, которая побольше, принадлежит Биймырзе Согаеву. Он был очень состоятельным человеком своего времени, о чём свидетельствует кешене. Вторая, поменьше, кешене принадлежит Леуан-шыйыху.

Леуан-шыйых, по поверьям, был родом из Дагестана. Он жил в селении Думала. Он там женился и растил своего сына Артыка. Как рассказывают, тоже был довольно состоятельным и гостеприимным человеком.

Леуан-шыйых был провидцем, мудрым человеком, решал многие жизненные проблемы жителей малых и больших сел в окрестностях Элтюбю. Потому как село Элтюбю было центральным сельским поселением того времени. В последующие годы там образовали тѐре – главный управляющий орган. Туда съезжались не только жители Чегемского ущелья, но и других поселений Балкарии и Кабарды. Об этом умном человеке я слышала в детстве от своей бабушки. Она говорила, что к нему приходили издалека за предсказаниями, советами. И они сбывались с удивительной точностью. Он даже предсказал, что пройдёт какое-то определённое время, и во всех селениях вокруг Элтюбю и Булунгу навсегда погаснет огонь в очагах, веками живущие люди их покинут, никогда к ним не возвращаясь. Кто знает, как приняли эту новость те, которые это услышали. Уж точно хочется думать – большинство в это не поверили. Ведь никому бы не хотелось покинуть свою обжитую пристань в столь живописных местах, если бы даже было там немного сложнее жить...

Такому значимому человеку в знак благодарности и построили кешене.

Три гробницы, что находятся чуть дальше вышесказанных, по рассказам старейшин, принадлежат трём сыновьям Орты Айдолова, которые погибли, упав с крутого обрыва. Форма этих гробниц восьмигранная. И они намного больше других.

Много героев, ашугов, абреков нашли здесь свой последний приют, закончив свой земной путь. И те, которые помнили этих джигитов, из поколения в поколения несли свои впечатления, услышанные от старейшин, и передавали более молодым. Ими, нашими далёкими предками, было рассказано и о судьбе Айдовых, которые составляют наше наследие, сокровищницу нашего народа...

Айдоловы впоследствии стали Малкаруковыми, назвавшись так в честь младшего, единственного оставшегося в живых сына Малкарука. Его потомок Ампока построил Малкаруковскую башню для своей любимой жены, княжны дагестанской.

Все эти места хранят много воспоминаний, помнят многих героев. Начиная с тех мест, где находятся кешенеле, и до самого берега реки Чегем в этих местах много кладбищ.

Они древние и очень древние...

Преодолев крутизну восточной стороны, мы вышли на более плоское место и направились к моельному камню. Место у подножья высоченной вершины Доннгат с его глубочайшими пещерами, конечно, восхитительно. На восточной части скалы видны следы разрушений. Наверняка это произошло после сильного селевого потока, потому как вокруг лежала насыпь

из камней и других горных пород.

Молельный камень – это огромный монолит, площадь которого 14 квадратных метров. Он имеет правильную форму и углубления в местах, где должны прикасаться голова, колени. Луночка с левой стороны, где собирается столько воды, сколько нужно для омовения.

О, Аллах, как всё в природе взаимосвязано! Намоленный веками плоский монолит имеет удивительную энергетику. Каждый, кто проходит, может остановиться, провести омовение и здесь же совершить намаз. Камень обращён в сторону Мекки. На мой взгляд – это восьмое чудо света, направляющее непросвещённого на путь истины.

В этом месте у подножья горы Доннгат в одноимённом селении издавна жил мудрый и трудолюбивый народ. Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся до сих пор каменные фундаменты жилищ и тропы, проходящие между ними. Как рассказывают, основали село Доннгат два брата. Один из них заготавливал черепицу, а другой был мастером по изготовлению бус. Они продавали и меняли свою продукцию. И для этого к ним приезжали покупатели отовсюду. Даже сегодня в местечке, где находятся старые могильники, можно собрать в местах, размытых дождём, бусинки разных форм.

До того места, где находится молельный камень, мы проходим мимо Камня братьев. Он тоже имеет странную эллипсоидную форму. Возле него останавливались путники, чтобы отдохнуть, набраться сил и поиграть в «сорок косточек».

Потому как дорога крутая, здесь отдых просто необходим. Возле этого камня, как рассказывают, проводили соревнования по перетягиванию каната. Но сакральная природа места не в этом заключалась. Как было выше сказано, жители села Доннгат находились на том промежутке дороги, где останавливались караваны Великого Шёлкового пути. Наверняка они отдыхали, молились, и кто знает, какие слагали стихи и пели песни, наслаждаясь великолепием этой природы. Но точно знаю – равнодушным в том раю мог быть только слепой! Каких великих сказателей, акынов и путешественников принимала и отправляла эта земля? Кто знает, какие восторженные сказки рассказывались после привала в этих местах? Возможно, какие-то впечатления и легли в основу повествований и историй о чудесах, увиденных в пути по бескрайним караванным дорогам купцами и путешественниками.

С этого места начинается Шыякыла (старые могильники) и Думалинская долина, где до депортации было одно из больших сел Верхнего Чегема – Думала. Огромное плато, где расположилось село, дает возможность понять, сколько было дворов, каково было вести здесь хозяйство и какие природные условия способствовали выращиванию хлеба и всего остального. Именно с места, где расположилось селение Думала, уходила дорога в Холамское ущелье и в другие маленькие селения правой стороны реки Чегем. Сегодня на месте этих древних сёл люди находят старые жернова, плуги и другую хозяйственную утварь.

Но не только этим горд народ, живший в Элтюбу и окрестных сёлах. Они горды своими людьми. Я выше упомянула о Дауут-Хаджи Шаваеве,

который жил в местечке Байгорун в Элтюбю. Это место на окраине села, где дорога уходит в сторону Булунгу. Этот участок земли был подарен хозяину князем Малкаруковым. Сам Даут-Хаджи научил сыновей жизненно важным специальностям. Сыновья Осман и Махай были очень способными учениками. В строительной деятельности Махаю не было равных. Он построил большой дом с хозяйственными постройками. Развёл фруктовый сад и сам же выводил новые сорта деревьев. Это в то далёкое время было просто в диковинку. В саду под деревьями была большая пасека, которая способствовала опылению фруктовых деревьев.

О Махае Шаваеве сейчас вспоминают как об очень талантливом строителе. Он считал, что для человека огромная хвала и честь, когда он строит дороги. И это он делал успешно и много. До сих пор и в селении Элтюбю, и в других окрестных сёлах – таких как Актопурак, Жора – посажены фруктовые сады, построены из камня высокие заборы у дорог, чтобы не было обвалов. Эти фруктовые деревья до сих пор плодоносят, и каменные постройки защищают дороги от селевых масс. Махай Шаваев, сын Даут-Хаджи, умел находить в горных породах известковые камни и сжигал, получая высококачественную известь. Эту известь он применял в строительстве и раздавал сельчанам для побелки своих домов. Он также обжигал кирпич, чтобы строить печи и другие хозяйственные объекты. Его кирпичи можно и сейчас найти, узнавая по эмблеме «Ш. М.».

Даут-Хаджи открывал в своё время медресе в селении Элтюбю, где учились лучшие сыны всей Балкарии. А Махай, после того как сторела деревянная мечеть, построил каменную мечеть, и все жители из окрестных сёл на пятничный намаз приезжали в Элтюбю. В то время это было уникально. Стены были обработаны из особого вида камня, а крыша покрыта была жостью.

То было золотое время. Никто не предполагал, что начнётся война и мужчины покинут свои обжитые аулы. А 8 марта 1944 года станет роковым днем для балкарского народа. Его ждала депортация, чужбина, голод, холод и тоска по родному краю. Эти беды многие не смогли пережить, не была исключением и семья Шаваевых. Махай и его братья в первый же год депортации умерли на чужбине. Земля Казахстана стала их последним прибежищем, концом их жизненного пути. Да упокоятся они там с миром!

О них помнят, о совершённых ими делах говорят с благодарностью. Спасибо им за это!

Мы, благодарные потомки, посещая эти места, хотим впитать дух доброты, оставленный ими. Каждая поездка в Чегемскую теснину, в село Элтюбю и его достопримечательные уголки, для меня праздник, которого жду, о котором громко хочу сказать самыми восторженными словами, поклонясь каждому камню, свидетелю истории нашего народа. Эта земля не перестанет рождать гениев, таких как Кайсын Кулиев, который говорил стихами об этих местах. Он говорил как молитву, как чувствовал, как любил...

Место сакральное, место таинственное, место святое – ты, мой Чегем! Колыбель культуры, земля моих предков. Живи и радуй всех ищущих вдохновения!

Юлия СОЛОВЬЕВА

НИТОЧКА С МИРОМ

Уважаемые читатели «Литературной Кабардино-Балкарии», в этой публикации я бы хотела затронуть тему, которая, на мой взгляд, не может не волновать всех нас. Речь пойдет о людях, по той или иной причине лишенных слуха. Они живут рядом с нами, возможно, даже в соседнем доме, ходят по одной с нами улице. Только складывается впечатление, что они живут вдали от нас, в каком-то другом мире, в неведомом для нас, слышащих, но который тоже имеет место быть. Поэтому и появилось желание написать о них, о том, как они живут в нашем непростом, а зачастую жестоким мире, где и нам-то, «здоровым», зачастую живется нелегко. Чем эти люди отличаются от нас, кроме своих ограниченных возможностей? Чтобы разобраться с этим, да так, чтобы еще объективно было, давайте посмотрим на «мир глухих» через иную призму, а именно – глазами не совсем обычного человека. Человека сразу из двух миров, и нашего, и не нашего, посредника между нами и ими. Переводчика с языка, в котором нет слов, а вместо букв – знаки, показываемые руками сурдопереводчика. А что мы знаем о людях такой уникальной и своеобразной профессии? Скажем честно: мало или ничего. Поэтому давайте знакомиться. Я встретила с Раисой Алихановной Тебаевой – сурдопереводчиком Кабардино-Балкарской общественной организации инвалидов Всероссийского общества глухих, и взяла интервью, которое, надеюсь, вызовет интерес у читателей журнала.

– Раиса Алихановна, расскажите, пожалуйста, как вы пришли в эту профессию?

– Так сложилась моя жизнь, что вышла замуж за глухого человека. Познакомилась я с ним на СКЭПе, куда устроилась на работу по окончании политехнического техникума. Чтобы возможным было общение, сначала переписывались, потом я выучила язык глухих. Несмотря на глухоту, у него не было комплекса неполноценности. Говорил, милостыню ни у кого не прошу, руки-ноги есть, работаю, значит, смогу содержать себя и семью. Никаких скидок себе не делал. Вот так, через него я вошла в мир глухих. Причем с уверенностью могу сказать: я – самоучка. Мы с будущим мужем еще встречались, когда он дал мне азбуку глухих, я легко освоила ее, выучила всего за три дня. Потихонечку от переписки перешла на мимику и жесты. Поженились мы в 1977 году, а через год уже родился сын. Сынишке было еще только четыре месяца, а сама я находилась в декретном отпуске, когда получила приглашение поработать в библиотеке Всероссийского общества глухих (ВОГ). Вскоре в ВОГе я перешла на новую должность, стала работать сурдопереводчиком. Первое время мне было очень трудно: теряла

нить разговора, сбивалась в переводе, поэтому через год ушла, решив, что это не мое. Здесь мне хотелось бы процитировать слова великого русского писателя Л. Н. Толстого, который сказал: «Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай». И когда в 1991 году ко мне обратились с просьбой вернуться к работе сурдопереводчика (в этот период я уже хорошо понимала язык глухих), я не отказалась, и работаю по сей день. Разговариваю сейчас с вами, а сама руки держу, чтобы не размахивать, у меня это уже получается непроизвольно.

– *Расскажите, пожалуйста, о своих корнях.*

– Родом я из селения Аушигер, выросла в большой семье. У меня шесть сестёр и четыре брата. Отец был лесником и очень уважаемым человеком в селе. Хотя он закончил всего четыре класса начальной школы, но и односельчане, и представители сельской интеллигенции приходили к нему за советом. В нашей семье свято чтит кавказские традиции гостеприимства. Мать всегда готовила много еды. Для нас было привычным, что каждый день дети соседей прибегали к нам на обед. Их родители чувствовали себя неловко, говорили, что у них дома полно еды. Да и они сами, став взрослыми, при встрече со мной смущаются, вспоминая это. Был ли какой праздник, например 9-е мая, у нас в доме все село гуляло, и ветераны, и просто сельские жители. Приглашались все, кто проходил мимо. Мать приготовит махсуму, так отец большую кружку нальет, тарелку наполнит до краев едой. «Ешь, пей. Пока не поешь, не уйдешь». Если кто-то из приезжих не успевал на последний автобус, он всегда мог найти приют в нашем доме.

Помню, как на родительском собрании учительница спросила мою мать: «Халимат, расскажите, как вы воспитали таких хороших детей?» Мать удивилась: «Особо и не воспитывали. Не знаю, что и ответить...».

Может, действительно, воспитания как такового и не было, примером для нас всегда были наши родители. Точно так же я воспитывала детей, а сейчас воспитываю внуков. У меня две дочери-двойняшки и две прекрасные внучки, ученицы второго и третьего классов.

Стоит сказать, что одна из дочерей пошла по моим стопам. Сейчас она учится на кафедре сурдопедагогики Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге, в будущем – специалист реабилитации по логопедии в послеоперационный период. До того как она поступила в университет, мы пытались получить в Министерстве образования и науки КБР направление на курсы по специальности «сурдопереводчик», которые находятся все в том же Санкт-Петербурге. По непонятной причине нам отказали. Хотя налицо нехватка кадров, но направление получить очень трудно, если не сказать невозможно. Пришлось оплачивать курсы для нее за свой счет.

– *Интересно узнать про мир глухих и про вашу роль в нем.*

– Это совершенно другой мир, вернее, другое понимание самого мира. В каком-то смысле, глухие – это большие дети. Например, заходят в кабинет, тут же начинают меня обнимать, целовать. Что делать?! Я для

них – мама, и уши, и рот... ниточка с миром. Я не даю оценку их поступкам, как давала бы поступкам взрослых людей. Они и разговаривают так же просто, как и дети, говорят очень простыми фразами. Мышление и поведение глухих отличаются прямоотой. Иногда это удивляет и может привести в замешательство и даже к недоразумениям.

С языка жестов глухих намного труднее переводить, чем с иностранного языка, так как тут нужно задействовать как актерское мастерство, так и навыки психолога, потому как зачастую бывает, что объяснить как есть – не получается, глухой человек просто не понимает. Со старшим поколением работать легче, они понимают, что ты переводчик – человек, доносящий слова. С нынешним, молодым поколением нужно говорить мягче, все время улыбаясь. Переводчик логически не может оставаться крайним в проговариваемой ситуации, но, к сожалению, как ни крути, и такое бывает. Все надо через душу пропускать, через сердце. Слова, которые были сказаны, я должна сделать более доступными для глухих, более понятными и узнаваемыми, а уже потом в измененном виде передавать. Таким образом, то, что сказала бы вам за две минуты, глухим, бывает, приходится минут сорок объяснять. Приходят же ко мне с любыми вопросами. И для меня это нормально, потому что я понимаю, что им не к кому больше идти. Я – прослойка между глухими и социумом. Вот и хожу с ними по врачам, судам, прочим организациям – везде, где нужна моя помощь.

– Какие профессии более приемлемы для неслышащих?

– Конечно, возможности глухих людей ограничены, но все равно есть масса профессий, которыми они могут овладеть на высоком уровне. Но очень многое зависит от родителей, от того, сколько души они вкладывают в ребенка, насколько они его хорошо развивают. В этом году трое ребят закончили факультет информатики и вычислительной техники по специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем» КИТиЭ. Профессия программиста очень подходит для глухих людей. Ведь говорить не надо, надо думать и составлять программы. Глухие часто работают зубными техниками, фотографами, обувщиками. Талантливые люди с проблемами слуха могут стать художниками, дизайнерами. Девочки – в основном швей-мотористки, руки у них проворные. Осваивают специальности маникюры, парикмахера, массажиста, медсестры. К счастью, их профессиональная жизнь и материальный достаток не зависят от глухоты. Но, повторюсь, все зависит от человека, его семьи. К тому же, сейчас по ИПР (индивидуальная программа реабилитации) каждому глухому предоставляется 40 часов помощи сурдопереводчика в месяц. Это не так много, но все равно ощутимая помощь.

– Знаю, что вы помогли неслышащим ребятам учиться в КИТиЭ...

– Когда ребята поступили, я весь первый семестр каждый день приходила к ним, сидела на лекциях, конспектировала и делала уроки вместе с ними, а потом они освоились и стали более самостоятельными, подружились с товарищами по учебе. Когда возникала острая

необходимость, я приходила и помогала им.

– **Какие проблемы в республике с образованием у молодежи?**

– Безусловно, это недостаточная база знаний, которую сейчас может дать наш Нальчикский интернат для слабослышащих детей. Уровень образования очень слаб. Родители мальчиков, закончивших КИТиЭ, в свое время выбили направление в белгородскую специализированную школу для слабослышащих, где работают сурдологи, психологи, профильные педагоги, а программа построена с учетом возможностей и способностей учащихся. Благодаря подготовке этой школы они получили старт, чтобы двигаться дальше. Также нет сурдопереводчиков в учебных заведениях. Я знаю, что ректор КБГУ неоднократно обращался в Министерство образования и науки КБР с просьбой о введении в штат колледжа должности методиста-сурдопереводчика. Этот вопрос по сегодняшний день остается открытым.

– **В каких преобразованиях, с вашей точки зрения, нуждается общество глухих?**

– Преобразования в обществе глухих, мне кажется, нужно начинать снизу. Глухие люди должны быть другими, более самостоятельными, а то получается что у всех пока «интернатское мышление». Еще учась в школе-интернате, они привыкают считать, что государство им обязано помогать, потому что они инвалиды. Нельзя сказать, что государство совсем ничего не делает. Есть льготы при оплате жилищно-коммунальных услуг (50 %-ная скидка). Не так давно по той же ИПР глухим выдали специальные мобильные телефоны и телевизоры с титрами, и это хорошо. Но, понимаете, не нужно ждать, когда будет плохо и говорить: помогите нам. Государство этими вопросами заниматься не будет. Надо самим тоже что-то делать. В любом обществе, в любой организации наличие лидера очень важно, особенно это важно в молодежной среде. Нужен человек, который мог бы увлечь людей за собой. Но, как правило, в обществе глухих лидеры появляются раз в 20-30 лет. Мне кажется, что в семье, в школе нужно воспитывать лидера, чтобы молодежь развивалась, шла вперед, а то, фактически, после школы они все несамостоятельные. Это то, что касается молодежи. Глухие же старики просто одиноки, как и зачастую большинство стариков. Жалко их. Мечтаю повезти стариков в Приэльбрусье, пусть горы посмотрят.

– **30 декабря 2012 года президент РФ Владимир Путин подписал поправки к Закону РФ «О социальной защите инвалидов» от 24 ноября 1995 г. N181-ФЗ. Произошли ли какие-либо изменения в связи с тем, что жестовый язык получил официальный статус?**

– Новым законом предусматривается наличие всех необходимых условий в государственных учреждениях для обеспечения всех инвалидов по слуху услугами сурдопереводчиков. Также при поступлении в учебные заведения инвалиды по слуху должны обеспечиваться бесплатно услугами сурдопереводчиков и всей необходимой учебной литературой. Изменений же нет, другими словами – ничего не делается.

На сегодняшний день, к сожалению, русский жестовый язык признается лишь как средство межличностного общения, хотя и имеет

официальный статус. Нет государственной программы, благодаря которой можно было бы решать многие проблемы глухих. Тогда появились бы учебные центры по подготовке сурдопереводчиков, средства визуализации в городе, места в вузах. Во многих странах мира национальные жестовые языки давно уже имеют официальный статус со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Приходится ли вам работать с детьми?

– Конечно, приходится. Скажу вам, что большинство родителей не умеют разговаривать со своими детьми, не знают язык глухих. Я считаю, что это очень неправильно. В результате, родители не знают, что у ребенка на душе. Приводят ко мне, просят помочь. Глухие дети живут в основном в интернате, бывают дома только на выходных, конечно, им не хватает контакта с родителями и, как следствие, родительского понимания. Конечно, нужен психолог. Но занять его в штате ВОГа нашей республики, как это делается в больших городах, возможности нет. Поэтому мне часто приходится выступать и в роли психолога. Ведь бывают не только бытовые проблемы, но и проблемы со здоровьем, и даже интимного характера, а дети не могут это донести до родителей.

– Плюсы и минусы вашей профессии?

– Минусы? Больше пяти лет я не была в отпуске, практически нет выходных. Насколько еще хватит сил – неизвестно. Уже полтора месяца работаем бесплатно, потому как ФСС (Фонд социального страхования) не продлил нам контракт, имеется в виду контракт на услуги сурдоперевода. У нас заключается контракт на 40 бесплатных часов в год для каждого глухонемого. Работаю, потому что отказаться невозможно: у глухих бывают неотложные вопросы. И глухим надо помогать, и переводчики воздухом питаться не могут. Но не так держит эта работа материально, как тем, сколько я получаю от нее морального удовлетворения. В 2008 году погиб мой сын, так если бы не работа – сошла бы с ума. Я «кутаюсь» в чужие проблемы и свои забываю. Не было бы этой работы, не было бы внушек – не выдержала бы. Для родителей нет горя сильнее, чем пережить своего собственного ребенка. А так все глухие ко мне привыкли, я к ним привыкла, ко всем хорошо относиться, переживаю за них.

– Какими навыками должен обладать переводчик?

– Терпением, умением экспериментировать и ошибаться, умением понимать и принимать людей, признавать границы своей компетенции. Поэтому сурдопереводчику надо находиться все время в развитии.

– Есть ли замена у вас? Сколько планируете еще работать?

– Замены у меня нет, дочка, скорее всего, останется в Санкт-Петербурге, там есть перспективы. Работать же собираюсь до тех пор, пока силы будут, пока буду знать, что нужна. Да и как я без них?!

Аслан ЗАКУРАЕВ,
д.т.н. профессор, академик РАТ, МАНЭБ

Состояние и перспективы развития транспорта в г. Нальчике

Особое мнение по развитию транспорта города Нальчика доктора технических наук, профессора, академика РАТ, МАНЭБ Аслана Закураева, руководившего внедрением инновационных транспортных систем при проведении Зимней Олимпиады в Сочи, г. Тюмени и г. Москвы.

Произошедшие в стране за последние десятилетия социально-экономические преобразования привели к значительному росту уровня автомобилизации при практически неизменных количественных и качественных характеристиках улично-дорожной сети города Нальчика. Число автомобильного транспорта в городе с 1996 по 2013 гг. увеличилось с 70,6 до 122,1 тыс. ед., то есть более чем в 1,5 раза, в результате чего уровень автомобилизации составил 262 легковых автомобиля на 1000 жителей. В то же самое время, с 90-х годов прошлого столетия протяженность магистральных улиц практически не изменилась, а за более чем 10-летний период реконструировано всего лишь несколько улиц.

Транспорт – это огромная индустрия, и эту индустрию ожидают большие перемены, связанные с тремя основными факторами:

Первым фактором является изменение ситуации, связанное с проблемой энергетических ресурсов. Транспорт почти полностью зависит от нефти, запасы которой быстро истощаются, и, в конце концов, наступит время, когда она станет недоступной для использования на транспорте. Транспортным системам будущего придется обходиться без нефти. Поскольку промежуток времени, необходимый для осуществления радикальных изменений в такой большой системе, как транспорт, измеряется десятилетиями, необходимо исследовать различные возможности с тем, чтобы реализовать их в кратчайшие сроки.

Вторым фактором, диктующим необходимость перемен, является современное состояние самой транспортной системы. Она является устаревшей, а некоторые ее элементы устарели уже давно, так как в нее вносились лишь небольшие и малозначительные изменения, не затрагивавшие основ системы. Такие изменения не могли решить всех проблем.

Третьим фактором являются разработанные в последние годы новейшие технологии и конструктивные решения транспортных систем, способные привести к радикальным изменениям в способах транспортировки людей и грузов, которая будет качественно лучше существующих.

Замысел проведенного с 2000 по 2013 гг. в городе Нальчике исследования по определению эффективных проектов для разработки концепции дорожно-транспортной системы заключался в том, чтобы сравнить рентабельность структуры городской застройки с точки зрения затрат населения

и гостей города на ежедневные скоростные, комфортабельные и безопасные поездки, а также при проведении различных культурно-развлекательных и спортивных мероприятий.

В настоящее время транспортная сеть г. Нальчика находится в неудовлетворительном состоянии, особенно её центральная часть и те места, где уже сложилась городская застройка. Такое состояние улично-дорожной сети можно объяснить бессистемной застройкой территорий, полным игнорированием требований транспортной планировки и стихийным развитием автомобилизации. К негативным последствиям такого состояния УДС можно отнести шум и загазованность воздушного бассейна, резкое снижение скорости движения, дорожно-транспортные происшествия, заторы движения и их производные. Хотя современный легковой автомобиль реализует техническую скорость до 350 км/час и выше, его реальная скорость в часы пик на улице Нальчика составляет 8-12 км/час, что создает наземные транспортные и экологические проблемы в городе. По нашему мнению, причины этого явления носят как объективный, так и субъективный характер.

К объективным факторам следует отнести неразвитость транспортных территорий в общей площади городской застройки с одним уличным тяготением, недостаточное количество транспортных искусственных сооружений: мостов, путепроводов и эстакад. Город мог просуществовать относительно благополучно вплоть до уровня автомобилизации 80 автомобилей на 1000 жителей. Реконструкция понадобится для обеспечения автомобилизации до 400 автомобилей на 1000 жителей. Дальнейший рост к 500-600 машинам не вызывает пропорционального увеличения нагрузки на окружающую среду и уличную сеть, остается лишь проблема хранения автомобилей. В нашей стране возможности городов как по допустимому уровню загрязнения отработанными газами автомобилей, так и по емкости сетей исчерпались при уровне автомобилизации в 50-60 машин на 1000 жителей.

Поэтому необходимо поставить цель – превратить город Нальчик в современный курортно-интеллектуальный центр с высоким уровнем жизни. В связи с чем предлагается доработать существующий генплан в части схем развития селитебной и улично-дорожной сетей с транспортной системой, учитывая прогноз населения г. Нальчик до 500 тыс. человек, а также с уровнем автомобилизации населения, достигающего 550 единиц на 1000 человек.

Увеличение селитебной (жилой) части города с инфраструктурой вокруг сложившейся территории на 10 % потребует более 1,2 млрд. долларов США, а ежегодные затраты на комфортное проживание населения на вновь создаваемой приращенной части территории города потребуют более 120 млн. долларов США.

Таким образом, расходы можно уменьшить в два-три раза при пространственном градостроении, а самое главное, можно экономить пространство, земельные отводы для дорог и озеленения, а также для размещения развязок и виадуктов.

Развитие г. Нальчика происходило преимущественно на одном берегу, где и формировались магистральные улицы общегородского значения. Город на данный момент занимает площадь порядка 30 км², селитебная

зона около 11 км². Общая площадь городской черты с учетом пригородных поселков – 14645 га. Сложившаяся улично-дорожная сеть (УДС) города представляет собой преимущественно радиально-прямоугольную систему с мелкой нарезкой кварталов, с узкими улицами (шириной 20-25 м), обилием тупиковых улиц, с нерациональным решением перекрёстков (кольцевой вариант), зарегулированностью магистральных улиц, отсутствием ливневой канализации на большинстве улиц с твёрдым покрытием. В городе чуть более 200 улиц и переулков общей протяженностью около 190 км, из них с асфальтобетонным покрытием – 70,7%. Общая протяженность тротуаров составляет 146,7 км, из них асфальтированных – 99,5%.

Согласно данным департамента координации систем жизнеобеспечения администрации г. Нальчика, протяженность магистральных улиц проходящих по селитебной зоне, составляет 81,68 км, в расчете на 1 км² – 1,48 км (по СНиП – 2,2 – 2,4 км на 1 км² территории). При этом в центральной части города – 1,74 км. Представлены технические показатели улично-дорожной сети в существующих условиях города в сравнение с нормами, установленными СНиП 2.07.01-89 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений».

Нехватка транспортных территорий делает затруднительным сооружение транспортных объектов. По данным наших исследований, для городов с прямоугольной системой магистралей и степенью развития застроенной территории на одном берегу примерно в 2 раза больше, чем на другом, предусматривается 3 путепрода через железную дорогу и 4 моста, а число транспортных развязок для пропуска транзитного транспорта в обход города должно составлять не менее 2-3 на 10 км с кольцевой дорогой.

Несвоевременное сооружение нескольких мостов через реки Нальчик и Шалушка способствовало линейному развитию городской застройки вдоль реки на протяжении многих десятилетий. Развитие промышленности и пассажиропотока в Нальчике в середине XX в. сопровождалось постройкой железной дороги, ограничившей городскую черту в северной и центральной части города. Построенные вблизи товарных железнодорожных станций склады, торговые и административные помещения, многочисленные железнодорожные подъездные пути к ним и промышленным предприятиям стационарного типа, расчленили селитебную территорию города и на долгий период сформировали его транспортную структуру.

Вблизи реки, кроме парка, застраивались центральный административный и курортный районы, а для связи с другим берегом строились мосты. В настоящее время на территории города функционируют следующие искусственные сооружения: мосты и мостовые переходы через реку Нальчик в створе улиц Кешокова, Осетинская и Идарова, у Вольного Аула пешеходный вантовый мост около гостиницы Нарт; путепровод через переезд в Баксанскую транспортную магистраль по улице Баксанское шоссе.

Недостаток или полное отсутствие мостов в периферийных районах города при наличии мостов в центре способствовали устройству усовершенствованных дорожных покрытий на магистральных улицах, ведущих к центральным мостам в старой части города. В связи с тем, что функции магистральных выполняют улицы, параметры и характеристики которых

не соответствуют современным объемам движения, в таких местах отмечается чрезмерное сосредоточение автомобилей, вызывающее снижение скорости движения, способствующее образованию заторов, возникновению дорожно-транспортных происшествий, что, в свою очередь, увеличивает себестоимость перевозок, снижает производительность автомобильного транспорта.

Поэтому в значительной мере истоки проблемы лежат в сложившейся структуре градостроительства моноцентричной формы, транспортной и улично-дорожной сетей г. Нальчика. Транспортные потоки концентрируются в основном в центральной части города. Наиболее загруженной является главная улица Ленина. Особо критическое положение складывается в местах пересечения грузонапряженных магистральных улиц. Дефицит магистральных улиц в УДС города составляет в настоящее время около 50 км.

Благодаря этому неуклонно возрастала притягательная сила общегородского центра, в результате чего в центральной части города были размещены административные, торговые, культурные, медицинские учреждения и отдельные промышленные предприятия. Но недостатком такого расположения административно-торговых зданий и мостов является выход внутригородского транзитного транспорта на центральные улицы.

В связи с этим решение транспортно-дорожной проблемы и «часов пик» города Нальчика лежит через изменение философии подхода к градостроительству с учетом комплекса взаимосвязи «город» – «население» – «транспортно-дорожные системы». Речь идет об изменении планировочной структуры сложившихся районов, идеологии жилой и транспортно-дорожной среды.

Таким образом, в условиях растущей автомобилизации с образованием «часов пик» любой средний город, как Нальчик, с прогнозом населения до 500 тыс. человек и более, вряд ли может ужиться без административного и законодательного вмешательства в процесс развития селитебной части, транспортно-дорожной системы, поэтому генплан необходимо доработать с замечаниями после всенародного обсуждения, так как изменилось отношение к собственности, и не считаться с этим невозможно.

Поэтому очень важно предельно точно дать оценку, выстроить перспективу будущего распределения жилого фонда, дорог и транспорта, или иных нововведений в сложившейся черте города и в приращиваемой части в градостроении, чтобы в будущем все не ломать, а эволюционно совершенствовать организацию и развитие техники и технологии транспортного процесса для обслуживания населения, туристов, промышленности

С учетом того, что город Нальчик сегодня переживает моменты эволюционного обновления с точки зрения удобства проживания через изменение контура архитектуры города, вследствие строительства и реконструкции старого жилого фонда, тем самым высвобождая пространства для трассировки оптимальных уличных и дорожных развязок разного типа, эстакад, специальных транспортных зон, мостов, связывающих жилые и общественные центры с окраинами города, требуется обособанный комплексный подход к транспортной политике – **«новая архитектура транспортной политики для нового столетия».**

Для анализа и исследований город был разделен на четыре зоны различной плотности: центральная часть, внутренние пригороды, примыкающие к центральной части Нальчика, внутренние пригороды, удаленные от центра, и внешние пригороды. Для воплощения принципов развития и превращения Нальчика из *моноцентричной* системы градостроительства в *полицентричную*, со множеством центров дорожно-транспортного тяготения, сочетающую максимально эффективное использование инновационных альтернативных комплексных дорожно-транспортных систем.

Изменить современную градостроительную концепцию в пользу пространственного градостроительства с минимальным использованием поверхности земли, системой автономного теплоснабжения и подземными гаражами, не выходящими за рамки сложившейся территории города. Это даст возможность управлять городом при любой погоде, чтобы общественный и частный транспорт был обеспечен свободными магистральными улицами и дорогами со совмещенными стоянками в дневное и вечернее время. Чтобы превратить город из моноцентричного (с системой точечной застройки, с одним центром тяготения, расположенным на одной улице) в полицентричный (с рассредоточением городских центров тяготения) для оптимального размещения делового, курортного и финансового мира.

При этом появится возможность развития многофункциональных центров, магистральных сетей, четырех полукольцевых и кольцевой дороги с размещением охраняемых стоянок в дневное и ночное время, что даст возможность уменьшить зону пешеходной доступности к остановкам общественного транспорта и стоянкам. Такая схема позволит резко уменьшить заезд пассажиров и автобусов в центр города и исключит строительство частных гаражей.

В г. Нальчике должно быть **шесть** крупных и **два** средних центра тяготения, вокруг которых необходимо развить пространственную селитебную (жилую) часть, а также шесть одноэтажных поселений-спутников вокруг города. Так, в центральной части города, на улице Ленина, можно сосредоточить не более пяти общественных центров тяготения по всей длине улицы, имеющей принципиальное значение.

Анализируя опыт западных стран, при существующем уровне автомобилизации целесообразно вводить ограничения на использование автомобилей и осуществлять возврат к преимущественному развитию общественного пассажирского транспорта. Поэтому по конфигурации могли бы иметь четыре типовые схемы городских транспортных сетей (ТТС): радиальную, радиально-кольцевую, прямоугольную и свободную.

Радиальная (лучевая) схема ТС. Эта схема характерна для старой части города, развитие которой начиналось на пересечениях дорог. Она обеспечивает кратчайшую связь периферийных улиц с городским центром, но затрудняет сообщение между периферийными районами. Например, из точки А в точку В можно проехать только через центр города по пути. Большинство поездок при радиальной схеме транспортной сети осуществляется в центр или через центр, что приводит к его большой перегрузке.

Радиально-кольцевая схема ТС. Радиально-кольцевая схема ТС является развитием радиальной схемы. Такую ТС нужно предусмотреть в

городе Нальчике. Радиально-кольцевая сеть обеспечивает удобную связь и периферийных районов с центром по радиальным направлениям, и периферийных районов между собой по кольцевым направлениям. Коэффициент непрямолинейности поездок в ней значительно меньше, что способствует одновременно и снижению затрат транспортного времени населения в поездках, и улучшению экономических показателей работы транспортных предприятий за счет уменьшения средней длины поездок и убыстрения пассажирообмена в поездках. Однако радиальные направления в радиально-кольцевых транспортных сетях остаются загруженными больше кольцевых, что опять-таки связано с перегрузкой центра. Ее можно ликвидировать, если превратить город Нальчик из моноцентричной формы тяготений в полицентричный, что позволит снять все или часть транспортных линий в центре. В этом случае радиальные линии, как говорят, «заглушаются» на кольцо, в результате чего обеспечивается обход транзитного пассажиропотока вокруг центра.

Прямоугольная схема ТС. Эта схема ТС характерна для больших городов. Все эти города развивались по заранее разработанным планам. Особенности прямоугольной схемы ТС – отсутствие четко выраженного центра, что снимает вопрос о его транспортной перегрузке; хорошее согласование с принципами застройки городов и удобство для сквозного движения. Ее недостаток состоит в том, что она не обеспечивает кратчайших прямолинейных связей между диагональными пунктами А и В города. В прямоугольно-диагональной схеме диагонали проводят между важнейшими пассажирообразующими районами (жилыми и промышленными районами, вокзалами и др.). Диагонали обеспечивают кратчайшую транспортную связь этих районов и тем самым снижают общий коэффициент непрямолинейности поездок.

Свободные схемы ТС. Эти схемы ТС, затрудняющие организацию нормальной транспортной связи районов города, имеют некоторые старые восточные и европейские города, сохранившие хаотичную средневековую планировку (Багдад, Старая Рига и др.). В настоящее время такие схемы могут быть рекомендованы только для небольших курортных городов, где благодаря свободной планировке застройка приобретает живописность и хорошо вписывается в рельеф местности для пешеходных зон. В остальных случаях их перестраивают, что часто связано с необходимостью больших затрат.

Выбор схем ТС для каждого конкретного города представляет собой очень ответственную и сложную задачу, связанную с большими капитальными затратами и трудностями корректировки после застройки города. Неправильно запроектированная ТС требует больших эксплуатационных расходов и значительно усложняет нормальное функционирование города. Поэтому методы проектирования ГТС непрерывно совершенствуются на основе применения методов теории графов и новейшей вычислительной техники.

Исходя из системного анализа можно сделать промежуточные выводы и предложения по развитию транспортной инфраструктуры г. Нальчика:

1. Плотность магистральных улиц в городе на сегодняшний день составляет 1,1 км/км². Рекомендуемая нами плотность магистральных улиц – 3,5 км/км².

2. От баланса земель улиц, площадей, зеленых насаждений проезжая часть дорог занимают всего 6,7 % всей территории города. Рекомендуемая – 26%.

3. Затупиковано 37 улиц. Рекомендуется раступикование 30 улиц с учетом архитектурно-охраняемой части города.

4. Предлагается количество дополнительно требуемых стоянок без учета хаотично застроенных стоянок 10-15 тысяч.

6. Изменение размера территории города на 47 % от существующего для размещения 500 тыс. населения потребует 20 млрд. дол. Рекомендуется всего 15 % изменения территории с учетом пространственного градостроения.

7. Вынести железнодорожный вокзал во Второй промышленный проезд, а освобожденное полотно превратить в хордовую магистральную сеть с односторонней организацией дорожного движения.

8. Рекомендуется строительство мостового перехода через железнодорожный переезд в продолжение улицы Шогенцукова.

9. Строительство объездных дорог со Второго промышленного проезда и улицы Затишье через реку Шалушка в сторону г. Баксана.

10. Оптимизировать режим работы всех светофоров с учетом времени суток, транспортного потока и направлений (организация односторонних движения улиц).

Таким образом, организация и управления перевозки людей и сопутствующих грузов для комфортного следования в курортном городе к местам назначения потребуют особых подходов в подборе оптимальных новейших средств перемещения, отхода от существующих традиционных транспортных средств с применением различных видов возобновляемых экологически чистых видов энергии.

Вот с такими сложными проблемами мы вступили в 21-й век, и для решения транспортных проблем потребуются новые идеи и альтернативные решения. В связи с этим, если альтернативные транспортные концепции с использованием возобновляемых видов экологически чистой энергии, с гибридными транспортными средствами будут внедряться в городе-курорте Нальчике, то население сделает скачок в понимании транспортной технологии, охране окружающей среды, обеспечит комфортность туристов и проживания людей.

Раскрытие проблемы внедрения транспорта будущего в городе-курорте Нальчике будет дано в следующем статье.

Саладин ЖИЛЕТЕЖЕВ

ВСТРЕЧА С ЭЙЗЕНШТЕЙНОМ

Будучи студентом Всесоюзного государственного института кинематографии, я посетил Дом-музей Сергея Михайловича Эйзенштейна в Москве. Знакомясь с экспонатами и изучая их историю, активно заинтересовался наследием великого кинематографиста, который всегда и во всем видел мир и мыслил незабываемыми образами. Когда я представился работникам Дома-музея и сказал, что являюсь студентом ВГИКа, а родом с Северного Кавказа, они предложили мне использовать репортаж журналиста О. Хадыка в журнале «Творчество» (№ 11, 1971) – «Приключение на курорте», о том, как новатор советского киноискусства, находясь на лечении в Кисловодске, познакомился с руководителем Кабардино-Балкарской республики Беталом Эдыковичем Калмыковым, который в то же самое время поправлял здоровье в Кавминводах.

Это было в 1933 году. Два неординарных человека, две незаурядные личности, пользующиеся у народа большим уважением и авторитетом – один в искусстве, другой в политике – встретились на курорте. Им было о чем побеседовать. Они были новаторами и энтузиастами, одержимыми новыми идеями о меняющейся жизни, стремились преуспевать каждый в своей деятельности, как в одном из «важнейших видов искусства», так и в повседневной жизни, где изо дня в день происходят невероятные изменения.

Два профессионала: знаменитый во всем мире кинорежиссер и непоколебимый коммунист, оставивший неизгладимый след в истории ВКП(б) как всего Советского Союза, так и Кавказа, – два увлеченных мастера своего дела.

– Сергей Михайлович! – обратился в один из вечеров Бетал Эдыкович к Эйзенштейну, – завтра я возвращаюсь в Нальчик, где состоится бюро обкома партии. Будем обсуждать вопрос о градостроительстве. А вы как раз учились на архитектурном факультете института гражданских инженеров, это ваше официальное образование, как вы сами мне об этом сказали. Прошу вас принять участие, наравне с профессионалами-архитекторами, которых я пригласил из Москвы, с братьями Весниными и Гинсбургом, в обсуждении проектов застройки нашей молодой столицы. . . Я проникся к вам, как к большому художнику, величайшим уважением, и я уверен, что вы все поймете и окажете нам свои услуги.

– Видимо, наши чувства взаимны. Поеду с вами, и если пригожусь, то буду рад. . .

На заседании бюро Эйзенштейн с лихорадочной быстротой записывал в блокнот мысли «о строительстве городов и национальной по формам архитектуре» и слушал предложения ораторов и специалистов. Он чувствовал, что учет местных стилевых особенностей должен явиться альфой и омегой для архитектора. Таково общее теоретическое положение. Кабардино-Балкарская автономная область еще не приобрела собственной национальной

архитектуры. Поэтому они тогда в своем проекте вполне сознательно использовали основной конструктивный принцип античной греческой и частично египетской архитектуры... Остановились на греко-римском (в который входят некоторые египетские элементы) принципе конструкций и общего архитектурного решения. Затем его, конечно, обработали в духе местной национальной культуры.

Авторы проекта Дворца культуры подошли к проблеме создания национальной архитектуры еще проще: «Проблема включения в разрабатываемые нами архитектурные композиции местного национального стиля, – писали они, – перед нами не стояла по одному тому, что национальная архитектура в Кабардино-Балкарии, по существу, отсутствует, а представители местных общественных организаций и сами колхозники на местах говорили нам о том, что все, похожее на архитектуру существующих в области в прежние времена сооружений, слишком напоминает им о старой, дореволюционной жизни»...

«...Реакция Эйзенштейна на такой «сугубо профессиональный» подход к проблеме запечатлена в его блокнотных записях, – пишет вышеуказанный журналист Хадыко, автор репортажа. – Очень может статься, что читателя с «хорошим вкусом» покоробит вольное обращение Эйзенштейна с архитектурной формой, может даже вспомниться при этом здание театра, вписанное в пятиконечную звезду, или же проект завода в виде трактора, чайник в виде слона или еще что-нибудь в этом же роде. Это было бы именно так, ничуть не более, если бы художник сделал проект столовой или детсада в виде шляпы. Но дело в том, что кабардинская шляпа на самом деле стала для него тем эмоциональным толчком, который заставил творческое воображение работать и головной убор стал «зерном» архитектурного образа.

Вот так же и самому Эйзенштейну весь неуловимый комплекс признаков национальной предметности Кабарды (и особый горный абрис, и структура предметов обихода, и, может, специфика местной речи, и манера жителей двигаться) явился «в собранном звучании» в виде какой-то шляпы. Но почему именно «шляпы», и просто ли «шляпы»?

Если мы внимательно вчитаемся в записи Эйзенштейна того времени, то заметим особое устройство глаза художника, очень четко нацеленного на одну проблему: «Какой дать обертона местной архитектуре, общим мыслям нового архитектурного оформления... используя эстетику Корбюзье – в первую очередь – в понятии о белом цвете построек, свободно относящихся к сочной зелени ландшафта. И потому не случайно, что первое, что замечает художник на головах идущих навстречу кабардинских парней, не есть еще сама по себе шляпа. Нет, в первую очередь это «снежно-белый», затем «войлок» (как выражение всей специфичности этого белого на кабардинской почве) и только в самом конце – «шляпа».

Кстати, эта же шляпа уже фигурировала где-то в начале поисков, но тогда почему-то не смогла стать «включателем». Лишь тогда, когда решение уже фактически нащупалось, явилось и образное: «снежно-белый войлок шляп». И это новое определение начинает совсем по-другому окрашивать все привычные архитектурные элементы. Легче всего переводится на язык сугубо архитектурных категорий «шляпа», но тем быстрее исчезает и растворяется в них ее конкретная форма. Единство же новой предметности дает не сама

по себе форма шляпы, а скорее понятие о ее несколько неуклюжих, «войлочных» пропорциях. И это, пожалуй, главное, а «остальное доскажет местность, функциональность, бетон, рельеф и прочее», – думал он.

Эйзенштейн не опубликовал свои кабардинские идеи – кинематограф снова отвлек его от архитектуры. Дальше смотрим его наброски: «Совещание над проектом Нальчика: площадь, Дом Советов, как Палаццо Питти, с верхним этажом венецианских арок, и Дворец искусств. Ученики Жолтовского, «оживляя» проект, даже людей понаставили на улицах, а с ренессанских фресок – юношей в портках в обтяжку и в полоску, с лихо перекинутыми плащами, в позах Гирландайо и Учелло!

– Ставьте бурку кабардинца и взгляните-ка на ... Пиранези фона!!! – восклицал Эйзенштейн. – Феодализм построек. Он нелеп и выразительно-идеологически. Физиономия его гнетущих функций и крепостной стихии – явна и без знания истории, психологически отчетлив он настолько, и идея в формах камня до конца застыла (...).

Но нелепо вовсе, если вспомнить, что кругом пойдут дома, что не вгонишь в ренессанс. Дома, уже функционально также закрепившиеся в формы, но иные, чем палаццо, по пояс обутое в тяжесть рустов (итальянский руст и кабардинец, кукурузные поля и Пиранези!) Санатории в их белизне и форме. Мастерские и солярии. Гидростанции и спортплощадки.

Если уже так – то хоть античность (благо есть цитата Маркса!)

Или вернее – принцип античности в качестве сегодняшнего дня.

И где-то за щитками на полу – проекты в том стиле, что являет эту самую задачу в «манере» Корбюзье.

Халтура и небрежность – осквернение Корбюзье. Дискредитация новой архитектуры. Так можно все опощлить! – писал он, – правы архитекторы: эти коробки не лучше!

Он говорил о том, что надо поискать национальных черт, выдавал наспех сделанные наброски...

А в ответ – ему противоречили, говорили, что нет материала, из которого кабардинский стиль создавать.

«Враки!» – протестовал он неугомонно, есть, Парфенон – весь вышел из постройки деревом...

Элементы по созданию стиля: принцип постройки национального жилья.

Вписанность искомой формы в характерность пейзажной физиономии страны. (Не только «горный контур» или «абрис».)

Структуры элементов обихода. При определении поля действия «вольных форм» (равно успешны по прочим условиям ромба и квадрата или круга).

Привычная форма для глаза, из утилитарно-материальной перерастающая в психологически-утилитарную, самоустановленную в данных формах.

Наконец, говорил, в принципах композиционной концепции роль играет философская концепция – строение композиции о действительности, старающейся отразиться в строе произведения.

...Как и в использовании принципа строения жилища, а не формы (аул – уступом), принципа формы предметного обихода, а не фотоснимка его видности («идеи формы»). (Форма войлочной белой шляпы как определитель

выбора формы цилиндра, пересекаемого диском по всем сечениям цилиндра.)

Каждый из этих факторов требовал своего места. И, как всегда в процессе фантазии, протекающем в температуре одержимости (а как одержим он был Кабардою!), рука чертила то, что, разъятое, оказывалось вполне правильным отражением в сознании всех перечисленных факторов, каждого на своем месте. На общем фоне абстракции общих положений новой архитектуры, определивших белый цвет Корбюзье, – несколько специфических его деталей (горизонтальные окна, например). Может быть, особый оригинальности здесь и нет, но «безобразие на площади города Нальчика дает мне на это право, – говорил он, – халтура в манере Корбюзье, еще большее зло в манере Пиранези, – где утверждают отсутствие истоков для оформления в национальном стиле». И это он считал уже теоретической ошибочностью и зловредностью уравниловки по спецификам разных республик.

Общий характер – сечение равнин и гор в соединительном звене предгорья – определило первое: перевернуло площадь наклоном – разлив политически-административного центра города по скату предгорья – северного склона заповедника, омываемого быстрым бегом реки Нальчика и площадью долины, отвоеванной у стихии его разливов.

Традиционная уступчивость аула и террас рассекла русло реки уступами колонн, ступенчато вырастающих друг из друга по сбегаящему зеленому склону, и групп сочно-белых зданий.

...Партийное, профсоюзное и правительственное здание, естественно вылезая из хлопотливой толчеи частностей к обобщенной плановости и увязке этих частностей, естественно растянется шириной второго уступа. Дворец культуры, музеи, театры и кино мягко врежутся в зеленый контур верхних очертаний. Распыляясь постройками по мере подъема вверх, город все более и более будет пронизываться девственной нетронутостью лесных заповедников, перекатываясь в сплошные безграничные зеленые дали солнечной стороны холма и бегущих с него лесов. И на вершине его, в прохладе и чистоте воздуха, – культурный отдых трудящихся в окружении незабываемых видов нальчикского пейзажа.

Ну, а для чисто эстетических факторов постройки – где взять определитель?

Он вновь и вновь видел на головах у парней снежно-белый войлок шляп и думал: эта простейшая, прекраснейшая форма может лечь в основу бесконечного числа вариаций на любые нужды классического разрешения необходимых нам объектов, плоскостей.

Эта красота их форм вмещает два условия: вместимость, ограждение пространства и защиту от палящих лучей солнца. То есть кубатуру, идею помещения и карниз.

Вращая шляпу;

Ставя на ребро;

Рассекая диском ее по разным высотам;

Спуская карниз на роль балкона;

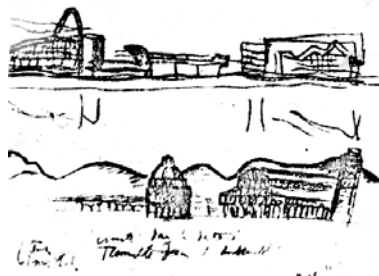
Ставя его торцом;

Мы получаем вариации на любую тему, – повторял он каждый раз.

Как видим, великий мыслитель с мировым именем в кинематографе

даже на скорую руку хотел придать национальный характер нашему градостроительству. Талантливый в какой-либо области талантлив во многих сферах нашей деятельности. В этом несравненный пример Сергея Михайловича Эйзенштейна...

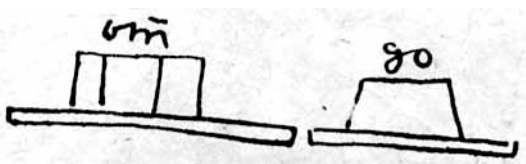
Конечно, мысли о создании национальной формы архитектуры небезынтересны, но в то же самое время они, наверняка, не лишены недостатков. Об этом лучше могут судить специалисты – архитекторы и строители... И мы настаиваем на том, чтобы именно они были взяты за основу нашего градостроительства. Но стоило бы подумать строителям и архитекторам, ибо эти мысли помогут нам еще краше и лучше застроить наш город.

Набросок в блокноте

«А остальное доскажет местность, функциональность, бетон, рельеф и прочее»

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ

Почётный судья России Исхак Кучуков по-настоящему ощутил возвращение на родную землю лишь несколько лет назад, когда переселился из городской квартиры в собственный дом на окраине Нальчика.

Действительный государственный советник третьего класса считает, что в его жизни настал новый творческий этап

Тягу к творчеству ощущают многие, но не каждому удастся реализовать природные задатки и найти в выполняемой работе ту изюминку, которую принято называть вдохновением.

Исхак Адикович увлечённо занимался адвокатской практикой, считая её своим призванием. Стремясь приблизиться к профессиональным высотам, достигнутым Фёдором Плевако, Анатолием Кони и другими выдающимися российскими юристами, балкарский юноша упорно грыз гранит науки в годы учёбы в вузе.

При галстукe, с фотоаппаратом

На студенческой скамье он оказался не случайно – ещё в детстве поставил для себя цель быть таким же эффектным, образованным и состоятельным, как молодой сосед, изредка приезжавший на каникулы. Спустя годы понял, как был наивен.

В захолустном селе в Казахстане, где жила многодетная семья Кучуковых (отец – чегемский таубий, попавший в волну социалистических репрессий 1935 года, мать – выслана с родины в 1944 году вместе со всеми балкарцами, жившими на Северном Кавказе), люди жили бедно. Домишки скромные, основной цвет одежды советских граждан – немаркий. И на общем сером фоне – элегантный молодой человек в костюме, при галстукe...

Он приезжал с фотоаппаратом – чудесным, почти инопланетным техническим изобретением, недоступным простым смертным.

Этот сосед, учившийся на юридическом факультете, стал примером для подражания, символом благополучия, олицетворением прекрасной мечты.

«Я тогда решил, что все юристы ходят с фотоаппаратами – это один из их профессиональных инструментов, и, конечно, все они обязательно носят галстук, – с усмешкой рассказывает Исхак Адикович. – Последнее, впрочем, подтвердилось. Дресс-код соблюдаю всю жизнь, даже находясь в отставке».

После адвокатской практики в Баксане Кучукову пришлось переквалифицироваться и посвятить часть жизни прокурорской деятельности – в Тырныаузе, затем в Прокуратуре КБР в Нальчике.

Около шести лет Исхак Адикович работал судьёй в Баксане, затем – в городском суде Тырнауза десять лет, из которых пять – в качестве руководителя.

Круг замкнулся

Судебные прения, речи прокуроров и адвокатов... Профессиональное мастерство высшего порядка, ораторское искусство, которым в наше время мало кто владеет в полной мере... Каждое дело для адвоката, прокурора, судьи – это совершенно новая зона, терра инкогнита, где нет места шаблонам и штампам, где прежний опыт может помочь, но обязательно должен быть дополнен новыми фактами, аналогиями, знаниями. Для поддержания хорошей профессиональной формы, подтверждения собственной компетентности и права решать людские судьбы надо следить за научными публикациями, изменениями в законодательстве, в ходе работы надо вникать в детали дела, уметь сопоставлять и анализировать, приводить аргументы, находить доводы...

Побывав на судебных процессах в роли адвоката, затем прокурора – государственного обвинителя и впоследствии – судьи, Исхак Кучуков убедился, что грамотный юрист может успешно работать и достойно выглядеть в любой роли...

Статус судьи позволяет в любом возрасте выйти в отставку с пожизненным содержанием из средств федерального бюджета – при наличии 20-летнего стажа юридической практики. Однако Кучуков на заслуженный отдых не стремился. Отставной судья в 2000 году вернулся к своему любимому делу, в адвокатуру, где был простор для творческой деятельности.

Другая адвокатура

С сожалением Исхак Адикович обнаружил, что он вернулся в другую адвокатуру. Состязательность из судебного процесса ушла. Вероятно, безвозвратно.

В период начала его трудовой деятельности при участии адвоката и прокурора в прениях можно было наблюдать, как судья делает для себя записи (для позднейшего осмысления в совещательной комнате).

– Сейчас как в прокуратуре, так и в адвокатуре нет практических работников, владеющих судебным ораторским искусством. Сегодня трудно себе представить, чтобы кто-то из праздного любопытства пошёл послушать в суде речи обвинителей и защиты, а в 70-80-х это было, это я захватил. Судебных прений нынче в судах нет, они существуют формально – в уголовно-процессуальном кодексе... В них просто отпала надобность. Как правило, всё решается заранее...

В общем, характер работы за три десятилетия изменился совершенно, но Кучуков был доволен тем, что профессиональный круг удачно замкнулся: адвокат – прокурор – судья – адвокат.

С 2009 года в нашей стране судьям в отставке законодательно запретили заниматься адвокатской практикой, но к тому моменту Исхак Адикович уже два года работал в качестве госчиновника. Он решил сменить род деятельности с приходом на должность главы Администрации Президента

Кабардино-Балкарии видного юриста, государственного деятеля Альберта Кажарова. Но сотрудничество, к сожалению, длилось недолго. Когда в 2009 году Альберт Хатуевич был назначен сенатором от КБР в высшей палате российского парламента – Совете Федерации Федерального собрания РФ, Кучуков ушел на заслуженный отдых с должности помощника руководителя администрации президента КБР.

И настал для юриста час истины. В пригороде Нальчика, в селе Хасанья, на земельном участке, спускающемся к горной речке, он обрёл новый, неведомый ему доселе мир земледельца, землеустроителя, землепреобразователя.

Теперь Кучуков шутит: «До шестидесяти лет работал, теперь – живу!»

На геномном уровне

«Вдруг, ниоткуда, появилась тяга к ландшафтному дизайну, садоводству. Впрочем, почему ниоткуда? Это, наверное, генетическое, от предков, хотя они были не землепашцами, а животноводами, – рассуждает Исхак Адикович. – Это очень интересное занятие – воплощать своё представление об уютном жилище и комфортном участке. Друзья заходят, удивляются тому, что сделано. А что ещё будет! Уже сейчас эстетично, приятно, но хочется довести и это дело до совершенства.

Для кого стараюсь? Для себя, а в основном – для замечательной дочки Фатимы, которая ещё школьница, учится в девятом классе. Для супруги – Радимы Далхатовны, она тоже юрист, работает в сфере мировой юстиции ведущим специалистом судебного участка в Нальнике».

Есть у Исхака Адиковича еще одно увлечение, по его мнению, очень важное не только для семьи, но и для многих родственников. С возрастом пришло осознание значимости фамильных связей, желание проследить родословную Кучуковых, составить поколенную роспись известных нам предков. Он рад, что появилась такая возможность.

«Видимо, всё, что даёт нам Всевышний – не случайно. Раньше никто в нашем роду этим не занимался, а хочется, чтобы дети и внуки знали, на чьих плечах покоится их будущее. Чтобы знали о людях, живших тяжело, порой голодно, но сохранявших честь и достоинство, любивших свою родину, свою землю, прекрасней которой для нас нет на свете края».

От Рокуэлла Кента

Работа над историей рода оказалась интересной, но весьма кропотливой, требующей терпения и выдержки. В общем, тех качеств, которыми априори должен обладать адвокат, судья, прокурор. Пригодилось умение собирать и систематизировать данные, предугадывать ход событий, понадобилось знание психологии, способность устанавливать контакты, работать с документами и архивными фондами....

«В последние годы появилась возможность больше читать литературы для души. Еще больше, чем в юности, увлекся чтением документалистики, мемуаров выдающихся общественных деятелей. Стал для себя, по этапам, делать записи о своей жизни. Знаете, как у Горького: детство, в людях, мои университеты...

Когда-то в юности потрясением для меня стал автобиографичный роман американского художника и писателя Рокуэла Кента «Это я, Господи!» До сих пор с восхищением отношусь к личности и творчеству этого незаурядного человека с заокеанского континента.

Наверное, в подражание ему, но без претензий на востребованность своих опусов широкой публикой, просто для себя стал записывать то, что помнится, что вдруг, неожиданно всплывает в памяти. События, имена, лица, впечатления, мысли... Иногда события 60-летней давности проступают в сознании так чётко, будто были вчера. В машине стал возить с собой маленький блокнот, чтобы немедленно зафиксировать воспоминания, неожиданно всплывшие из глубин прошлого.

Всё-таки удивительным образом устроен наш мозг. Казалось бы, и думать забыл, совсем не помнил случившегося, никогда ни с кем не обсуждал, а невидимая видеолента в голове, сердце, душе, оказывается, всё хранит – движения, звуки, запахи, эмоции... И стоит только сделать попытку рассмотреть ее потускневшие кадры, как давно ушедшее возникает вновь, возвращается сюда, в будущее, радуется и огорчает, тревожит и предупреждает.

Может быть, потому что у юриста память особенно цепкая, мне удастся восстановить картины былого.

Могу привести, если вам это интересно, фрагменты из мемуарных записей о годах моей молодости».

«ОКОНЧАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА... КАВКАЗ... РОДИНА ПРЕДКОВ...»

«1978 год. Закончилось обучение на юридическом факультете Казахского Государственного университета имени С. М. Кирова в Алма-Ате. Впереди юридическая карьера, вступление во взрослую жизнь, трудовые-служебные будни.

Мои родные – мать, старшая сестра Айшат, старший брат Якуб – живут в том же селе, в том же доме, где я родился, в Меркенском районе Казахстана.

Вопрос о работе по юридической специальности в семье даже не обсуждался. Априори: только на Кавказе, только на родине! Мама очень ждала момента, когда мы уедем вместе. Что можно было против этого возразить, если ты сын, если ты человек?

Но возникла проблема. Существовало положение, согласно которому выпускники нашего юрфака распределялись на работу по специальности только в пределах Казахской Советской Социалистической Республики. Только отработав три года по месту распределения, молодой специалист обретал право ехать на другое место жительства. Таковы были правила во всём Советском Союзе.

Если бы я остался в Казахстане, всё устроилось бы по-другому, жизнь сложилась бы иначе. Я мог бы сразу после выпуска получить должность, которую в Кабардино-Балкарии так и не достиг. Ведь у меня, кроме всего

прочего, было преимущество: я мог отправлять правосудие на казахском и русском языках, поскольку в совершенстве владел обоими, а это ценилось особо.

Кроме того, около 200 моих однокурсников – по всему Казахстану! Это же целая рать, мощная поддержка! Многие из моих близких друзей-однокурсников достигли самых высоких постов в иерархии правовой системы Казахстана, каждая из областей которого в несколько раз больше территории Кабардино-Балкарии. В общем, другие территориальные и профессиональные масштабы. Но... жизнь сложилась так, как сложилась.

Оглядываясь назад, задумываюсь вот над чем.

Важно, когда в старости человек имеет возможность «общаться» с той землей, на которой родился и в которую ему предстоит лечь. Пройти по тем улочкам, где ходил в детстве, набрать в руки воду из реки, в которой купался мальчишкой, пообщаться напоследок с людьми, с которыми рос, познавал мир и набирался мудрости.

Но, пожалуй, ещё важнее – для сердца, для души, если человек доживает свой век там, где родился его отец, дед, прадед... Тогда он имеет возможность ощутить свою причастность к той земле, в которой покоятся останки его предков, пить воду из речки, из которой пил в детстве отец... И сознавать свою связь с вечностью... «Это я, Господи!»

В чём был смысл возвращения на Кавказ, если мы не вернулись в родовое отцовское село Верхний Чегем (Эль-Тюбю), если не поселились в материнском селе в Чегемском ущелье Кёкташ или Акь-Топракь...

Мы ничего не «возродили» (есть в республике «праздник» – День возрождения балкарского народа, но нет возрождения), не восстановили. Мы не восстановили исторический провал, разорванную цепочку смысла бытия... С таким же успехом можно было поселиться в Нарткале, Пятигорске, Кичмалке, Черкесске...

Для возвращения на Кавказ с вузовским дипломом пришлось выдумывать схему. Существовал выход из положения: распределиться в какое-либо ведомство на работу в пределах Казахстана и на месте получить письменное официальное «открепление», что тебя отпускают «на все четыре стороны».

Друзья помогли решить дело. Я получил распределение на должность следователя в системе МВД Казахстана, после чего был направлен для прохождения ведомственной медицинской комиссии. На этой стадии в служебную процедуру вмешалась знакомая – майор медицинской службы. Мне выдали открепление, как имеющему заболевание, исключающее службу в органах внутренних дел. Что означал «самый надёжный» диагноз «энурез», я не знал, а когда узнал, возражать или возмущаться было поздно и бесполезно.

С дипломом и диагнозом я прибыл в Нальчик, где предстояло устроиться на работу.

Догучаев Юсуф Кёккёзович работал в то время заместителем про-

курора Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики. Он знал меня с детства, знал моих родителей и был в родстве с нашим родом. Когда я пришел к нему за советом и показал вузовскую характеристику, читая ее, он только охал.

«Кучуков И. А. принимал активное участие в общественной жизни факультета... был профоргом группы, членом комсбюро курса, членом общественного деканата факультета, был вице-президентом общества «Семь муз»... среди студентов пользуется авторитетом. Эрудирован, имеет большую склонность к занятиям искусством, поэзией, живописью, историей и философией...» И так далее в высокопарном восточном стиле.

Даже спустя много лет он говорил: «Сколько живу на свете, такой характеристики больше не видел»...

Видимо, о своём странном диагнозе я ему всё же сказал, потому что вопрос о моём трудоустройстве в систему прокуратуры или милиции не стоял.

Юсуф сразу позвонил Николаю Федоровичу Катасонову, председателю президиума Коллегии адвокатов КБАССР, где количество адвокатов балкарской национальности оставляло желать лучшего, походатайствовал за меня, и, таким образом, организовали мне «путёвку» в юридическую жизнь.

Президиум Коллегии адвокатов КБАССР долго рассматривал моё заявление, и, наконец, я был приглашен на заседание.

Зачитали мою замечательную характеристику, спросили: «Если есть вопросы у членов президиума...».

И тут я услышал: «А чем Вы болеете? Какое у Вас заболевание?».

Вопрос меня разозлил основательно. Говорить было неловко, кто-то из присутствующих пытался меня выручить, но в конце концов пришлось ответить прямо.

Наступила долгая гоголевская пауза – немая сцена, как в «Ревизоре», после чего меня попросили выйти из комнаты.

В приёмной было слышно, какой гвалт и шум там поднялся. До сих пор я не знаю, кто из присутствующих был на моей стороне, но в члены Коллегии адвокатов КБАССР меня всё же приняли. И направили на работу в качестве стажёра адвоката в юридическую консультацию города Баксан. Это было 15 ноября 1978 года».

СДЕЛАТЬ СВОЙ ВЫБОР

В. Х. Бесланеев

Человек далеко не всегда находит свой путь, свое дело. Часто подросток, наделенный музыкальными способностями, проводит лучшие дни своей жизни за бухгалтерским столом, а талантливый от природы спортсмен вместо того, чтобы бить рекорды на первенствах и чемпионатах, вынужден в поисках хлеба насущного заниматься мелкой коммерцией. К сожалению, в последние года это стало устойчивой тенденцией – «пирог печет сапожник, а сапоги тачает пирожник». Однако не все так плохо. И сегодня все еще встречаются в нашем обществе счастливые исключения. Таким исключением является неизвестный экономист и известный хореограф Владимир Хусенович Бесланеев. Он так же, как и многие из нас, не сразу сделал свой вы-

бор, но вовремя успел понять, что экономист – это не его профессия. Он осознал это еще до вручения дипломов. Еще он понял, что в дальнейшем посвятит себя служению музам. Никаких угрызений совести по поводу потраченных на учебу лет Владимир Хусенович не испытывал. Напротив, по его словам, почувствовал необыкновенную легкость, как будто освободился от чего-то гнетущего.

Родился Владимир Бесланеев в марте 1952 года в селении Чегем II Кабардино-Балкарской АССР. Родился в компании своего брата-близнеца Валеры, с которым и в дальнейшем его будет связывать не только сам факт одновременного появления на свет, но еще, если так можно выразиться, и духовная пуповина. Отец мальчиков ушел из жизни рано, и все заботы по их воспитанию и последующему образованию легли на плечи матери. «Мы, конечно, старались помогать маме, – вспоминает Владимир Хусенович, – выполняли посильную работу по дому и различные мелкие поручения, но, будучи непоседливыми и чересчур шустрými, нередко получали от нее нагоняй».

Уже тогда, в детском возрасте, братья с замиранiem сердца прислушивались к голосу гармошки и ритму барабана, звучащим во время свадеб во дворе кого-нибудь из односельчан, старались запечатлеть в цепкой памяти плавный и вместе с тем строгий рисунок «кафы». Вскоре судьба предоставит им прекрасную возможность попробовать себя на настоящей сцене.

Через два года после того, как в 1968 году семья Бесланеевых переехала на жительство в Нальчик, ребят призвали на службу в ряды Советской Армии. В то время существовало правило, согласно которому близнецам разрешалось служить в одном подразделении, и братья Валера и Володя вместе отправились к месту службы – в Краснознаменный Закавказский военный округ, столицу Грузинской ССР Тбилиси. О том периоде

своей жизни, о Тбилиси, о людях, населяющих этот город, у Владимира Хусеновича сохранились самые теплые воспоминания. В недавнем интервью «Кабардино-Балкарской правде» он поделился своей ностальгией по тем годам и по старому Тбилиси: «Это очень уютный и располагающий к себе город. Во всяком случае, в то время он был именно таким. Старые улочки, столетние деревья, дома, от которых веет теплом. Грузины – хлебосольный народ. Они умеют встречать гостей и любят красивые застолья. А какая у них кухня! Это вообще что-то необыкновенное. Острые приправы, блюда из фасоли, мясные закуски, ароматный лаваш...».

Прибыв к месту службы, братья были определены в «Ансамбль песни и пляски Краснознаменного Закавказского военного округа», где впервые соприкоснулись с профессиональной хореографией. Служба в этом коллективе была насыщена выступлениями, приуроченными к различным торжественным датам. Концерты, – как правило, они проходили на «ура» и при полных аншлагах, – которыми в то время мог похвастать далеко не каждый профессиональный хореографический коллектив. Так к ребятам пришел первый и, наверное, самый ценный опыт выступлений при большом скоплении зрителей и ценителей танца и песни. Так, оглушаемые аплодисментами, они впервые примеряли на себя непрочную славу артистов. Казалось бы, о каком «мандраже» после нескольких десятков концертов можно вести речь? Однако Владимир Хусенович признается, что, выходя на сцену, почти всегда волновался, как новичок.

Но все это была внешняя сторона работы артистов. Почти все остальное время уделялось репетициям. Широкий репертуар, состоящий в том числе и из танцев народов многонационального Советского Союза, требовал постоянного совершенствования, и артисты ансамбля проливали реки пота, осваивая замысловатые танцевальные движения.

Домой Владимир и Валера вернулись уже настоящими профессионалами и продолжили свой путь по избранной стезе дальше, теперь уже в знаменитой «Кабардинке». На дворе были семидесятые, как позднее их стали называть – «застойные» годы, но Владимир Хусенович вспоминает о той поре с теплотой и сожалением: «Что бы ни говорили сегодня, это было далеко не самое плохое время в истории нашей страны, – считает он. – Государство заботилось о людях. Человек был социально защищен и чувствовал уверенность в завтрашнем дне. Авторитет страны и «советского паспорта» за границей был как никогда высок. Законы не только принимались, но и исполнялись, а злоупотребления некоторых тогдашних функционеров и хозяйственников не шли ни в какое сравнение с систематическим разграблением страны, которое было налажено «демократами» после краха СССР. Да и в целом жизнь была гораздо лучше, чем сейчас – добрее и честнее».

Круг творческих интересов Владимира Бесланеева не ограничивается только лишь хореографией. В эти годы он с увлечением участвует, практически организует съемки документального фильма «Курорт Нальчик», с которым едет на телефестиваль «Голубой экран» и становится одним из его лауреатов. Став главным балетмейстером творческого коллектива Всесоюзного общества слепых (УПП ВОС), создает здесь ансамбль

национального танца, который вскоре становится дипломантом VI Всероссийского конкурса самодеятельности. Под руководством Владимира Хусеновича также был снят документальный фильм «Хочу видеть», в котором рассказывается об истории возникновения этой организации и повседневной жизни и труде людей, лишенных возможности полноценно видеть. В то же время Владимир Бесланеев участвует во всесоюзном конкурсе агитбригад в Ленинграде, где творческий коллектив ВОС занимает 1-е место, а артисты поощряются поездкой в Болгарию на курорт Золотые Пески. После победы в этом конкурсе коллектив, возглавляемый Владимиром Бесланеевым, стал участником телепередачи «Мой адрес – Советский Союз».

Посвятив себя созданию национальных танцевальных коллективов, Владимир Бесланеев в качестве художественного руководителя и балетмейстера провел большую работу по популяризации адыгского национального танца среди детей и молодежи. К сожалению, он уже не имел возможности делиться своими планами и успехами с братом Валерой. Несколько лет назад его не стало. Потеря брата – большое горе, а в его лице единомышленника и друга – потеря вдвойне. Владимир Хусенович трудно переживал утрату близкого человека. Отвлекался только работой, окунувшись в любимое дело с головой. В течение непродолжительного периода организованные и ведомые им коллективы добились впечатляющих успехов на всероссийской и международной сценах. С его именем связан громкий успех таких известных ансамблей, как «Чегемские водопады», ансамбль песни и танца «Анзорей». Созданный в 2002 году, уже в 2005-м ансамбль получил звание народного. В активе «Анзорей» успехи на международных фольклорных фестивалях в Италии и Белоруссии, в городе Бобруйске, связанном с Кабардино-Балкарией трагической памятью о гибели нашего земляка, талантливого кабардинского поэта Али Шогенцукова. Большое внимание Владимир Хусенович всегда уделял тщательному отбору исполнителей, артистов балета. За несколько лет, прошедших с момента создания ансамбля «Анзорей», его состав успел обновиться четыре раза. Сегодня это двенадцать пар и десять солистов. И это – не считая виртуального резерва – желающих выступать в «Анзорее» достаточно. В числе недавних успехов ансамбля – выступления на таких межрегиональных фестивалях, как «Зори Кавказа» (2010 год, Карачаево-Черкесия, пос. Учкеек), в фестивале «Через мир – к единству» (2010), участники которого призвали развивать культуру межнациональных отношений на Северном Кавказе. Ансамбль «Анзорей» является примером для других хореографических коллективов Лескенского района – ансамбля «Бикар» (детская школа искусств с. Ерокко), театрального коллектива районного Дома культуры, вокально-инструментального ансамбля «Ийнар». Все эти коллективы также получили звание народных.

Предметом особой гордости для Владимира Бесланеева по праву может служить традиционный фестиваль «Лескенские зори», который проходит в районном центре Анзорей уже в девятый раз. Этот фестиваль стал настоящей культурной отдушиной и с каждым годом привлекает все больше участников и зрителей. Одно из последних культурных мероприя-

тий, организованных Лескенской администрацией с участием творческих коллективов района, – это открытие Года культуры, выступая на котором, Владимир Хусенович сказал: «Понятие культура имеет множество определений, но в каком бы ключе мы ни произносили это слово, оно всегда означает человеческую деятельность в самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений. Культура обладает огромной созидательной силой: культурные люди строят страну, общество, продвигают вперед экономику, защищают интересы государства. Я убежден, именно с возрождения культуры начнется возрождение государства!» В частном разговоре после открытия фестиваля Владимир Хусенович признался: «Я многого жду от этого фестиваля. Хочется, чтобы наши земляки и особенно молодежь знали и ценили традиционную хореографию. Помнили о своем национальном богатстве и культуре в целом».

Сегодня Владимир Хусенович занимает должность ведущего специалиста Республиканского научно-технического центра народного творчества, как и всю свою жизнь выполняет не всегда заметную, но такую необходимую работу, обучая и воспитывая молодежь, прививая юным гражданам нашей республики любовь к национальной культуре и традициям народа.

*Народный ансамбль песни и танца «Анзорей» Лескенского района, лауреат международного фестиваля в Белоруссии (г. Бобруйск).
Художественный руководитель – В. Х. Бесланеев*

Мухамед Черкесов

«В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ...»

Талантливый человек всегда многогранен. Наш сегодняшний гость подтверждает эту старую истину. Сначала он был неплохим фрезеровщиком, потом стал артистом, режиссёром, преподавателем. Знакомьтесь – заведующий кафедрой режиссуры СКГИИ Мухамед Черкесов.

Сцена влекла его с самого детства, но путь к театру оказался извилист. Мальчик учился в разных школах. Неизменным оставалось одно – необычайная артистичность. Он занимался в художественной самодеятельности и драматических кружках, принимал участие в сценках и школьных постановках. Учителя прочили ему театральную карьеру, и, окончив восьмой класс, Мухамед действительно поступил на актёрское отделение в училище Культпросвета. Вот только проучился он там недолго – всего год, а закончив десятилетку, вообще выбрал профессию, никак с искусством не связанную.

– После школы, мы вместе с другом и одноклассником устроились на завод полупроводниковой аппаратуры. Юра Балкаров, который позднее тоже связал свою жизнь с театром, учился на токаря. Я стал учеником фрезеровщика. Особенности этой профессии представлял себе смутно, но мне понравилось само слово. Казалось, что «фрезеровщик» звучит внушительно, – с улыбкой вспоминает гость «Литературной Кабардино-Балкарии».

Отслужив в армии, он устроился на обувную фабрику, но, видимо, у судьбы на его счет были совсем другие планы. Вскоре училище имени Щукина объявило набор в кабардинскую студию, и Черкесов, недолго думая, принял участие в конкурсе. Успешно сдав экзамены, он оказался в Москве, и это в корне изменило его жизнь и мировоззрение.

– Впечатления остались самые теплые. Учиться было увлекательно и, что самое главное, полезно. Наш художественный руководитель Леонид Владимирович Калиновский говорил – даже если вы будете просто ходить по городу и читать афиши, от этого уже будет большая польза.

Кабардинскую студию Калиновский набирал сам и специально для этого приезжал в Нальчик. Черкесов помнит, как читал мэтру монолог Гамлета.

– Прослушав меня, он заразительно рассмеялся. Возможно, Леонида Владимировича развеселила моя худоба и внешнее несоответствие трагическому образу датского принца, – вспоминает Мухамед Черкесов.

Преподавательский состав в училище был по-настоящему звездным. Ректор – знаменитый Борис Захава, сыгравший Кутузова в киноленте «Война и мир». Со студентами занимались Владимир Этуш и Цецилия Мансурова – первая исполнительница главной роли в спектакле «Принцесса Турандот».

– Цецилия Львовна была обаятельной женщиной и замечательной актрисой, – вспоминает режиссер. – Ей достаточно было взбить челку и немного поменять позу, и перед вами уже был совершенно другой человек.

Разумеется, теоретическими занятиями дело не ограничивалось. Практику студенты проходили в театре Вахтангова, а там было у кого поучиться.

– Мы участвовали в массовках, обслуживали спектакли. Помню, в пьесе «Антоний и Клеопатра» главную роль исполнял Михаил Ульянов. Я выносил ему меч, которым артист должен был себя «заколоть». Технология была следующая – Ульянов незаметно менял металлический меч на его копию, сделанную из алюминиевой фольги, и бросался на это «оружие» грудью. Я много раз смотрел эту сцену от начала до конца и всегда переживал, что артист перепутает мечи. Как только Антония выносили за кулисы, я оббегал сцену, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Несмотря на всесоюзную известность, чины, регалии и звания, великие актеры были людьми простыми. Со студентами общались едва ли не на равных. Причем это не было демонстрацией. Кроме того, дар у этих людей был потрясающий. Даже незначительный, казалось бы, эпизод им удавалось сыграть драматично – на пределе человеческих сил.

В театре Вахтангова шла пьеса «Человек с ружьем». Солдата играл Николай Гриценко – очень известный в то время актер. Мы, как обычно, создавали массовку. И вот он спрашивает, не найдется ли у кого-нибудь хлеба. Николаю Олимпиаевичу передают хлеб. Он отщипывает кусочек, кладет на язык, жует и смотрит по сторонам. Кивает головой, дескать, вкусно. Потом оборачивается ко мне, и мы смотрим друг на друга. Я столько всего увидел в его глазах. Это был взгляд голодного человека, голодного настолько, что у меня мурашки побежали по спине.

Разумеется, не все в театре так драматично. Профессия актера творческая, располагающая к импровизации и всевозможным шуткам. Задача – рассмешить партнера или, в крайнем случае, выбить его из привычной колеи. В Вахтанговском театре такие вещи очень любил Игорь Костолевский. В «Принцессе Турандот» он называл Ланового «Вася Высочество». Первое время эта безобидная реплика приводила Василия Семеновича в бешенство, – вспоминает Черкесов.

В местных театрах шутников тоже хватало. Режиссер до сих пор вспоминает импровизацию своего коллеги по Кабардинскому театру:

– Мухадин Секреков носил обувь сорок пятого размера. В спектакле «Камбот и Ляца» он играл князя. Приехали мы однажды в село, а его сапоги взять забыли. Стали искать у местных жителей, но не нашли. Размер-то не самый ходовой. Пришлось актеру играть в черкеске и собственных туфлях. И вот сцена скачек. Князь разговаривает со своим партнером, и тот говорит: «За этого жеребца я отдам тебе самую красивую рабыню». Секреков, не долго думая, отвечает: «Прибавь за жеребца пару сапог, тогда и поговорим». Вся массовка отвернулась, пытаясь скрыть от зрителей свой смех.

Мухамеду Черкесову посчастливилось работать с теми, кто стоял у истоков национального театра. Тухужев, Себекова, Сонов – сейчас эти люди по праву считаются классиками. Но по возвращении из Москвы у молодых актеров случались с ними разногласия.

– Мы были чересчур амбициозны, – считает режиссер. – Столичные педагоги всячески повышали нашу самооценку, да и возраст давал о себе знать. Думали, сможем горы свернуть. Нам казалось, что театр слишком консервативен, и старшим такая позиция не нравилось. Кроме того, сказывалась разница школ. Они были более академичны и где-то даже пафосны, но именно с них начался наш театр. Теперь мне кажется очевидным, что в труппе должны работать представители разных поколений. Это как в семье – пока родители живы, ты не чувствуешь себя сиротой.

В театре имени Али Шогенцукова Черкесов сыграл немало запоминающихся ролей, но потом понял, что ему ближе режиссура. По этой специальности окончил все ту же «Щуку» и занялся собственными постановками, причем не только в кабардинском, но и в балкарском театре. Дебютом молодого режиссера стала пьеса «Али баба и сорок разбойников». За ней последовали другие спектакли.

В 1994 году Черкесов ушел на телевидение. Работал главным режиссером ТВ КБР, потом главным режиссером Театра русской драмы. Преподавал режиссуру телевидения в СКГИИ, а в 2007 году возглавил кафедру в этом институте. Преподаватель он строгий, но и требования предъявляет вполне обоснованные – стремление и желание учиться.

– Общий уровень знаний абитуриентов снизился, но перспективы, тем не менее, есть, – говорит преподаватель. – Студенты, конечно, очень разные. Одни учатся с удовольствием, других приходится подгонять, но, несмотря на трудности, работать с молодежью интересно. Это помогает быть в тонусе и держать себя в форме.

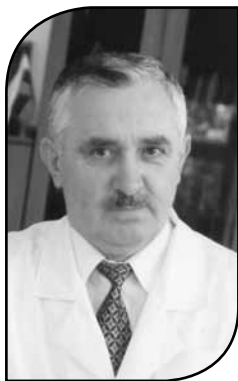
Для любого мужчины важен надежный тыл, а это, в первую очередь, женщина, которая рядом. Мухамеду Черкесову в этом смысле повезло. Со своей супругой он познакомился еще в юности – вместе учились в Москве. А в 1971 году они поженились. Народная артистка КБР Феня Машукова не только талантливая актриса. Для режиссера она друг, единомышленница и заботливая супруга. По словам Мухамеда Черкесова, союз двух творческих людей имеет свои плюсы и минусы, но плюсов неизмеримо больше.

– В браке недостаточно смотреть друг на друга. Важно смотреть в одном направлении, – считает режиссер, и этим, пожалуй, все сказано.

У супругов взрослая дочь и трое внуков.

– Первой родилась внучка, и свои ощущения от этого трудно описать словами. Не зря говорят, что родители детей воспитывают, а бабушки и дедушки их просто любят, – улыбается режиссер.

Необычные методы лечения офтальмолога Хацукова

В живописной долине реки Нальчик, бегущей в предгорьях Большого Кавказского хребта, расположен единственный в своем роде детский многопрофильный реабилитационный центр «Радуга».

До 1994 г. это был межколхозный санаторий с лечебным корпусом, бассейном, йодобромными ваннами, грязями. Экономические реформы лишили сельское хозяйство средств на содержание здравницы. И «Радугу» вывели из подчинения Минсельхоза и передали Минтруду КБР.

Борис Хацуков окончил в свое время Северо-Осетинский государственный медицинский институт, удостоен звания «Народный врач КБР». Американский биографический институт в 1998 году назвал его «Человеком года». Он – заслуженный врач РФ, отличник здравоохранения СССР, врач высшей категории по офтальмологии, кандидат фармацевтических наук, доктор медицинских наук по офтальмологии и по патофизиологии, член диссертационного совета Северо-Осетинской медицинской академии. Будучи офтальмологом, Борис Хусейнович сосредоточил в детском санатории «Радуга» практически все аппараты, имеющиеся в медицинской практике для лечения миопии, косоглазия, астигматизма. Много здесь и другой новейшей медицинской аппаратуры. Заметьте, приобретено все это было в годы глубокого кризиса

Хацуков убежден, что главная ошибка современной медицины – узкопрофильность. В одной клинике лечат глаза, в другой – опорно-двигательный аппарат, в третьей – сердце или почки.

– Организм – это единое целое, поэтому лечение должно быть комплексным. Ребенок со слабо развитой мускулатурой спины и шеи низко склоняет голову над тетрадкой, что приводит к близорукости. Кстати, вопреки устоявшемуся мнению, считаю, что если и читать в постели, то лучше лежа на спине, подняв над собою книгу, при условии хорошего освещения. В этом положении уменьшается давление тканей на глазное яблоко, в результате оно меньше растягивается, – говорит Борис Хусейнович.

В 1996 году он запатентовал уникальный метод лечения близорукости и других отклонений зрения – остеорефлексотерапию.

– Метод применяется более 30 лет, – пояснил Хацуков. – Его основным принципом является комбинированное воздействие на нервные рецепторы кожи и механическое раздражение надкостницы остистых отростков шейно-симпатического отдела позвоночника.

Остеорефлекторная стимуляция положительно влияет на функциональную систему дыхания и снабжение кислородом организма, головного мозга, что улучшает зрительную функцию. Создается новый сильный очаг дополнительного возбуждения, подавляющий прежние очаги, происходит количественная и качественная перестройка симпатической функции сегментарного аппарата на уровне шейного отдела спинного мозга.

Таким образом, на клеточном уровне улучшаются кровоснабжение

глаза и нервная проводимость. Расслабляется управляющая хрусталиком мышца, нормализуется внутриглазное давление. Несколько практически безболезненных уколов, и близорукость усталости, вызванная большими нагрузками на зрение и спазмом аккомодирующей мышцы, у большинства пациентов отступает навсегда. Если дефект зрения носит уже органический характер, метод Хацукова останавливает развитие близорукости.

С восхищением прокомментировала увиденное в «Радуге» и доктор медицинских наук, профессор факультета усовершенствования врачей Ростовского государственного медицинского университета офтальмолог Галина Должич:

– Хацуков, опираясь на восточную медицину, изобрел метод длительного воздействия на биологически активные точки шейного отдела, ведущий к улучшению зрения. Он впервые обосновал, что близорукость нужно лечить в комплексе с развитием дыхательной системы и применением других оздоравливающих процедур. Рост кислородного насыщения крови улучшает биоэнергетику головного мозга и зрительного нерва, за счет этого растет острота зрения. На этом фоне более эффективно традиционное аппаратное лечение зрения.

Г. Должич подчеркнула, что «Радуга» – единственный в России центр, обладающий таким многообразием лечебной аппаратуры для глаз и всеми санаторными возможностями, включая гидропроцедуры, лечебные грязи и йодо-бромные ванны.

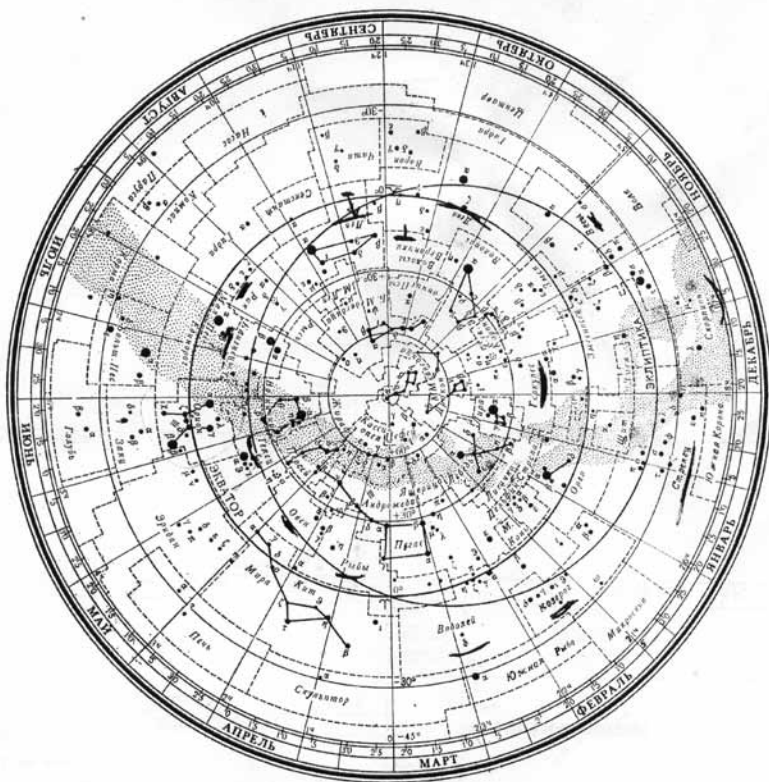
Борис Хацуков совместно с коллегой – профессором Ростовского НИИ нейрокибернетики Евгением Компанейцем, автором офтальмологического электростимулятора, много лет применяемого для профилактики и сохранения зрения у людей, испытывающих значительные нагрузки на глаза, разработали механизм сочетания обоих методов. С особым уважением об увиденном отзывались вице-президент наук СССР Н. И. Костюк, заведующий отделом нейросенсорики института нейрокибернетики профессор Е. Б. Компанец, профессор А. И. Казаков – Фармакадемия, г. Пятигорск; вице-премьер РФ О. Н. Сосуев и президент детского фонда РФ в 1998 году предлагали открыть международный реабилитационный центр на базе «Радуги». Ученые мечтают открыть на базе «Радуги» центр неоперативного лечения глазных заболеваний.

Б. Х. Хацуков имеет 9 монографий, более 170 опубликованных научных работ, 5 патентов на изобретения, совместно с учеными КБГУ, НИИ информатики и регионального управления КБНЦРАН и Северно-Осетинской медицинской академией разработаны новые подходы к лечению остеохондроза, атрофии зрительного нерва и глаукомы.

В век компьютерных технологий заметно увеличивается значительная нагрузка на глаза. Практически четыре пятых выпускников школ уже не имеют стопроцентного зрения. Специалисты, создавшие простые и не требующие больших затрат методы его улучшения, намерены продолжать разработки. Они считают, что объединение усилий ведущих офтальмологов под крышей специализированного научно-лечебного учреждения сделает их более эффективными.

В ПОМОЩЬ ВЛЮБЛЕННЫМ В НЕБО

ПОДВИЖНАЯ КАРТА ЗВЕЗДНОГО НЕБА

Материал к публикации подготовила Л. Батит

*Зарема САБАНЧИЕВА,
учитель русского языка и литературы,
МКОУ СОШ № 2 с.п. Аргудан*

Роль внеурочной работы в воспитании толерантной личности

На современном этапе воспитания одной из важных задач школы является формирование толерантности личности подростка. Являясь нравственным качеством, толерантность не возникает на пустом месте и не является врожденным, как и практически любое нравственное качество. Формирование толерантности следует начинать еще в раннем детстве, когда закладывается первооснова человеческого общения и основные нравственные категории (доброта, чуткость, отзывчивость, честность и т.д.). Однако мы часто наблюдаем несформированность толерантности у школьников. Извечные житейские неурядицы, поразительно стремительный темп жизни, социальные проблемы и природные катаклизмы, воспитательная инерция родителей по отношению к детям, агрессия, транслируемая с экранов телевизоров, – далеко еще не все причины несформированности толерантности у ребенка. Вряд ли кто-нибудь из нас сможет устранить все эти причины, но вот не дать им развиться мы обязаны.

Сближение процессов воспитания, обучения и развития, создание единого образовательного пространства является одной из наиболее сложных проблем современной педагогики, в решении которой помогает интеграция основного и дополнительного образования детей. Проблема воспитания толерантной личности, как носителя национальных культурных традиций и создателя «культуры мира», может решаться на уроках гуманитарных дисциплин, так как специфика гуманитарного познания связана с ценностно-смысловым освоением человеческого бытия. Но, на мой взгляд, не менее эффективно процесс формирования толерантного сознания и поведения осуществляется во внеурочной деятельности. Эффективной формой организации деятельности в этом направлении является создание школьного пресс-центра, так как социализация подрастающего поколения в большей степени происходит через СМИ. Именно так школьники входят, погружаются в социум, в общество своей страны и мирового сообщества.

Более шести лет назад в нашей школе начала работать литературная студия «Проба пера». Один раз в три месяца выпускается школьный литературный журнал с таким же названием. Это позволяет расширить воспитательное «поле» школы, так как создание журнала включает личность в многогранную интеллектуальную и психологически положительно насыщенную жизнь, где можно реализовать свои личностные качества, способности, которые зачастую остаются невостребованными основным образованием, где есть условия для самоутверждения и творческого саморазвития. Как руководитель объединения, я собрала вокруг себя инициативных и целеустремленных ребят, которые не воспринимают как игру издание журнала, а считают это серьезным делом. Осознавая потребности начинающих журналистов, старалась организовать образовательный процесс, в котором

оказываются слитыми воедино обучающий, воспитательный и развивающий аспекты.

Работая над созданием школьного журнала, мы стремимся решать следующие задачи: предоставить каждому возможность для самореализации, научиться работать в команде, познакомиться со структурой редакционной коллегии журнала, с особенностями работы журналиста, совершенствовать навыки использования ИКТ для поиска информации, оформления заметок и вёрстки газеты, повысить интерес читателей к делам и проблемам школы.

Теоретические занятия, журналистские задания, «мозговой штурм» при поиске новых тем, наконец, вёрстка журнала – всё это способствует формированию толерантного сознания и поведения, становлению коллектива единомышленников, развитию творческого потенциала детей. В своем нынешнем формате журнал имеет ряд постоянных рубрик и сложившихся традиций. В каждом выпуске – одна, максимум две ведущие темы. В целом, ежемесячное издание – своего рода летопись школы. Журнал постоянно поднимает вопросы актуальности здорового образа жизни, милосердия, толерантности и взаимопомощи в современной жизни.

Таким образом, школьный печатный орган становится инструментом развития социально-нравственной компетенции, формирования информационной культуры школьника, самоутверждения и становления личностной зрелости подростка.

Сегодня журнал – эффективное средство воздействия и воспитания, поскольку дает возможность удовлетворения интересов ребенка, создает «ситуацию успеха» в соответствии с его собственными способностями, безотносительно к уровню успеваемости по обязательным учебным дисциплинам. Педагоги отмечают, что ребята, занимающиеся в пресс-центре, становятся активными, уверенными в себе, нацеленными на успех.

Многообразие форм внеурочной деятельности порождает богатство условий для разнообразных видов деятельности, позволяя включать в работу весь комплекс психических процессов ученика. Система внеурочной учебной деятельности рассматривается как неотъемлемый компонент образовательного процесса и школы, позволяющий не только расширить диапазон базового образования, но и получить специальные научные и профессиональные знания, навыки, умения, придать процессу образования творческий характер, обуславливая его целостность и многомерность в русле концепции непрерывного образования.

Толерантность является важным компонентом жизненной позиции зрелой личности, имеющей свои ценности и интересы, готовой, если потребуется, их защищать, но одновременно с уважением относящейся к позициям и ценностям других людей.

Наша задача – не просто научить толерантному поведению и выработать общую установку на принятие другого, а сформировать такое качество личности, которое можно обозначить как активная толерантность, формула которой: понимание + сотрудничество + дух партнерства.

Сафарби ТЛУПОВ,
к.т.н., Кабардино-Балкарский институт бизнеса

О возможности учёта качественной неоднородности трудовых ресурсов при определении их производительности

Точность измерения производительности труда во многом определяется возможностями учёта качественной неоднородности трудовых ресурсов («ЛКБ» № 5, 2013). Более того, вопросы качества и сложности труда до настоящего времени недостаточно учитываются, а иногда и игнорируются при оценке эффективности производства, анализе трудоёмкости продукции и производительности труда. Это несмотря на то, что статистические службы в настоящее время осуществляют учёт числа занятых людей в экономике по полу и возрасту, по образованию и квалификации, по занятиям и профессиям, по отраслям и секторам экономики в целом по стране и её регионам. То есть, кроме количественного показателя числа занятых в экономике при определении их производительности, имеется возможность учитывать и качественный состав трудовых ресурсов.

Обычно труд измеряется его продолжительностью – в днях или в часах. Однако, как указывал К. Маркс, чтобы к труду можно было прилагать эту меру, все его виды должны быть сведены к среднему, или простому труду, как их единству. «День простого труда, – писал К. Маркс, – не есть мера стоимости, если имеются другие рабочие дни, которые относятся к дням простого труда как дни сложного труда» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 168].

Сопоставление и соизмерение различных видов труда осуществляется в процессе сведения сложного труда к простому труду. По этому поводу К. Маркс пишет: «Сравнительно сложный труд означает только *возведённый в степень* или скорее *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно... Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливается общественным процессом за спиной производителей, и потому кажутся им установленным обычаем» [там же, т. 23, с. 200].

Следует отметить, что процесс редукции труда неправомерно понимать как процесс сведения более квалифицированного труда к простому труду без всякого качества или к труду, не требующему никакой квалификации. Простой труд тоже не лишён качества, и качество его в динамике не остаётся постоянным. Например, переход от начального образования к общему, а от него к среднему является свидетельством повышения качества простого труда. К. Маркс, рассматривая категорию простого труда, отмечал, что это «...труд, которому может быть обучен каждый средний индивидуум» [там же, т. 13, с. 17]. При этом в качестве обозначения простого труда он употребляет термин «средний

общественный труд», указывая, что «в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду» [там же, т. 23, с. 209].

В плановой экономике СССР существовал ряд концепций по вопросам определения коэффициентов редукиции труда. [Гатаулин А. М. Издержки производства сельскохозяйственной продукции: (Методология измерения и пути снижения). – М.: Экономика, 1983. – С. 69-79].

Их существование вызывалось следующими положениями. Совокупные затраты труда могут быть представлены:

- во-первых, как сумма различных видов труда фактической сложности (труд данного качества);
- во-вторых, как сумма различных видов труда, приведенных к одному качеству.

Оба варианта расчётов имеют реальный экономический смысл. Анализ динамики и факторов формирования совокупного труда фактического качества (труда как такового без редукиции) имеет самостоятельное значение, особенно при исследовании межотраслевых отношений распределения общественного труда. В то же время решение ряда сложных планово-экономических задач предполагает приведение всех видов труда разной сложности к сопоставимому качеству. Это особенно важно при оценке экономической эффективности новой техники, новых технологических процессов и т.д., так как с их внедрением обычно повышается удельный вес квалифицированного труда. Эффективность может оказаться завышенной, если её оценивать по совокупным затратам труда без редукиции. Редукиция необходима и при обосновании цен на базе соотношений совокупных затрат труда. Количественные различия полных общественных издержек производства проявляются путём выравнивания различных видов труда по качеству.

В 20-е годы прошлого века большое распространение получила редукиция труда по соотношениям заработной платы, предложенная академиком С. Г. Струмилиным. Поскольку оплата труда при социализме осуществлялась с учётом количества и качества труда, сторонники этой концепции рассматривали систему организации заработной платы как механизм редукиции. Конкретные расчёты коэффициентов редукиции по соотношениям заработной платы проведены И. И. Дорошиным [Дорошин И. И. Определение народнохозяйственной трудоёмкости на основе межотраслевого баланса. – М.: Экономика, 1969], Р. А. Белоусовым [Белоусов Р. А. Общественно необходимые затраты труда и уровень оптовых цен. – М.: Мысль, 1969], К. И. Куровским [Куровский К. И. Проблемы измерения качества труда. – М.: Экономика, 1977] и др.

К этой концепции близка точка зрения, согласно которой редукиция труда осуществляется на основе соотношений тарифных коэффициентов В. С. Немчиновым и др. [Немчинов В. С. Общественная стоимость и плановая цена. – М.: Наука, 1970].

Несмотря на положительные стороны перечисленных подходов

(простота методов определения коэффициентов редукиции, доступность используемой в расчётах информации и т.п.), у них были существенные недостатки. Например, как отмечает А. М. Гатаулин, «различные соотношения заработной платы или тарифных коэффициентов не отражают в полной мере качественные различия труда. Так, при дифференциации оплаты, безусловно учтены различия в качестве труда, но связь между уровнем оплаты и качеством труда носит более сложный характер. Во-первых, заработная плата зависит от ряда факторов, не связанных с качеством труда (стимулирование привлечения труда в наиболее важные в данный период для отрасли, народного хозяйства и т.п.). Во-вторых, степень дифференциации заработной платы выражена гораздо слабее, чем степень различий в качестве труда в связи с условиями воспроизводства квалифицированной рабочей силы при социализме, поскольку эти издержки в основном несёт само общество. Кроме того, строго говоря, не дифференциация заработной платы является основой редукиции труда, а напротив, редукиция труда должна служить научной основой дифференциации его оплаты».

Очевидно, наличие перечисленных недостатков явились одной из причин того, что работы С. Г. Струмилина и В. С. Немчинова не получили в своё время практического применения.

Качество труда, степень его сложности определяется, с одной стороны, квалификацией работника, с другой – степенью развития самого труда (механизированный, автоматизированный труд и т.д.) обуславливающей в значительной мере его интенсивность и целесообразность.

Труд приобретает более высокое качество благодаря определённым издержкам общества на подготовку квалифицированного работника (включая издержки самого человека на повышение и поддержание квалификации). Поэтому по А. М. Гатаулину, наиболее обоснованным является метод редукирования труда на основе учёта различий в издержках общества на воспроизводство квалифицированной рабочей силы. Кроме того, своеобразным способом увеличения массы труда в единицу времени является его интенсивность. С учётом этих факторов автор строит определённую шкалу коэффициентов редукиции сложного труда в простой средний.

Для расчёта коэффициентов редукиции используем методику А. М. Гатаулина, но с новыми исходными данными.

Общая логическая схема определения затрат рабочего времени на подготовку специалиста с высшим образованием (без издержек на общее среднее образование) выглядит следующим образом: затраты времени самого обучающегося – 5 лет (или 60 месяцев); затраты государства на обучение одного студента примерно равны 300000 руб. Эти затраты можно оценить в единицах рабочего времени простого труда, разделив их на минимальную месячную оплату труда ($300000 : 5000 = 60$ человеко-месяцев); к этим затратам необходимо добавить время на периодическое повышение квалификации в период трудовой деятельности специалиста (в среднем 3 месяца в течение каждого

пятилетия, т.е. 21 месяц за 35-летний период). Тогда общие издержки составят 141 месяц рабочего времени ($60 + 60 + 21$) при средней продолжительности трудовой деятельности 420 месяцев (35×12), а за вычетом отпусков – 385 месяцев чистого рабочего времени. Отсюда $(141 + 385) : 385 = 1,37$. Следовательно, издержки воспроизводства труда данной квалификации в 1,37 раза выше соответствующих издержек воспроизводства среднего простого труда.

Аналогичные расчёты по подготовке специалистов со средним профессиональным образованием (один год специального обучения и повышение квалификации в период трудовой деятельности) приводит к коэффициенту 1,23.

Для работников частично механизированного труда со средним (полным) общим образованием – 0,92.

Следует иметь в виду, что качество ресурсов является понятием относительным. В силу разных причин и условий, простой неквалифицированный труд может оказаться более эффективным, чем высококвалифицированный труд, так как в процессе замещения их всё чаще приходится применять в «неестественных» для них нишах.

Различия в качестве труда наблюдается по регионам, отраслям и даже в производстве отдельных видов продукции, что должно быть учтено в определении качественной неоднородности трудовых ресурсов.

Ещё в 30-х годах XX века, Дж. М. Кейнс под уровнем занятости имел в виду не физическое число занятых, а число «единиц труда». За единицу труда он принимал труд одного неквалифицированного работника, а труд более квалифицированных работников выражал в «единицах труда», умноженных на коэффициент, отражающий различия в уровне заработной платы. Но мы будем умножать «единицу труда» на коэффициент, отражающий соотношение издержек воспроизводства труда данной квалификации и издержек воспроизводства среднего простого труда, рассчитанных выше.

Итак, за «единицу труда» в данном случае мы принимаем работников частично механизированного труда со средним (полным) общим образованием.

Теперь если полученные коэффициенты редукции для различных категорий работников использовать как их весовые коэффициенты значимости, то общая численность занятых с учётом их качественного состава можно определить по формуле:

$$K = V_1 K_1 + V_2 K_2 + V_3 K_3, \text{ или } K = \sum_i V_i K_i \quad (1)$$

где K – общее число занятых в экономике за определённый период;
 V_i – весомость (значимость) определённого уровня опыта и квалификации работников;

K_i – число «единиц труда».

Допустим, что среднегодовая численность занятых людей в экономике России равна: $K = 70$ млн. человек, из них 29% (20,3 млн. человек) с высшим образованием и соответствующим опытом работы; 45% (31,5 млн. человек) со средним специальным образованием; 26% (18,2 млн. человек) со средним (полным) общим образованием.

Тогда $K_{\text{во}} = 20,3$; $K_{\text{ссп}} = 31,5$; $K_1 = 18,2$, а $\sum K = 70$ млн. чел.

$V_1 = 1,37$; $V_2 = 1,23$; $V_3 = 0,92$.

Используя формулу (1) получим:

$K = (1,37 \times 18,2) + (1,23 \times 18,2) + (0,92 \times 18,2) = 24,9 + 22,4 + 16,7 = 64,0$ млн. чел. (2)

Полученное значение на 6,0 млн. человек меньше, чем фактическое количество занятых в экономике. Это означает, что при фиксированном значении конечного продукта в числителе формулы (ВВП), производительность труда в макроэкономике будет выше.

При других соотношениях числа занятых по уровню их качества, результаты расчётов будут другими.

Следует отметить, что даже такая корректировка числа занятых недостаточно для правильной оценки изменения производительности труда, так как её могут повысить технологический прогресс или организация рабочих мест. Основной капитал, участвующий в выпуске продукции также требует поправки с учётом качества. Технологический прогресс и организация труда в разной степени оказывают влияние на производительность станков разных типов, возраста и качества.

Необходимо также учитывать совокупную производительность факторов производства (СПФ), так как рост производства можно разложить на составляющие, которые объясняются увеличением факторов производства (труда и капитала), и объясняемые СПФ.

Какую же долю роста можно отнести на счёт СПФ, и какую долю на счёт увеличения факторов производства, зависит от способов оценки этих ресурсов. Например, если трудовые ресурсы измеряются в часах без каких-либо поправок на образование и опыт, тогда в экономике, в которой среднее количество лет школьного образования растёт, вклад школьного образования в качество рабочей силы будет отнесён на счёт роста СПФ. Если резервный капитал не учитывает качественные совершенствования, то вклад совершающегося качества капитала будет отнесён на счёт роста СПФ. Технологические усовершенствования, усовершенствование организации производства и распределения, уменьшение искажений (вредного регулирования или налогов) и совершенствование государственной политики будут отнесены на счёт повышения СПФ. Но расчёты, учитывающие эти факторы с учётом их качества, могут значительно сократить значение СПФ в росте производства. Тем не менее, даже в странах, где применяют точные поправки на качество, СПФ осталась важным источником роста.

В номере:

<i>Самир Хотко</i> . Черкесский меджлис. <i>Статья</i>	2
<i>Мухамед Хафиц</i> . Классику мировой литературы Омеру Сейфеддину (Хатко) – 130 лет. <i>Очерк</i>	6
<i>Омер Сейфеддин (Хатко)</i> . Скрещеница. <i>Рассказ</i>	9
<i>Андрей Хакуаиев</i> . Письма А. П. Кешокова Х. И. Теунову. <i>Статья</i>	13
<i>Тазал Маиуков</i> . Алим Кешоков – публицист. <i>Статья</i>	22
<i>Петр Кажаров</i> . Вещий сон. <i>Стихи</i>	31
<i>Колонка редактора</i>	32
<i>Мухамед Шихабахов</i> . Во благо победителей. <i>Статья</i>	33
<i>Жанна Кандорова</i> . К юбилею М. К. Абдуллаева. <i>Очерк</i>	36
<i>Владимир Захаров</i> . Лермонтов и Восток. <i>Статья</i>	39
<i>Адам Гутов</i> . Емук. <i>Рассказ</i>	49
<i>Магомет Кучинаев</i> . Дорога. <i>Гл. из повести</i>	53
<i>Улугбек Едаулетов</i> . <i>Стихи</i>	82
<i>Хасан Тхазеплов</i> . <i>Стихи</i>	85
<i>Аскер Додуев</i> . Там, на крутом берегу. <i>Очерк</i>	86
<i>Александр Пряжников</i> . <i>Стихи</i>	87
<i>Беслан Шипшев</i> . <i>Стихи</i>	91
<i>Тодур Занет</i> . <i>Стихи</i>	93
<i>Али Атабиев</i> . <i>Стихи</i>	96
<i>Зоя Афашагова</i> . Мать есть мать... <i>Рассказ</i>	97
<i>Владимир Сариивили</i> . Путеводная звезда Салиха Гуртуева. <i>Очерк</i>	109
<i>Эльмира Гелястанова</i> . Проблема национального характера в балкарском романе. <i>Статья</i>	114
<i>Фатима Кучинаева (Казакова)</i> . Любовь с оглядкой. <i>Рассказ</i>	126
<i>Анатолий Шарданов</i> . Из «Энциклопедии Кабардино-Балкарской жизни»	133
<i>Елена Ядрина</i> . <i>Стихи</i>	137
<i>Марианна Кочесокова</i> . <i>Стихи</i>	140
<i>Нина Ягодинцева</i> . «Сибирячка, русская, сударыня...». <i>Очерк</i>	141
<i>Сакинат Абаева</i> . По пути в мой рай, в мой Чегем. <i>Эссе</i>	146
<i>Юлия Соловьева</i> . Ниточка с миром. <i>Очерк</i>	151
<i>Аслан Закураев</i> . Состояние и перспективы развития транспорта в г. Нальчике. <i>Статья</i>	156
<i>Саладин Жилетежев</i> . Встреча с Эйзенштейном. <i>Статья</i>	163
<i>Ирина Богачева</i> . Постигание истины. <i>Очерк</i>	168
<i>Ибрагим Гукемух</i> . Сделать свой выбор. <i>Очерк</i>	174
<i>Эдуард Битиров</i> . «В одном направлении...». <i>Очерк</i>	178
Необычные методы лечения офтальмолога Хацукова. <i>Статья</i>	181
<i>Лейла Батит</i> . Подвижная карта мира	183
<i>Зарема Сабанчиева</i> . Роль внеурочной работы в воспитании толерантности личности. <i>Статья</i>	184
<i>Сафарби Тлупов</i> . О возможности учета качественной неоднородности трудовых ресурсов при определении их производительности. <i>Статья</i>	186

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 29.03.14. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12 .

Тираж 2433 экз. Заказ № 52. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

www.pressa.smikbr.ru

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
